

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. А. Лаппо

**САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ:
СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ЯЗЫКОВЫЕ РЕСУРСЫ**

Новосибирск • 2013

УДК 811.161.1'37+81
ББК 81.411.2-3+81.00
Л 245

Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВПО «НГПУ»

Подготовлено и издано в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

И. М. Кобозева;

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой общего, славяно-русского
языкознания и классической филологии ТГУ

З. И. Резанова

Научный редактор:

д-р филол. наук, проф. кафедры современного русского языка НГПУ

Т. А. Трипольская

Лаппо, М. А.

Л 245 Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы :
монография / М. А. Лаппо ; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб.
гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.

ISBN 978-5-85921-977-3

Монография посвящена довольно новой и поэтому спорной теме в лингвистике – специфике отражения идентичности в языке и речи. Ценность лингвистической работы в области идентичности и самоидентификации заключается в описании значимости тех речевых усилий, которые совершает человек для утверждения себя в этом мире. На материале русского языка исследуется система вербальных ресурсов выражения и описания, маркирования и конструирования идентичности.

Книга адресована филологам, а также специалистам смежных областей, интересующимся проблемами вербализации идентичности.

УДК 811.161.1'37+81
ББК 81.411.2-3+81.00

ISBN 978-5-85921-977-3

© Лаппо М. А., 2013
© ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Идентичность и самоидентификация в социогуманитарном знании	
1.1. Идентичность и самоидентификация как категории фило- софии, психологии и социологии	8
1.1.1. Идентичность	8
1.1.2. Самоидентификация	14
1.2. Идентичность и самоидентификация в научном и обыденном русскоязычном дискурсе	17
1.3. Лингвистические аспекты изучения идентичности и самоидентификации	26
Глава 2. Самоидентификация и смежные явления	
2.1. Самоидентификация и самопрезентация	32
2.2. Самоидентификация и самохарактеризация	42
2.3. Самоидентификация и искренность	51
2.4. Самоидентификация и языковая игра	63
2.5. Самоидентификация и категория «свое – чужое»	67
Глава 3. Языковые ресурсы самоидентификации	
3.1. Выражение и описание идентичности говорящим субъектом	78
3.1.1. Самоидентификация как выражение идентичности говорящего	80
3.1.2. Самоидентификация как описание идентичности говорящего	83
3.2. Лексические средства описания идентичности	88
3.2.1. Основные тематические группы соционимов	88

3.2.2. Эволюционно-видовая самоидентификация говорящего субъекта в когнитивно-дискурсивном аспекте	95
3.2.3. Языковые средства идентификации/ самоидентификации как нечеткие лингвистические множества.....	102
3.2.4. Наивная этнонимика и обыденное метаязыковое сознание носителей русского языка	110
3.2.4.1. Изучение этнонимов в ходе психолингвистического эксперимента	110
3.2.4.2. «Поведение» этнонимов в дискурсе (на примере слов россиянин и русский)	124
3.2.5. Прагматический потенциал лексем, обозначающих лиц по роду занятий: динамический аспект (на примере слова учитель).....	134
3.3. Фразеологические ресурсы описания идентичности	145
3.4. Грамматическое моделирование самоидентифицирующего высказывания.....	152
Заключение	157
Список литературы	160

ПРЕДИСЛОВИЕ

Речь о себе можно оправдать тем,
что себя знаешь лучше всего.

Итак: я говорю о себе,
ибо себя лучше всего знаю.

Р. Павиленис. Смысл и идентичность, или Путь к себе

Концепт *идентичности* ввиду своей диффузности, с одной стороны, и высокой степени объяснительной силы, с другой, сегодня оказался ключевым во всех науках гуманитарной сферы – социологии, философии, психологии, психотерапии, культурологии, политологии, журналистике и др. В основе самых разнообразных подходов к феномену идентичности лежит стремление социума к целостности, постоянству и прозрачности образа человека: *self* (самость) должен быть очевиден и понятен, форма должна быть равна содержанию, поведение человека должно адекватно отражать его интенции и образ Я, поведение должно быть предсказуемо и константно. Однако желаемое далеко от действительного, имеет место сложное соотношение поведения и психологических доминант субъекта: во-первых, самому человеку далеко не всегда понятны мотивы его поступков (по причине преобладания бессознательного над осознаваемым), во-вторых, даже нечто поняв, человек не всегда спешит знакомить окружающих с результатами своего осознания. Отмеченные феномены *текучей, разорванной, недостигнутой, множественной, конфликтной, кризисной, масочной, «испорченной», виртуальной идентичности* также существенно усложняют процессы управления субъектом и коммуникации с ним. Вопрос же об управлении поведением человека актуален как в быту, так и на уровне государственной политики. Не случайны поэтому постоянные попытки и обывателей, и государственных деятелей как-то исправить чужую неправильную, маргинальную идентичность: люди болезненно реагируют на поведение других, нарушающее их представление о сущности человека и пошатывающее образ правильного, стабильного мира.

Вследствие этого научная задача многих исследовательских практик формулируется либо в области эффективной диагностики «реальной» идентичности, либо в сфере коррекции каких-либо отклонений

от «здоровой» идентичности личности/социума (разрешение кризиса идентичности, достижение «нормальной», недевиантной, непатологической идентичности и под.).

Думается, что именно в связи с указанным социальным интересом наука активно пошла по пути американского социолога И. Гофмана, т. е. такого взгляда, который постулирует, что идентичность – это нечто внутреннее и невыразимое, наблюдать идентичность человека можно только через его самопрезентацию, а вся деятельность человека подчинена созданию имиджа, впечатления о нем у окружающих. Невозможно согласиться с таким научным обобщением, в настоящее время разрабатывается и другая точка зрения на этот вопрос, которая смещает вектор интереса с понятия самопрезентации на понятие самоидентификации как процесса создания идентичности. Если первый подход описывает жизнь человека как процесс управления впечатлением и проигрывания ролей, то в рамках второго подхода жизнь – это *непрерывный* процесс формирования идентичности человека.

В данной работе акцентируется внимание на том, что человек, с одной стороны, непрерывно ощущает, переживает свою идентичность, поэтому у него возникает потребность ее выразить, описать, утвердить, а с другой стороны, человек, в силу разных причин, как бы постоянно сомневается в своей принадлежности к каким-либо общностям, а также в своей *уместности* в каком-либо социальном пространстве (по сути, поднимая вопрос о смысле жизни), поэтому он включен в процесс создания, «проверки» и подтверждения своей идентичности. Речь пойдет о переживании человеком своей идентичности, точнее, о том, как это переживание репрезентируется в речи, oznaчивается средствами родного (русского) языка в дискурсе. Думается, что вербализация этого чувства, чувства идентичности – важнейшая составляющая этого переживания, поскольку вся жизнь человека, вся его деятельность пронизана языком, освещена способностью и потребностью говорить, человеческое существование немислимо вне языка и речи.

Представление современной философии о том, что язык фиксирует и процесс, и результат посредством одних и тех же знаков (Р. Павиленис) позволяет перейти к исследованию идентичности как в рамках эссенциалистского, так и в рамках конструкционистского подходов. Первый дает возможность оценить накопленные ресурсы языка в области маркирования самых разнообразных категорий людей, вто-

рой разрешает говорить о том, что в речевой деятельности *непрерывно* осуществляются процессы идентификации и самоидентификации.

Исследование вводит в научный оборот категорию самоидентификации как вербального акта *описания* идентичности, встраивая ее в апробированную идею о языковом и речевом *выражении* идентичности. Также особое внимание будет уделено соотношению самоидентификации и пограничных явлений, прежде всего, самопрезентации и самохарактеризации, явлений неискренности и языковой игры, категории «своего» и «чужого».

Впервые на материале русского языка комплексно исследуется система языковых ресурсов выражения и описания идентичности: как с точки зрения уровневой системы языка – семантическая специфика соционимов и фразеологических единиц, синтаксический инвариант и варианты «самоидентификационной формулы», прямые и косвенные способы описания идентичности, так и с точки зрения тематического охвата – задействованы разные тематические области идентичности (эволюционно-видовая, национальная, профессиональная, гендерная, возрастная и др.).

Автор выражает искреннюю признательность своим учителям и коллегам – сотрудникам кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета – за возможность обсуждения этой темы, критические замечания и ценные идеи.

ГЛАВА 1. ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

1.1. ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

1.1.1. Идентичность

Вопрос об идентичности человека, возникший в недрах философии (*кто и что есть человек? каково его предназначение?*), постепенно проник в различные гуманитарные сферы. Сегодня авторы обзоров по теме идентичности утверждают о засилье в науке множества ее определений, которое ведет к размыванию и, в конечном итоге, к ненужности термина. Р. Брубейкер и Ф. Купер пишут: «Идентичность» может означать слишком много (в сильном смысле ее понимания), слишком мало (в слабом смысле ее понимания) или вообще ничего (из-за ее полной двусмысленности). Мы критически рассматриваем ту концептуальную и теоретическую работу, которую, как считается, выполняет «идентичность», и предполагаем, что данная работа могла бы быть сделана лучше при помощи других терминов, менее двусмысленных и не обремененных конкретизирующими коннотациями слова «идентичность» [Брубейкер, Купер, 2002, с. 62]. А.П. Галкин и А.Г. Кузнецов считают, что «в настоящее время термин «идентичность» претерпевает сильную инфляцию», что «выражается в целом ряде затрудняющих проведение адекватного исследования «шумовых» эффектов, как то множественность и разрозненность трактовок идентичности, частое, но нерелективное использование данного понятия, и, как следствие, смешение его научного смысла со смыслом слова, используемого в повседневности» [Галкин, Кузнецов, 2007, с. 97–98]. В связи с последним замечанием обратим внимание на то, что слово *идентичность* проникло в обыденный дискурс из научной сферы и нечеткое его использование в быту лишь отражает размытость термина в науке (ср. с функционированием, например, слова *гипотенуза* в бытовой речи).

Есть и другое отношение к диффузному использованию термина *идентичность*. «В последние годы термин «идентичность» после нескольких десятилетий относительного равнодушия к нему вновь начал

широко использоваться как в социальных науках, так и в журналистике и политической лексике. Он заменил ранее популярные слова «самосознание», «самоопределение» применительно к личности, группе, этносу и т. п. Однако в разных теоретических контекстах его значения неодинаковы. Это затрудняет сравнение и обобщение результатов исследований, полученных в социологии, антропологии и психологии. *В то же время взаимные ссылки представителей различных наук позволяют предположить, что при всей многозначности понятие имеет содержательное ядро, которое сохраняется при любом его использовании* [курсив мой. – М.Л.]» [Орлова, 2010, с. 88].

В связи с этим, одна из задач работы видится в осмыслении разных подходов к понятию идентичности, поиске содержательного ядра, выделенного в социогуманитарных науках, с тем чтобы иметь возможность перейти к описанию лингвистических аспектов данного феномена.

Исследователи говорят о существовании различных подходов к этому феномену, делая попытки эти подходы классифицировать. Так, упомянутые Р. Брубейкер и Ф. Купер выделяют несколько ключевых значений идентичности:

1) идентичность как фундамент социальной или политической активности, определенная социальная локализация, позиция в многоярусном пространстве (раса, этнос, пол и др.);

2) идентичность как специфически коллективное явление, фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы или категории, проявляющееся в общности действий и переживаний;

3) идентичность как ядро коллективного или индивидуального «Я» (self), используется для указания на нечто глубинное, основательное, значительное или императивное;

4) идентичность как продукт социальной или политической активности, процессуальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие;

5) идентичность как случайный продукт многочисленных и соревнующихся дискурсов.

Нужно помнить, что по большей мере это разнообразие подходов объясняется сложностью, многомерностью самого феномена идентичности. На это обстоятельство указывает ряд ученых. К примеру, один из родоначальников концепции идентичности Э. Эриксон в работе «Identity and the Life Cycle» писал, что «в одно время она (идентичность)

кажется относящейся к сознательному чувству индивидуальной уникальности, в другое – к бессознательному стремлению к непрерывности опыта, в третье – к солидарности с групповыми идеалами» (цит. по: [Короленко и др., 2007, с. 13]). Э. Эриксон сознательно не дает окончательного определения идентичности: «Чем больше пишешь на эту тему, тем более широким и всеобъемлющим кажется содержание этого термина. Единственный путь определить его – попытаться понять, в каких контекстах без него нельзя обойтись» [Эриксон, 1996, с. 20].

П. Рикер, приступая к описанию понятия «повествовательная идентичность», считает нужным устранить «семантическую двусмысленность, угрожающую понятию идентичности. Сообразно латинским словам «*idem*» и «*ipse*» здесь накладываются друг на друга два разных значения. Согласно первому из них, «*idem*», «идентичный» – это синоним «в высшей степени сходного», «аналогичного». «Тот же самый» («тете»), или «один и тот же», заключает в себе некую форму неизменности во времени. Их противоположностью являются слова «различный», «изменяющийся». Во втором значении, в смысле «*ipse*», термин «идентичный» связан с понятием «самости» (*ipseite*), «себя самого». Индивид тождествен самому себе. Противоположностью здесь могут служить слова «другой», «иной». Это второе значение заключает в себе лишь определение непрерывности, устойчивости, постоянства во времени (*Beharrlichkeit in der Zeit*), как говорил Кант. Задача скорее состоит в том, чтобы исследовать многочисленные возможности установления связей между постоянством и изменением, которые соответствуют идентичности в смысле «самости» [Рикер, 1995, с. 20].

Развивая идеи Э. Эриксона, И.С. Кон определял идентичность как совокупность представлений человека о своей самобытности во всех основных модальностях – психофизиологической, социальной и личностной: «1) *Психофизиологическая* идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и свойств организма; 2) *социальная* идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам; 3) *личная* идентичность, или эго-идентичность (эго-идентичность обозначает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысловых установок личности, осознающей

себя как «самость») [Кон, 1984, с. 28–29]. Не все виды идентичности одинаково отражаются в языке/речи. Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко пишут, «что представители Британского психоанализа стараются выделить идентичность и чувство Self'a из сферы межличностных интеракций, подчеркивая глубокую интимность переживания Self'a (Winnicott, 1963; Khan, 1963). Enid Balint (1991) относит идентичность, чувство Self'a к наиболее глубоким формам переживаний, которые невозможно выразить в языке. Такое переживание может обостряться, когда человек находится в одиночестве и имеет возможность погрузиться в себя» [Короленко, Дмитриева, Загоруйко, 2007, с. 13]. Вероятно, мнение Э. Балинта относится к «бессознательному стремлению к непрерывности опыта» (по Эриксону) или к психофизиологической идентичности (по Кону). Если «фактически идентичность – это определенная форма соответствия человека и культуры» [Сапожникова, 2005, с. 14], то эту форму возможно каким-то образом обнаружить. С лингвистической точки зрения, представляет интерес вербализованная идентичность.

Более или менее явному, четкому отражению в речи прежде всего подвержена социальная идентичность. Под социальной идентичностью понимается «самоопределение¹ себя в терминах отнесения к определенной группе» [Киселев, Смирнова, 2001, с. 12]. Политолог Н.А. Косолапов определяет идентичность как явление, зависящее от среды: «**Идентичность** – в разной степени артикулированное, остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к 'своему' миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями; весьма высокая потребность в одобрении своих действий самой личности (группы) со стороны такой среды и ее авторитетов; чувство неотъемлемой принадлежности к генетическим, историко-культурным, духовным корням этой среды; ощущение и осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды» [Косолапов, 2003, с. 102]. Идентичность, зависящая от среды, требует постоянной коммуникации с ней, т. е. «артикуляции».

Тем не менее, опосредованному отражению в речи подвергаются все формы идентичности. Согласно мнению философа М.А. Фадеевой, в науке существует три основных понимания **идентичности**: идентичность как тождество, идентичность как подлинность и иден-

¹ Разрядка моя. – М.Л.

тичность как принадлежность. В данной работе идентичность будет пониматься преимущественно как переживание принадлежности индивида к какой-либо общности людей. Думается, что идентичность как тождество индивида самому себе, идентичность как подлинность и идентичность как принадлежность тесно связаны друг с другом, взаимно определяют друг друга. Так, принадлежность индивида к группе – его внутреннее переживание тождества с ней и приписывания себя к этой группе – обусловлено идентичностью-подлинностью, поскольку в процессе самоидентификации индивид привлекает какие-либо объективные показатели своей принадлежности к чему-л. Тождество индивида самому себе является в этом процессе неким фундаментом, базой: он эти поиски принадлежности связывает с собой, а не с кем-то другим. Ср. с определением психолога Л.Б. Шнейдер, которая также объединяет разные стороны идентичности в нечто неразрывное: «Идентичность есть самореферентность, т. е. ощущение и осознание уникальности Я в его экзистенции и неповторимости личностных качеств, при наличии своей принадлежности социальной реальности» [Шнейдер, 2001, с. 111].

Понятие идентичности может приписываться не только отдельному человеку, но и целому коллективу, группе. Я. Ассман, выделяя групповую «мы-идентичность» и «я-идентичность» (которая, в свою очередь, делится на индивидуальную и личную), считает, «групповая «мы-идентичность» группы имеет <...> приоритет перед индивидуальной «я-идентичностью», иначе говоря: идентичность есть социальное явление, она «социогенна» [Ассман, 2004, с. 140]. Кроме этого, набор черт, которые формируются у субъекта и, собственно говоря, определяют индивидуальную и личную идентичности, напрямую зависит от его коллективных идентичностей, т. к. именно они влияют на поведение субъекта в тех или иных обстоятельствах. Мы думаем, что также следует различать индивидуальную и социальную персональную идентичность: индивидуальная идентичность строится из личных характеристик субъекта и формирует его уникальность как субъекта, социальная идентичность включает отношения субъекта к определенным группам, классам людей.

Вообще, следует учитывать то, что «мнения и представления разных авторов о видах, типах и структуре идентичности достаточно многообразны и претерпели исторические изменения» [Короленко, Дмитриева, Загоруйко, 2007, с. 18]. В указанной работе Ц.П. Королен-

ко, Н.В. Дмитриевой, Е.Н. Загоруйко и работах других авторов дается обзор классификаций идентичностей, которые могут частично пересекаться друг с другом:

- по эмоциональному самопринятию (*негативная, позитивная*);
- по направленности (*социальная, коллективная, групповая, Я-идентичность, эго-идентичность, личная, индивидуальная, персональная*);
- по происхождению (*внешне обусловленная, базисная, приобретенная, ролевая, заимствованная, первичная или вторичная*);
- по наличию кризиса и единиц идентичности² (*достигнутая, «мораторий», преждевременная, диффузная*);
- по уровню осознанности (*осознаваемая, неосознаваемая*);
- по объекту идентификации (*экологическая, антропологическая, психологическая*);
- по очевидности атрибутов идентификации³ (*актуальная, виртуальная, реальная, идеальная, желаемая*);
- по социальной обусловленности (*предъявляемая, непредрядьявляемая*);
- по иерархическому статусу (*центральная, периферическая, различные субидентичности*);
- по социальной адаптации (*конструктивная, деконструктивная, девиантная, маргинальная*);
- по стратегии выхода из кризиса идентичности (*биографическая, партиципативная, функциональная и сегментивная*⁴);
- по тематическому антропологическому признаку (*культурная, гендерная, половая, расовая, этническая, национальная, территориальная, профессиональная, возрастная, религиозная, конфессиональная и др.*⁵).

Эти многочисленные классификации в науке, с одной стороны, подтверждают сложность, объемность анализируемого феномена, с другой стороны, в дальнейшем позволят очертить границы лингвистической компетенции в данной области знания. Анализируя различные подходы и категории сферы «идентичность», приходим к выводу,

² По Дж. Марсиа, единицы идентичности – это личностно значимые цели, ценности, убеждения [Marcia, 1987].

³ По И.А. Остапенко [2004].

⁴ По А. Hahn [2000].

⁵ Подробнее см. в параграфе 1.2.

что ИДЕНТИЧНОСТЬ — сложнейший процесс, в котором сливаются две несколько противоположные тенденции: 1) желание выделиться из размытой массы людей, вычленив себя как нечто уникальное, желание обособиться, 2) желание присоединиться к коллективу, найти «своих», приобщиться к кому- и чему-либо, чтобы не чувствовать себя одиноким и незащищенным. В целом, обрести свою идентичность означает найти себя, найти свое уникальное место в группе чем-то похожих людей.

1.1.2. Самоидентификация

Довольно часто в научном дискурсе термин *идентичность* используется как синоним слова *идентификация*: «Весьма распространенной является терминологическая путаница, связанная с соотношением понятий «идентичность» и «идентификация». Зачастую это обусловлено стремлением авторов к стилистической эlegantности, нежеланием повторять одно и то же слово, пусть даже в ущерб смысловой корректности словоупотребления терминов» [Кондратьев, Ильин, 2007, с. 150].

Для того чтобы впоследствии дать собственное рабочее определение самоидентификации как вербального действия, мы не будем отождествлять идентичность и идентификацию/самоидентификацию, обратив внимание на те работы, где эти понятия дифференцируются. М.В. Заковоротная подчеркивает: «Идентичность включает в себя различные аспекты, а *идентификация* – описание таких аспектов. *Идентичность* – результат, ставшее, отстаивание и защита себя, *идентификация* – приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок. Потому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслению идентичности» [Заковоротная, 1999, с. 124–125].

Толковые словари русского языка не включают слово самоидентификация в свои словники, а идентичность определяют исключительно как «свойство идентичного». В энциклопедических словарях его тоже пока нет. В Большой российской энциклопедии указывается, что *идентификация* «в социологии – процесс самоопределения⁶ индивида (или определения другого) в социальном пространстве, в социальных группах и сообществах, а также в системе их взаимодействий. Результатом идентификации является осознание человеком своей идентич-

⁶ Разрядка моя. – М.Л.

ности» [Большая российская энциклопедия, т. 10, 2008, с. 695]. См. в толковом словаре русского языка: «*Самоопределиться*, -люсь, -лишь-ся; сов. Определить своё место в жизни, в обществе, осознать свои общественные, классовые, национальные интересы» (ТСОШ).

В отечественном научном дискурсе термин *самоидентификация* вторичен по отношению к термину *идентификация*. В психологических словарях также, как правило, отсутствует самостоятельная статья для *самоидентификации*, поэтому она толкуется через понятие *групповой идентификации*, например: «**Идентификация** (от лат. *identificare* – отождествлять). 5. И. групповая – устойчивое отождествление себя с к.-л. (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие ее целей и системы ценностей (см. Социальная идентичность, Ценностные ориентации), осознание себя членом этой группы или общности. Син. автоидентификация, самоидентификация» (Д.А. Леонтьев) [Большой психологический словарь, 2004]. Мы видим, в данном случае *самоидентификация* синонимизируется с *групповой идентификацией*.

Социологическая энциклопедия, определяя термин *идентификация*, в отличие от М.В. Заковоротной, не связывает этот процесс с результатом – появлением чувства идентичности: «**Идентификация** 3. (*псих.*) Эмоционально-когнитивный процесс неосознаваемого отождествления субъектом себя с другим субъектом, группой, образцом, помогающий ему успешно овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности, принимать социальные роли» [Социологическая энциклопедия, т. 1, 2003, с. 335].

В диссертационном исследовании Е.А. Рукавицыной уточняется соотношение понятий *идентичность*, *идентификация* и *самоидентификация*: «Самоидентификация представляет собой сложный феномен, который является разновидностью более общих процессов идентификации и идентичности. <...> Идентичность – статичный процесс, идентификация же процесс динамичный. Идентификация – это соотнесение «другого» с определенной общностью, самоидентификация – соотнесение себя с определенными понятиями. Термин «самоидентификация» – предельно личностный, так как по определению предполагает индивидуальный процесс, основанный на самопознании. Однако, в случае рассмотрения больших социальных групп, они приобретают статус субъекта и соответственно вполне могут рассматриваться в контек-

сте применения термина «самоидентификация» [Рукавицына, 2011, с. 16]. Исследователь также считает, что самоидентификация – более узкое понятие, разновидность идентификации и идентичности, кроме этого, подчеркивается личностный характер самоидентификации.

Б.Е. Винер, специалист по этнической идентичности, указывает, что в бристольской школе психологии (D. Abrams, M. Hogg, H. Tajfel, J.C. Turner и др.) имеется отличное понимание соотношения понятий самоидентификация и идентичность: самоидентификация – это *маркер*, демонстрирующий принадлежность человека к определенной этнической группе. Данное понимание применяется Б.Е. Винером к явлению этнической идентичности: «Этническая идентичность включает в себя весь набор представлений человека о своем этносе, а также чувства и намерения, связанные с этими представлениями. Этническая самоидентификация входит в этническую идентичность и является ее ядром. Смена этнической самоидентификации ведет к перемене этнической идентичности даже в том случае, если какие-то прежние ее компоненты остались неизменными» [Винер, 1998, с. 119]. Итак, Б.Е. Винер определяет другой важный аспект в соотношении понятий самоидентификация и идентичность: самоидентификация входит в идентичность и является ее ядром.

На наш взгляд, существенного противоречия в этих двух подходах (самоидентификация – процесс, а идентичность – результат этого процесса, с одной стороны, и самоидентификация – маркер идентичности, с другой) нет. Это взаимосвязанные аспекты: в процессе самоидентификации используются маркеры, некие средства самообозначения. Язык, речь, одежда, питание, жилище, ритуалы, всё поведение в целом – разнообразные маркеры идентичности человека. Так, например, в лингвистических исследованиях анализируются самоидентифицирующие высказывания как результат самоидентифицирующего суждения (см. работу Е.Н. Катановой, 2009).

В психологии, социологии, культурологии, политологии, философии, психотерапии рассматриваются половая, сексуальная, гендерная, этническая, национальная, религиозная, возрастная, профессиональная, социокультурная, гражданская, социальная, культурная идентичности. Может быть и более конкретное, детальное определение идентичности, например, внутри профессиональной группы – указание на принадлежность к направлению, течению, школе. Все эти разнообразные идентичности нуждаются время от времени в «подтверждении», атрибуции су-

ществования самих себя, поскольку «любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир» [Кривых, 2009, с. 131]. Следовательно, самоидентификация – это не только процесс поиска, формирования идентичности (конструирование), но и маркирование своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях ее сохранения.

1.2. ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В НАУЧНОМ И ОБЫДЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Хотя рассматриваемые нами понятия появились в мировой науке в первой половине XX века, а в словарь гуманитарных наук попали в 60-70-е годы, в отечественной науке использование терминов *идентичность*, *самоидентификация* не имело массового характера. Примечателен тот факт, что впервые лексема *идентичность* появляется в научном жанре диссертации одновременно с распадом СССР. Так, одна из первых докторских диссертаций, защищенных по этой теме в России, – работа В.Е. Кагана «Половая идентичность у детей и подростков в норме и патологии» (Ленинград, 1991).

В течение последующих 20 лет в России было защищено около 500 диссертаций по социологии, философии, культурологии, психологии, политологии и филологии, посвященных теме идентичности и самоидентификации (по данным электронных каталогов РГБ и ГПНТБ). Названия научных исследований строятся по двум основным моделям:

а) *прилаг. + идентичность/самоидентификация (какая-либо идентичность человека)*;

б) *прилаг. + идентичность/самоидентификация + (у) + сущ. в род. пад. (название какой-либо группы людей)*.

Большая часть диссертаций первой модели анализирует следующие типы и виды социальных идентичностей человека:

1) *цивилизационная (цивилизационная, антропосоциальная, цивилизационно-культурная, культурно-цивилизационная)*;

2) *культурная (культурная, культурно-историческая, историко-культурная, социокультурная, социально-культурная, цивилизационно-культурная, культурно-цивилизационная, лингвокультурная, этнокультурная, этнокультуральная, национально-культурная)*;

3) *национальная (национальная, национально-историческая, национально-культурная, национально-государственная, государствен-*

но-национальная, этническая, этноконфессиональная, этнокультурная, этнонациональная, этнорегиональная, этнорелигиозная, русская, еврейская, японская, латышская);

4) *территориальная (территориальная, гражданская, европейская, региональная, национально-государственная, российская, общероссийская, государственно-гражданская, этнорегиональная, петербургская, московская);*

5) *гендерная (гендерная, половая, полоролевая, гендерно-ролевая, сексуальная, женская);*

6) *религиозная (религиозная, конфессиональная, этнорелигиозная, христианская, православная, духовная, теологическая, нравственная, духовная, мировоззренческая, метафизическая);*

7) *политическая (политическая, военно-патриотическая);*

8) *профессиональная (профессиональная, управленческая).*

Нетрудно заметить, что наибольшей популярностью пользуется понятия *национальной и культурной идентичности*, о чем говорит появление различных, в том числе сложных наименований.

Часть работ посвящено изучению идентичности страны, государства (в основном, России), в этом случае используются следующие определения: *политико-правовая, внешнеполитическая, национально-государственная, политическая, геополитическая, цивилизационная, наднациональная.*

Диссертации второй модели изучают различные типы и виды идентичностей у следующих категорий (в подгруппах могут быть примеры категорий людей с совмещенными признаками):

1) *национальных групп (русских, татар, переселенческих этнических групп, горских евреев КБР, потомков русско-еврейских браков в современной России, этнической группы, метисов, тверских карел, австрийских немцев, поляков в России, донского казачества, южных селькупов, калмыков, этнодисперсных меньшинств, представителей татарских этнокультурных ассоциаций, тувинцев, камчадалов Магаданской области, современных башкир, коми (зырян) XX века, ногайцев России, томских татар, детей из русско-якутских семей, русскоязычных учащихся в зарубежном вузе, народа саха, чеченцев);*

2) *социально-профессиональных групп (творческой интеллигенции, писателя, рок-поэтов, журналистов, личности инвалида, учителя, хакеров, представителей малого бизнеса, «новых бедных» семей, элиты, клинических психологов, студентов, изучающих английский язык, сту-*

дентов медицинского вуза, студентов педагогического вуза, студентов-юристов, будущих педагогов, студентов – будущих психологов, курсанта средней специальной школы милиции, курсантов военного вуза, работающих студентов, бортипроводников, специалистов по охране труда, художника, учащейся молодежи, учителя начальной школы, молодого преподавателя вуза, социального педагога, руководителя, психологов в различных сферах, адвокатов, врача, психолога-консультанта, сотрудников органов внутренних дел, муниципальных служащих, историков России, студентов-инвалидов, преподавателей современной высшей школы, российского поместного дворянства начала XX века);

3) групп, различающихся по половому признаку (женщин, мужчин; жен, имеющих мужей с алкогольными проблемами, первородящих женщин с различным материнским отношением);

4) групп людей, различающихся по территориальному признаку (россиян, русского зарубежья «первой волны», сельских жителей Русского Севера, населения Кольского Севера, населения эксклава в постсоветский период, мусульманской молодежи, представителей русскоязычной диаспоры в мусульманских странах, петербургской интеллигенции);

5) религиозных групп (евангельских христиан, «новых» пятидесятников в России, неоязычников, старообрядчества в современном социуме, российских немцев-лютеран);

6) групп людей, различающихся по возрасту (российской молодежи, младших школьников, старшеклассников, студенчества, студентов провинциальных вузов, городских подростков, подростков – участников территориальных группировок, подростков из семей беженцев и переселенцев, детей старшего дошкольного возраста, депривированных подростков в образовательном пространстве детского дома, подростков с делинквентным поведением, подростков, имеющих опыт употребления наркотических средств, лиц пожилого и старческого возраста, студентов младших курсов вузов, подростков и юношей с асоциальным поведением);

7) человека, людей в целом (общества, личности, человека, масс, субъекта, граждан, России);

8) организаций, школ (негосударственных вузов, региональных архитектурных школ).

Обращает на себя внимание тот факт, что возрастная идентичность специально не выделяется, однако активно исследуется какая-либо социальная идентичность различных возрастных групп.

В научном, в публицистическом и обыденном дискурсе существуют попытки структурирования, категоризации идентичностей, описания иерархий идентичности, *приоритетности* той или другой стороны личности. Однако это структурирование к научному дискурсу носит скорее декларативный, модельный характер. Например, в работе Х.А. Барлыбаева все идентичности делятся на фундаментальные и актуальные. К фундаментальным относятся общечеловеческая, гражданская, этническая, национальная, государственная, религиозная, расовая, социальная, земляческая, гендерно-половая, возрастная, научная, художественно-эстетическая и др. К актуальным, т. е. поверхностным формам идентичности, проявляющимся «здесь и сейчас», относятся некоторые статусы или роли: человека, сына, мужа, отца, пассажира метро, зав. лабораторией, врачом, москвичом, русским, членом политической партии, христианином, болельщиком и т. д. [Барлыбаев, 2011, с. 33]. Несложно увидеть, что фундаментальные идентичности определяются характеристиками в виде имен прилагательных, а актуальные – признаками в виде имен существительных.

Ср. с позицией британского социолингвиста Т. Omoniyi [2006], который, отрицая отношение к идентичности как к статичному продукту, считает, что какая-либо идентичность формируется в контексте ситуации, становясь главной, т. е. актуальной в каждый момент времени, занимая вершинную позицию в иерархии идентичностей.

Научно-популярный и научно-публицистический дискурс также характеризуется стремлением упорядочить структуру идентичностей, выявить их соотношение, установить иерархии. Некоторые иерархии идентичностей учитывают как социальную, так и индивидуальную идентичность. Например, в книге психотерапевта М.А. Щербакова «Семь путешествий в структуру сознания» анализируются семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой уровень, духовный уровень. Уровни расположены по возрастанию сложности, первые шесть относятся к социальной, а последний – к индивидуальной идентичности, причем он не может быть определен вербально, в отличие от остальных уровней [Щербаков, 1998].

В работе О.Д. Выхованец выделяются такие уровни, как макро-, микро- и мини-идентичности: «Идентичность не есть нечто целое и неделимое. Она состоит из набора типов идентичностей, определяющих ее горизонтальную структуру. По вертикали же можно выделить три базовых уровня. Принципиальное значение имеют макро-уровень –

уровень общества. Здесь возможно выделение «верхушки» – подуровень цивилизационной идентичности. И мини-уровень – уровень идентичности социальной группы. Индивидуальная, микроидентичность играет роль постольку, поскольку организует особым способом пространство вокруг себя, втягивая в это пространство естественным (в жизни) или искусственным (используя гуманитарные технологии) механизмом окружающих индивидуумов, заставляя их принять «наведенную» миниидентичность. Если на всех трех уровнях идентичности совпадают, то это и будет базовой, предельной идентичностью личности, которая может конфликтовать с другими идентичностями, а может образовывать с ними синергетическую связь» [Выхованец, 2003].

Ср. описание порядка возникновения у человека тех или иных идентичностей в публицистическом дискурсе, где вводятся понятия первичной и последующих самоидентификаций:

Дело в том (о чем не стоит никогда и никому забывать), что для человека, его национальная самоидентификация, именно та, которой так неоправданно много нынче уделяют всеобщее политическое внимание, не является первичной. Первичной самоидентификацией человека является и всегда являлась его самоидентификация как личности. Как существа самосознающего, как существа самоощущающего. Потом идёт самоидентификация пола, мужского или женского, со всеми этапами возрастного созревания и социализации, необходимыми для этого. Затем неотвратно идёт градационная самоидентификация человека как члена семьи, как члена общества, как гражданина. И уж потом, после, идут различные надстройки в виде национальной самоидентификации, профессиональной, групповой и т. д. То есть сам процесс самоидентификации происходит, по принципу усложнения, и каждый раз заново, как каждый раз от ребёнка, при развитии его психики, навыков и способностей мы ожидаем его полноценное созревание для жизни в обществе себе подобных, уже взрослых людей (анонимный автор, опубликовано: <http://ecosib.z42.ru/subdmn/ecosib/node/400>; авторская орфография и пунктуация здесь и в других случаях сохранены).

В следующем фрагменте журналист Максим Шевченко, рассуждая об уровнях идентичности, использует понятия фундаментальной, или базовой, идентичности, для того чтобы показать их незыблемость, предопределенность в человеческой жизни гендерной и национальной принадлежности, их независимость от воли самого человека или т.н. «борьбы дискурсов»:

Вообще есть несколько уровней человеческой идентичности. Первый – это фундаментальный – идентичность гендерная, сексуальная идентичность – мужчины или женщины. С детства, так или иначе, мы через игровые функции или через внутреннее какое-то, через гормональное развитие, психологическое, социо-психологическую инициацию самих себя понимаем, кто мы сразу же. Нам объясняют, да и мы чувствуем – мальчики, девочки, юноши, девушки, женщины, мужчины. Второй уровень идентичности – это тоже один из базовых – этничность. Мы рождаемся уже сразу русскими, евреями, латышами, китайцами, индусами, кем-то еще. Какая-то идентичность у нас есть в этом смысле. Третий уровень идентичности – это идентичность политическая. На самом деле мы становимся красными, белыми, левыми или центристами, или нам абсолютно по фигу то, что происходит в мире, – это тоже политическая позиция. Четвертый – самый высокий уровень идентичности – это религиозная идентичность. Это когда ты себя соотносишь с неким Абсолютом, с неким идеалистическим форматом, который ты не можешь представить миру, предложить все эти щепки Креста Господня, гвозди из рук Христа, которые в изобилии находились по дворам Габсбургов и других королевских монархов Европы, такая попытка формализовать то, что является важнейшим для человека и что связано с его жизнью, и с его смертью, что гораздо важнее. (<http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=878>)

Термин *самоидентификация* в публицистическом дискурсе и околонучном дискурсе блогерров подвергается большей модификации, чем термин *идентичность*. Во-первых, имеется стремление упростить анализ понятия, например, через синонимическое толкование, во-вторых, еще больше, чем в научном дискурсе, проявляется тенденция к нейтрализации различных значений терминов *идентичность* и *(само)идентификация* (в том числе за счет появления оценочных коннотаций), в-третьих, используются разговорные дериваты (*самоидентифицировать*, *самоидентифицироваться*) и нетипичная сочетаемость (*самоидентифицироваться с кем-то*). Рассмотрим примеры.

1. Объяснение термина *самоидентификация* синонимическим или описательно-синонимическим способом:

Речь совсем не будет идти о личности, а только о самоидентификации, о том, как человек представляет себя (блог);

То есть национальная идея имеет синоним – «самоидентификация» (Комсомольская правда, 14 апреля 2005; пример НКРЯ);

Современный человек, если хочет соотнести себя с казачеством, ищет элементы казачьей идентификации по четырем основным критериям: происхождение (потомки казаков); **самоидентификация (самосознание, самоощущение)**; особенности хозяйственно-бытового уклада, поведения (кого воспринимают как казака другие); членство в организациях казаков. («Жизнь национальностей», 23 ноября 2001; пример НКРЯ).

Но мы, тальшии, уже знаем, что **самоопределение, самоидентификация и свобода** просто так не выдаются, мы должны бороться за них, чтобы приобрести их. (north-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/195759/)

2. Объяснение через пример (конкретизация):

Каждое государство имеет список священных побед, обязательный для зазубривания школьниками. С помощью таких дат происходит **самоидентификация с живущими рядом – в одном городе, одном регионе, одной стране** (Известия, 24 декабря 2007; пример НКРЯ).

3. Нетипичная сочетаемость:

Называть себя русскими везде, кроме Крыма, стало неприлично. Поэтому дончане, днепровцы и одесситы как бы украинцы, но говорящие на русском языке, не знающие и не понимающие украинской культуры. Сектор же русской культуры сжимается до попсовых песенок, дешевых сериалов и книг. На востоке и юге напрочь **отсутствует самоидентификация**, а как следствие, идеология (Новый регион 2, 27 января 2006; пример НКРЯ);

Увы, возрастная психология утверждает обратное – сначала дети очень «ведомые», очень доверчивые, потом **наступают гормональные радости и самоидентификация** (блог, пример НКРЯ);

выдавать самоидентификацию (см. пример на с. 58).

Александр Салаев: «**Самоидентификация города**, или пара слов о пользе рейтингов»;

Дворцового типа музей. **Самоидентификация усадьбы** «Царицыно» сегодня (www.archi.ru/events/news/news_current_press.html?nid=23677).

4. Появление оценочных коннотаций:

Цельность самоидентификации весьма условна, скорее это более или менее удачная компиляция, и если взглядеться – хорошо видны стыки компонентов. Из чего же строится самоидентификация? Из набора маркеров, обозначающих различные свойства, состояния, характеристики и т. д. Осознанию себя предшествует описание других.

И на себя человек тоже смотрит как бы глазами других. Поэтому он себя мыслит не через ощущения, инстинкты и прочее, а через привычные клише. ... В итоге вся жизнь человека – почти до глубокой старости – оказывается в управлении не принципов, не самостоятельно выработанных ценностей, а социальных стереотипов. Человек всю жизнь стремится не быть, не жить, но казаться, выглядеть. Даже отпуска – не столько отдых, сколько попытка показать себе и другим, какой я. Именно для этого ездят за границу на известные курорты и по достопримечательностям. Фотография хорошо дополняет стремление к самоидентификации как смотрению на себя со стороны – на фото человек на себя именно так и смотрит (блог);

Эго – наша ложная самоидентификация, источник всех психологических страданий и корень чувства собственной важности. Эго – это центральная мысль «я». У этой центральной мысли множество корней, чуть менее значимых мыслей, различных концепций и отождествлений. Эго поддерживается за счет мыслей, которые оценивают внешние объекты как значимые, важные. Чем больше значимости мысль придает событиям, тем важнее роль этой мысли как кирпичика в башне эго. Если человек отождествляется с эго, он будет пребывать в непрерывном поиске и устремлении к будущему, но так никогда и не почувствует себя счастливым в настоящем (форум);

Демократ, «у каждого из нас» своя **любимейшая самоидентификация**. На этой самоидентификации держатся многие другие – как стропила держатся коньком крыши – **убери этот «конек» и стропила начнут шататься и рассыпаться** (форум).

5. Дериваты в разговорном стиле речи (самоидентификация → «самоидентифицироваться», «самоидентифицировать»):

Каждый в определённых условиях берёт на себя ту или иную роль: если я общаюсь с членами клуба/школы, в котором я состою – то я **самоидентифицирую** себя как «из старшей группы». Если я в Москве на фестивале – из Ростова, если я в Коктебеле общаюсь со своими одноклубчанами – то я из старшей группы, а если общаюсь с кем-либо из другой страны – то я из России, если с русскими или с украинцами – я из Ростова (форум);

Желание самоидентификации у молодых возникает из-за отсутствия идеологии общества. Как таковой нет киргизской идеологии, и потому ребята не хотят идентифицироваться как киргизы, предпочтя **самоидентифицироваться** как мусульмане. Молодые парни же-

лают ощущать себя частью чего-то и, более того, хотят, чтобы об этом знали другие. Отсюда внешняя атрибутика неформальных объединений, как-то рокеров, хиппи и т. д. (блог)

Итак, лексема *самоидентификация*, по сравнению со словом *идентичность*, обнаруживает большую семантическую пластичность в русскоязычном околонаучном, обыденном и деловом дискурсе. Типичная сочетаемость лексемы *самоидентификация* в научном дискурсе: *дискурсивные практики самоидентификации, механизмы самоидентификации, аспекты самоидентификации, уровни самоидентификации, маркеры самоидентификации, процесс самоидентификации, конструирование самоидентификации, самоидентификация россиян, профессиональная самоидентификация, самоидентификация может вести к...* и т. д. Дериваты термина в научном дискурсе отсутствуют. В околонаучном (разговорном) дискурсе блоггеров: *самоидентификация с кем-, чем-то; напроць отсутствует самоидентификация; самоидентификация просто так не выдается; наступает самоидентификация, самоидентификация усадьбы (города); хорошая/плохая, правильная/неправильная самоидентификация; ложная самоидентификация, любимейшая самоидентификация*. Дериваты в этом типе дискурса: *самоидентифицировать, самоидентифицироваться*, смешение же значений терминов *самоидентификации* и *идентичности* – более явное, чем в научном тексте.

Кроме этого, в обыденной коммуникации – прежде всего в устной деловой/корпоративной речи – в пространстве русского языка формируется новое значение слова *самоидентификация*: «языковое действие самообозначения, причисления себя к группе, категории *своих*». Например, это значение актуализируется в следующих контекстах:

1) В украинском и русском языках существуют разнообразные термины «баптисты», «истинно верующие», «христиане», «евангельские христиане-баптисты» и т. п., – которыми пользуются для самоидентификации члены данной социальной группы и которые используют для обозначения этой группы те, кто к ней не принадлежит (В.Н. Павленко, К. Ваннер. Особенности психологии евангельских христиан-баптистов (2004) // «Вопросы психологии», 2004.10.12; пример НКРЯ);

2) [докладчик на ученом совете в вузе]: *Дорогие друзья, я хочу вас поздравить с днем молодежи!..*

[из зала]: *Мы уже вышли из этого возраста!..*

[докладчик]: (после паузы) *Может быть, мы теперь закончим с самоидентификацией и перейдем к тому, о чем я хотел сказать?..* (устная деловая речь, 2012 г.).

1.3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Интерпретируя знаки-объекты мира, в том числе и индивидов, приписывая им те или другие смыслы и значимости, мы неизбежно *конструируем, реконструируем и деконструируем* мир, а вместе с ним индивидов, их семантические и физические свойства.

Р. Павиленис. Смысл и идентичность, или Путь к себе

Для лингвистики последних лет характерен поиск своих аспектов в исследовании проблематики идентичности и связанного с ней процесса самоидентификации (см. работы Ю. Антонян, А.Б. Бушева, И.И. Валуицовой и Г.Т. Хухуни, Р. Водак, С.И. Гарагуля, Е.И. Горошко, Л.И. Гришаевой, Е.С. Гриценко, В.М. Громовой, В.А. Даулетовой, Е.Ч. Дыхалаевой, Т. ван Дейка, Л.В. Ениной, М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлиппс, В.И. Карасика, Е.Н. Катановой, В.Б. Кашкина, О.В. Кашкиной, Т.Л. Копусь, Н.А. Купиной, М.А. Лаппо, Е.В. Леоновой, О.А. Леонтович, Е.А. Марковой, Е.П. Матузковой, О.А. Михайловой, С.В. Михайловой, А.В. Олянича, Д.В. Осипова, Е.С. Ощепковой, М.Н. Рассоха, З.И. Резановой и Н.А. Мишанкиной, П. Рикера, М.С. Савиновой, Н.Б. Слободяник, И.В. Шалиной, М.С. Школовой, Л.В. Цуриковой и др.).

Можно выделить следующие основные направления исследований:

1) языковая идентичность, т. е. язык как признак принадлежности к этносу, нации (Быкова, 2007; Edwards, 2009, Валуицева, Хухуни, 2009; Маркова, 2010; Рассоха, 2012; Бушев, 2013), эти исследования проводятся в рамках не только социолингвистики, но и социологии, политологии, культурологии;

2) конструирование или выражение разных видов идентичности: персональной (Кашкина, 2005), культурной (Михайлова, 2003; Кашкин, 2004; Леонтович, 2005; Гришаева, 2007), региональной (Михайлова, 2003; Купина, 2009; Шалина, 2010; Резанова, 2012), политической (Даулетова,

2004; Слободяник, 2007; Гришаева и др., 2009; Катанова, 2009;), виртуальной (Резанова, Мишанкина, 2004; Школовая, 2005; Громова, 2007; Горошко, 2009), профессиональной (Енина, Чепкина, 2010; Савинова, 2010), гендерной (Горошко, 1996; Гриценко, 2005; Михайлова, 2012), национальной (Wodak, 1999; Antonyan, 2012; Резанова, 2012) и др.;

3) психолингвистические аспекты идентичности: проблема идентификации автора (Горошко, 1996; Ощепкова, 2001, 2002, 2003; Наумов, 2010);

4) речевое портретирование, социальное типизирование говорящего субъекта (Крысин, 2001; Карасик, 2002);

5) специальные лингвокультурные образования как средства создания или выражения идентичности: ключевые национальные концепты в дискурсе (Осипов, 2011), антропонимы как свернутые лингвокультурные тексты (Гарагуля, 2009);

6) общие вопросы вербализации идентичности и самоидентификации (Goffman, 1956; Дахалаева, 2005; Benwell, Stokoe, 2006; Omoniyi, 2006; Гришаева, 2007; Лаппо, 2009, 2010; Енина, 2010; Копусь, 2010; Леонова, 2010; Ощепкова, 2012; Матузкова, 2012, 2013; Бушев, 2013).

Лингвисты, осознавая сложное соотношение речи и сознания, языка и мышления, выражают эту идею несимметричности в изучении таких вопросов, как *самопрезентация говорящего субъекта, речевая маска, конструирование идентичности, виртуальная идентичность*. Вследствие этого, изучение идентичности как категории, способной быть описанной под лингвистическим углом зрения, осуществляется преимущественно в контексте социального конструкционизма. Представители этого подхода транслируют идею о том, что социально значимые категории (национальность, пол, возраст, религиозная принадлежность и т. д.), к которым может отнести себя субъект, являются дискурсивно зависимыми, конструируемыми в процессе коммуникации, то есть идентичность – это не объективная данность, лишь отражаемая в деятельности, а создаваемая в процессе этой деятельности структура (см. работы П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, П. Рикера М. Фуко, Ch. Barker, V. Benwell and E. Stokoe, V. Burr, J.P. Gee, K. Gergen, S. LaBelle, E. Laclau and C. Mouffe, V. Lincoln, T. Omoniyi, W.B. Pearce, J.H. Powers и др.).

Конструкционизм критически относится к репрезентационному потенциалу речевых актов самоидентификации. Так, Л.В. Енина и Э.В. Чепкина считают, что говорящий субъект, не имея устойчивой идентичности, не может *репрезентировать* в речи «свойственную»

ему идентичность, он может *установить* ее в ходе дискурса: «Идентичность субъекта возникает в дискурсе и, соответственно, всякое высказывание субъекта есть совершение действия по установлению собственной идентичности»; «идентичность есть всякий раз промежуточный результат непрерывного процесса идентификации посредством использования дискурсивных практик» [Енина, Чепкина, 2010, с. 160]. Критически относится к работам, в которых на первый план выдвигаются презентационные и репрезентационные задачи, и Е.В. Леонова: «Анализ лингвистических работ по данной тематике, вышедших в последнее время, убедительно показал, что большинство авторов интересуется проблема идентичности исключительно в прагмалингвистическом аспекте; на первый план при этом выдвигается не столько идентичность, сколько вопросы самопрезентации личности. Так, исследуются дискурсивные стратегии в текстах интервью, позволяющие произвести определенное впечатление / воздействие на собеседника, проводится функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний на материале парламентских дебатов, выявляются вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе, а также коммуникативно-языковые особенности конструирования идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений. То есть носитель идентичности в представленных дискурсивных условиях, по сути, отвечает на вопрос «Какие качества своей личности стоит проявить в данной ситуации, чтобы произвести положительное / нужное впечатление?» вместо «Кто я и какой я есть на самом деле?» [Леонова, 2010, с. 71].

Однако не вызывает сомнений, что внутреннее и внешнее не противопоставлены абсолютно диаметрально, что невозможно считать идентичность/самоидентификацию чем-то внутренним, а самопрезентацию – исключительно внешним проявлением этого внутреннего. *Форма является неотъемлемой частью самого переживания*: «... чувства, переживания, верования протекают в особых формах – позах, жестах, манерах; эти формы двойственны по своей сути: они одновременно и часть самого переживания, чувства, верования, но и до некоторой степени отчужденная его часть, ставшая чисто традиционной, его внешнее проявление, могущее быть его знаком» [Степанов, 1971, с. 8]. О слитости предметных значений и чувственных образов, неразрывности предметного значения с вербальным говорит А.А. Леонтьев: «... человек не «номинарует» чувственные образы, – предметные значения есть компонент этих образов, то, что их цементирует для челове-

ка, то, что опосредует само существование этих образов» [Леонтьев, 1993, с. 18].

Феномен идентичности включает в себя возможность и/или потребность человека говорить о себе, о своей сущности, выражать себя самыми разными способами, прямо или косвенно сообщать собеседнику о том, принадлежит ли тот к «его» миру или нет. Идентичность социальна⁷ по своей природе [Русаков, электронный ресурс] и поэтому требует признания со стороны других. Поэтому в актах *вербальной самоидентификации* актуализируется не только презентационная функция языка [Олянич, 2007], но и функция идентификации [Рассоха, 2012].

Полярными, но в целом отрицающими возможность изучения феноменов идентичности и самоидентификации в лингвистике, являются две точки зрения: а) проблема идентичности не входит в круг изучения лингвистики, поскольку это феномен личности, а не языка; б) всё, что человек говорит, отражает его идентичность, поэтому изучая речь человека, лингвист изучает идентичность, следовательно, здесь нет специального объекта изучения для лингвиста. В качестве доводов против первой точки зрения можно указать на то, что психолог, антрополог или социолог изучает не просто личность человека, а личность человека говорящего, иными словами, эту его специфическую и неотъемлемую способность, способность к говорению, невозможно исключить из структуры его личности. Более того, идентичность – это дискурсивный феномен: «Идея об истинном, целостном Я – это фикция. <...> Подобно социальному, индивидуум частично структурирован дискурсами, но структурирование это никогда не является полным. Целостность воображаема, но это – необходимый горизонт, в пределах которого создается самость и социальное. <...> Именно *репрезентация* с помощью кластера знаков, имеющего в центре узловую точку, наделяет человека идентичностью. Идентичности принимаются, отвергаются и обсуждаются в дискурсивных процессах. Таким образом, идентичности – это нечто социальное» [Йоргенсон, Филлипс, 2008, с. 83–84]. Следовательно, задачей лингвиста является поиск и анализ участков языковой системы, отвечающих за структурирование дискурсов идентичности.

Что касается второй точки зрения, согласимся частично: действительно, всё, что человек говорит, как правило, отражает его идентичность. И если под идентичностью понимать «бессознательное чувство непрерывности опыта», то, действительно, сложно будет найти

⁷ Разрядка моя. – М.Л.

строго очерченный круг соответствующих языковых категорий. Однако если под идентичностью прежде всего понимать социальную идентичность, то, к примеру, при описании актов причисления себя к группе/категории говорящим субъектом лингвист может привлекать такие термины, как номинация, категоризация, референция, денотация, коннотация, импликация. Логично будет предположить, что к категории идентичности, как категории внутреннего мира человека, также можно применить разграничение актов её описания и выражения говорящим субъектом.

Языковедческая проблематика самоидентификации лежит не только в области выбора одного из двух исследовательских подходов к соотношению языка и идентичности – языка как средства отражения идентичности или языка как средства ее создания (об этих подходах см., в частности, в [Енина, 2010; LaBelle, 2011; Ощепкова, 2012; Матузкова, 2013]). Ответ на вопрос, выражает или конструирует идентичность вербальная материя, не является для лингвистики принципиальным: речь говорящего *и конструирует* (=приписывает смыслы self'у), *и выражает идентичность* (как язык способен выражать нечто внутреннее, например, эмоции) одновременно. Не вызывает сомнения, что и для конструирования идентичности, и для ее выражения нужны внешние, материально закрепленные ресурсы (языковые средства, одежда, жесты, позы, мимика), которые и нуждаются в семиотическом исследовании. Вероятно, говорящий *конструирует* идентичность, имея уверенность в том, что он ее *выражает* (репрезентирует). См. характерную идею Р. Павилениса о том, что язык фиксирует и процесс, и результат посредством одних и тех же знаков [Павиленис, 2013, с. 201].

В своей работе мы будем опираться на идею сочетания эссенциалистского и постструктуралистского (конструкционистского) подходов к идентичности. К примеру, Т.А. Юдина предлагает «рассмотреть эти подходы не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие, как различные, последовательные этапы в исследовании феномена идентичности и процесса идентификации, которые не могут существовать без идей каждого из них» [Юдина, 2013, с. 11]. Е.В. Ощепкова также настаивает на необходимости создания *общей модели* идентичности, включающей достижения представителей разных школ и направлений [Ощепкова, 2012].

Привлекая и психосоциальное понимание самоидентификации как процесса и как маркера идентичности, и собственно лингвистические ресурсы, которые можно использовать в изучении идентичности

и самоидентификации, приходим к тому, что **самоидентификация** – это осознанное либо неосознанное вербальное, пара- и невербальное маркирование идентичности, т. е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей.

Проблема анализа самоидентификации в когнитивно-дискурсивном аспекте была заявлена нами в [2009]: пересечение когниции и прагматики (см. работы Т.А. ван Дейка [1989], Е.С. Кубряковой [1994, 2000], Т.А. Трипольской [1999] и др.) в акте самоидентификации видится нам в том, что говорящий одновременно находится в двух взаимосвязанных и взаимозависимых процессах: а) категоризации (то есть отождествлении себя с какой-либо группой, категорией людей) и б) осуществлении коммуникативного намерения в результате вербального действия (то есть имеющегося у говорящего представления об успешности коммуникации). Спектр коммуникативных намерений, осуществляемых в ходе самоидентификации, довольно широк: оправдание своих действий, разрешение что-либо делать или не делать, привлечение внимания, защита от нападения, маскировка смущения, умаление/преувеличение своих достоинств или даже сокрытие своей идентичности. В целом, вербальная самоидентификация – мощнейший риторический прием и средство убеждения адресата, способ регуляции взаимоотношений коммуникантов, установления своих границ, прав и компетенций.

Актуальной собственно лингвистической проблемой является смешение, неразличение во многих работах двух основных форм вербализации идентичности – самоидентификации как *выражения* идентичности и как ее *описания*. Названные формы самоидентификации выполняют разные функции языка, несмотря на одинаковую генеральную цель – обозначить свое место в совокупности всех людей: выражение идентичности, как и выражение эмоции, выполняет экспрессивную функцию, а описание идентичности, как и описание эмоционального состояния, – номинативную.

Прежде чем перейти к анализу языковых ресурсов выражения и описания идентичности, необходимо проанализировать соотношения самоидентификации с пограничными явлениями.

ГЛАВА 2. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

2.1. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ

Самопрезентация (калька с английского *self-presentation*; лат. *praesentatio* – представление, вручение) – наиболее исследованное понятие в изучении дискурса говорящего о себе субъекта. Впервые феномен самопрезентации⁸ как средства организации своего поведения был описан в книге социолога И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» [Goffman, 1956; Гофман, 2000]. Специалисты по социальной психологии указывают, что «самопрезентация – процесс, посредством которого мы стараемся контролировать впечатления, возникающие о нас у других людей; синоним – управление впечатлением о себе» [Чалдини, Кенрик, Нейберг, 2002, с. 136]. Синонимами слова ‘самопрезентация’ также являются слова *самоподача*, *самопредъявление*.

А.А. Чекалина отмечает, что каждый человек одновременно является субъектом и объектом самопрезентации: «Субъект предъясвляет информацию о себе, которая выражается посредством оформления внешнего облика (внешности, одежды, использования аксессуаров); вербального и невербального поведения (в речи, пара- и экстралингвистических сигналах, проксемических, кинесических, такесических, ольфакторных средствах); в использовании социальных символов обстановки (в оформлении пространства и материальных символов, принадлежащих субъекту самопрезентации и обозначающих его социальный статус). Автоматически, с момента начала общения субъект общения становится также и объектом самопрезентации, воспринимающим представленную другими информацию о себе» [Чекалина, 2012, с. 85].

В лингвистике термин *самопрезентация* используется в двух основных значениях, первое из которых более узкое, конкретное и буквальное, а второе более широкое, включающее в себя первое значение: 1) представление, то есть называние своего имени (только имени; имени-отчества; имени и фамилии; только фамилии; имени, отчества

⁸ Точнее говоря, самовыражения личности.

и фамилии) и должности, социального статуса, роли при знакомстве или в ситуации приветствия с малознакомым человеком; 2) коммуникативная (в том числе вербальная) стратегия управления впечатлением о говорящем у адресата.

Самопрезентация в первом понимании (самопрезентация₁) анализируется в коллективной монографии «Семантика и прагматика высказывания» (ред. Г.М. Костюшкина): «... при самопрезентации в ситуации знакомства говорящему необходимо обозначить себя таким образом, чтобы в последующем представленная форма имени могла быть использована при адресации к данному лицу» [Костюшкина и др., 2005, с. 404]; самопрезентация может включать в себя имя собственное, демографическую, функциональную и относительную номинации [Там же, с. 471]; самопрезентация используется в рамках институционального общения, тесно связана с приветствием, «имеет место в том случае, когда коммуниканты не находятся в состоянии знакомства, либо имеют минимум информации друг о друге» [Там же, с. 474–480].

Второе понимание самопрезентации (самопрезентация₂) сближается с её пониманием в психологии и социологии: это коммуникативная стратегия, целью которой является управление впечатлением о говорящем у адресата, формирование мнения о себе при помощи вербальных и паравербальных средств. Чаще всего речь идет о позитивной самопрезентации, однако не исключена и цель создания неблагоприятного мнения о говорящем субъекте, если, скажем, ему необходимо уклониться от какой-либо деятельности, которая навязывается адресатом. Стратегия самопрезентации носит тотальный характер, то есть, по мнению О.С. Иссерс, «реализуется практически в любом речевом действии, и к ней присоединяются дополнительно другие стратегии» [Иссерс, 1999, с. 73]. Важно отметить, что самопрезентация₂ может включать в себя самопрезентацию₁, то есть говорящий субъект, формируя свой образ у адресата, часто привлекает институциональные самообозначения.

В исследованиях по теории языковой коммуникации описываются языковые средства создания имиджа [Почепцов, 2000; Иссерс, 2009], описываются новые презентационные сценарии, появившиеся в социальной практике россиян в последние годы, например, самопрезентация в интернет-пространстве [Жичкина, Белинская, 2004], сценарий самопрезентации при трудоустройстве [Медведева, 2010], Т.А. Трипольская в связи с этим обращает внимание на новое слово

саморекомендация, возникновение которого «говорит о многом: появилась и была осознана необходимость сказать о своих достоинствах, уметь выбрать для этого подходящее слово и соответствующую речевую стратегию» [Трипольская, 1999, с. 86]⁹.

Нетождественность идентичности и самопрезентации, самоидентификации и самопрезентации отмечается как в психологических, так и лингвистических работах. Психологи указывают на «определенное противостояние процессов самопрезентации и идентичности в интернет-коммуникации» [Жичкина, Белинская, 2004]. В лингвистике констатируется подмена анализа идентичности анализом самопрезентации [Леонова, 2010, с. 70]. Данная претензия к авторам лингвистических работ представляется не вполне оправданной: почему «вместо», а не «вместе» (ведь, как мы уже упоминали, по О.И. Иссерс, стратегия самопрезентации тотальна)? какие именно методы исследования позволяют достоверно зарегистрировать тот факт, что в этих дискурсивных условиях говорящий не отвечает на вопрос «кто я есть на самом деле?» да и что это значит – «на самом деле»?

При анализе взаимосвязи самопрезентации и самоидентификации в лингвистических исследованиях зачастую усматривается подчиненность самоидентификации по отношению к самопрезентации. Причем это характерно как для самопрезентации₁:

«В рамках функции самопрезентации мы выделяем самоидентификацию личности говорящего, самопрезентацию в ситуации приветствия и самопрезентацию в ситуации знакомства» [Костюшкина и др., 2005, с. 488];

так и для самопрезентации₂:

«Содержание самопрезентации отражает представления личности о себе, о своей идентичности. Поэтому в качестве одного из важнейших речевых средств реализации самопрезентации в интервью выступает самооценочное высказывание, а в парламентских дебатах – самоидентифицирующее высказывание» [Языковые средства конструирования имиджа..., 2009, с. 36–37].

⁹ Справедливости ради следует сказать, что слово *саморекомендация*, зафиксированное в Словаре новых слов и значений [1995], так и не вошло в активный лексикон русского языка, так, Национальный корпус русского языка не дает примеров с его употреблением. Эта семантика вместились в лексику *самопрезентация*, которая активно используется как деловом, так и в научном дискурсе.

Соотношение идентичности/самоидентификации и самопрезентации – острый вопрос, возникающий в точке соприкосновения внутреннего и внешнего человека. Однако они не противопоставлены так же, как истина и ложь, сущность и маска, подлинное и приписанное – у этих категорий свои закономерности и логика соотношения.

Не вызывает сомнения, что самоидентификация – абсолютно самостоятельный феномен, акт самоидентификации происходит не только в ситуациях представления и знакомства и не связан исключительно со стратегией управления впечатлением. Думается, что соотношение самоидентификации и самопрезентации заключается не только в установлении иерархических отношений, некой подчиненности одного другому. Имеется необходимость посмотреть на коммуникацию не сквозь призму самопрезентации, а сквозь призму идентичности/самоидентификации.

Мы так же, как и названные выше авторы, видим определенную взаимосвязь самопрезентации и самоидентификации: считаем, что самопрезентация основана на двух речевых действиях – самохарактеризации как акте оценки себя, описания своих личностных качеств и самоидентификации как акте причисления себя к группе. Однако речь не идет не столько об иерархии, сколько о направленности данных речевых действий. В определенных речевых жанрах на первый план выходит самопрезентация, усиливается стратегия управления впечатлением, например, это жанры рекламы и саморекламы, объявления о знакомстве, публичного выступления, где очень важен имидж и влияние на адресата. Самоидентификация как процесс, как речевое действие выражения или описания идентичности, безусловно, используется, но специфическое переживание своей принадлежности затмевается яркой направленностью на адресата. В других речевых жанрах, например, в дневниковой записи, разговоре по душам с близким человеком, в доверительной беседе с психотерапевтом, в ответе на вопрос «Кто я?» в тесте М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» [1984] или анкете может усиливаться направленность на себя, хотя коммуникативный характер языка не утрачивается никогда, даже когда человек остается наедине с собой¹⁰.

¹⁰ Нельзя забывать, что речь о самом себе существенно отличается от речи, предметом которой является другой человек. Субъект о и объект речи в высказываниях (дискурсах) о самом себе слит, и это не может не сказываться на специфике выбора языковых единиц. Например, стратегии похвалы не-

В психологии подтверждается двунаправленность интенции самопрезентации: «Психологической основой самопрезентации выступает двухкомпонентная интенциональная структура, в которой направленность на себя (самохарактеризация) сочетается с направленностью на другого – собеседника, аудиторию (воздействие). Направленность на себя, которая является базовой в процессе самопрезентации, испытывает влияние направленности субъекта на собеседника, приобретая конкретное соотнесение с адресатом высказывания» [Кубрак, 2009, с. 8–9].

В нашем анализе действия говорящего мы спускаемся на один уровень ниже: точкой отсчета является речевое действие самоидентификации, у которого есть направленность на себя (сопряженность с идентичностью) и на другого (самопрезентация, психологическое воздействие). Желание анализировать содержательный, а не поверхностный, презентационный уровень коммуникации объясняется тем, что у *направленности на себя* имеются специализированные вербальные средства (номинации статуса, прилагательные и наречия со значением оценки, названия качеств характера и т. д.), а у *направленности на других* таких специализированных средств нет¹¹. Точнее говоря, исполь-

идентичны стратегиям самопохвалы, которые весьма устойчивы к смене их привычной сферы функционирования: «... даже оказавшись в иной коммуникативной ситуации (например, создавая дневниковый текст), говорящий следует предпочтительным стратегиям самооценки. Так, в дневниках К. Чуковского содержится 35 фрагментов дискурса, в которых выражена самооценка автора. Самопохвала вводится с помощью стратегий, направленных на своеобразную защиту от окружающих (например, ссылка на чужое авторитетное мнение), хотя реального адресата у пишущего нет. Можно предположить, что речевые стереотипы остаются неизменными даже при изменении условий коммуникации: хвалить себя не полагается, и это определяет тип речевого поведения даже в дневниковом дискурсе» [Трипольская, 1999, с. 95].

¹¹ Либо их слишком много, см. перечень вербальных техник самопрезентации: «К прямым вербальным техникам относятся: декларация знаний и умений; декларация социального статуса; описание достоинств и личностных качеств; извинения, оправдания и другие виды самоподачи причин поведения; выдвижение требований; угрозы; описание предпочтений; описание действий, занятий; лесть и другие высказывания отношения к собеседнику и другие. К непрямым вербальным техникам относятся: «купание в лучах чужой славы», «вредительство», «придание блеска», унижение противника, критика или иронические высказывания в адрес «третьих лиц», критика человека, за-

зуется все тот же арсенал средств, но вектор и сила направленности определяется типом коммуникации/дискурса.

Таким образом, следует различать самопрезентацию как поверхностный слой выражения идентичности и самоидентификацию, а также самохарактеризацию как более глубокий слой выражения личности и осмысления своего существования.

Переживание «слоистости» в коммуникации иногда можно встретить в рефлексивных самоописаниях. Вот как Константин Райкин описывает структуру своей личности в телепередаче «Белая студия»:

Я – ученик. Моя профессия актерская, театральная, она мне вообще понадобилась в свое время, вот если к истокам, просто чтобы победить неуверенность в себе, потому что я страшно, просто до стыда и до неприличия неуверенный в себе человек. И таким и остаюсь. Просто я профессионал, и никто этого не знает, когда сидит в зале. Я живу под знаком «тебя не надо, а ты есть». Это моя тема, всегдашняя. И эта профессия мне необходима, чтобы каждую секунду доказывать себе через других, что я нужен, что без меня не могут обойтись. ...

Вообще, мне кажется, человек, занимающийся искусством, он как-то весь полосатый. Вот такие слои. Потому что есть какая-то внешняя уверенность, конечно. Вот я выхожу, я не имею права производить впечатление неуверенного человека. Зритель подсознательно сразу это чувствует, сразу, каким-то образом он понимает, чувствует, сам себе не отдавая отчета, что это неуверенный в себе человек. Я сразу произвожу на него впечатление, так сказать, абсолютной уверенности. Я некоторым образом умею это делать и все такое. Под этим у меня скрыто колоссальное сомнение¹². Под этим сомнением у меня скрыта какая-то глубинная истерическая вера, такая, со свиным мурлом, бизонья вера в себя. Под этой верой есть дикая робость и страх: как это я в себя верю, что я, сумасшедший, что ли?! Под этим, еще ниже – опять такая уже прямо «динозаврия» такая, вера в себя. Под этим опять какой-то дикий страх и ужас (опубликовано: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20927/episode_id/180413/video_id/180413).

На рис. 1 видно, что самопрезентация – это верхний уровень структуры идентичности, проявляющийся в коммуникации и опираю-

дающего «неправильный вопрос», «нападение» на источник критики в адрес субъекта и другие» [Федорова, 2007, с. 16].

¹² Не случайно Т.Л. Копусь обозначает роль дискурса сомнения при построении идентичности [2010].

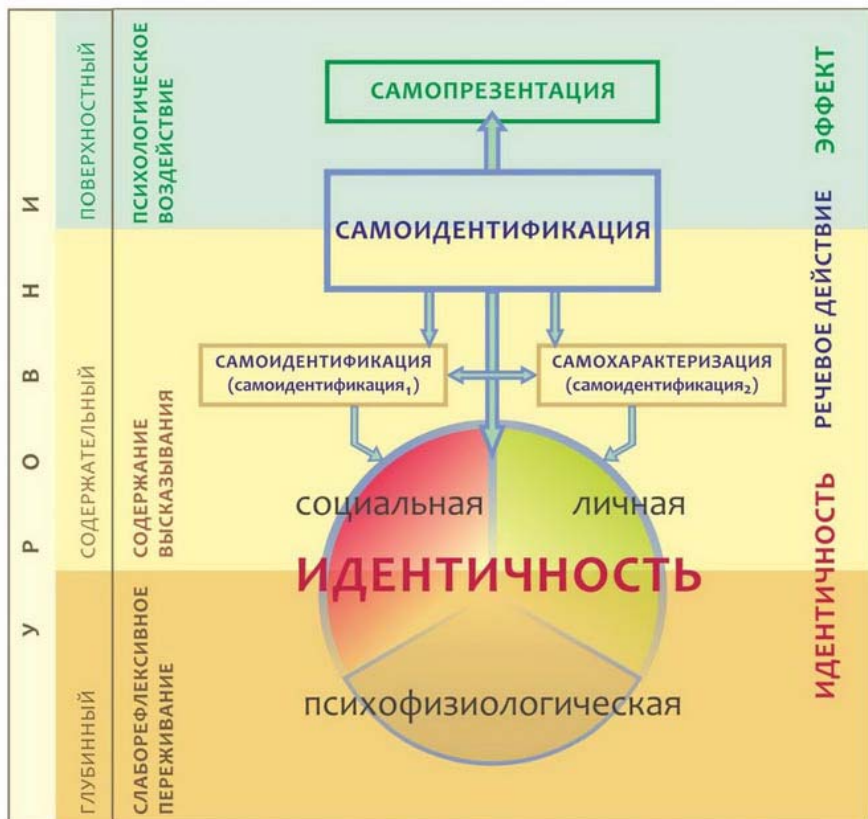

Рис. 1. Уровни осмысления идентичности

Рис. 2. Способы вербальной самоидентификации

щийся на самоидентификацию. Самоидентификация, в свою очередь, отражает идентичность – и конструирует, и выражает, и описывает. Самоидентификация₁ – это самоидентификация в узком смысле, собственно самоидентификация, связанная с отражением/конструированием социальной идентичности (я – учитель, русский, президент, стипендиат, пенсионер, юноша, инвалид...), а самоидентификация₂ – это самохарактеризация, связанная с личной идентичностью говорящего (я – уникальный, терпеливый, заботливый, умный, надежный, ленивый, спокойный, добивающийся своих целей...). Психологическая идентичность, являясь самым глубоким слоем идентичности, практически не отражается в речи (отождествление себя со своим телом, узнавание себя в физическом облике происходит, как правило, автоматически и не требует специального заострения внимания, кроме патологических случаев).

Вес самопрезентационного компонента. Итак, самоидентификация и самопрезентация связаны теснейшим образом. Мы уже отмечали, что понятие «представления себя» ввел в научный оборот И. Гофман. Однако этот термин был использован не сам по себе, а в контексте изучения феномена идентичности, точнее говоря, влияния человека на информацию о себе, продуцируемую на социальное окружение. М.В. Заковоротная поясняет: «Существуют различные техники, реализующие данную политику: техника избегания, техника компенсации (искажение мнения о себе), техника деидентификации (изменение признаков идентичности). Развивая идею Эриксона о базовом доверии, Гофман¹³ считает, что целью таких техник остается охрана себя в сети коммуникации, помощь в овладении критическими ситуациями. Однако в отличие от Эриксона он исследует, как «базовое доверие» помогает справиться с критическими ситуациями и, по его мнению, *умение овладевать пространством и временем составляет главную способность человека* [выделено мной. – М.Л.]. Введение понятия «политика идентичности» очень важно, т. к. позволяет показать разнообразие идентичностей (даже у одного человека), а также континуальность Я (Я остаюсь собой в различных ситуациях)» [Заковоротная, 1999, с. 145].

Итак, самопрезентация отождествляется с умением овладевать временем и пространством и называется «главной способностью человека». При такой трактовке поведения человека его сущностные черты уходят на второй план. Когнитивно-дискурсивный анализ самоиден-

¹³ Автор использует транслитерацию «Гоффман».

тификации, заявленный нами в [2009], обеспечивает возможность не только говорить о самом поверхностном слое идентичности – самопрезентации, но и перейти к более глубоким слоям идентичности.

Очевидно, что самопрезентация далеко не единственная важная способностью человека в контексте его экзистенции, сущностных доминант. Потребность в самоактуализации, описанная в рамках гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс), слабо коррелирует с умением произвести впечатление. Самоактуализация, по А. Маслоу, – это реализация талантов, способностей, постоянный процесс саморазвития, становление человека тем, кем он хочет и может стать, это постоянный процесс развития потенциалов, заложенных в природе человека, это «процесс самовоплощения» [Маслоу, 1999, с. 221]. По К. Роджерсу, самоактуализированная личность – это конгруэнтная личность, т. е. характеризующаяся согласием между реальным Я и его чувствами, мыслями и поведением [Роджерс, 1994]. В этом случае самопрезентация в иерархии ценностей индивида отодвигается на второй план.

Речевое действие самоидентификации основывается на ведущих человеческих потребностях. П.М. Ершов пишет о двух важнейших потребностях – этнической (определение себя/другого к национальной/расовой/этнической группе) и тесно связанной с ней идеологической/культурологической потребности (причисление себя/другого к категории людей, одинаковыми либо разными способами осваивающих действительность) [Ершов, 1990, с. 328]. Вербальная социальная самоидентификация обеспечивает эти две потребности, вследствие чего приобретает силу (ценности и ресурсы) определенной группы или категории. Эта модель вполне соотносима с иерархической теорией потребностей А. Маслоу [1999], где потребность быть членом группы по-разному раскрывается на всех уровнях: органические потребности проще удовлетворять в группе, а не в одиночку, потребность в безопасности также обеспечивает группа, причисляемая к «своим», потребность в принадлежности, любви и уважении удовлетворяется только в референтной группе, познавательные и эстетические потребности корректируются сферой интересов этой группы, потребность в самоактуализации тесно связана с ценностями референтной группы субъекта.

Говорящий намеренно или невольно, прямо или косвенно дает понять адресату, к какой социальной категории, культурной общности людей он относится, желая либо присоединиться к нему, либо отстраниться от него. Это самообозначение, причисление себя к группе

может носить более или менее демонстративный характер. Иными словами, различные типы коммуникации, речевых актов имеют разный вес самопрезентации (как демонстрации своей роли или функции) и самоидентификации (как выражения, описания, конструирования, подтверждения идентичности). На эту особенность самопрезентации указывает Т.А. Кубрак: «В разных условиях коммуникации интенция самопрезентации занимает различное место в общей интенциональной структуре дискурса. В предвыборной политической ситуации, а также в условиях психологического консультирования это место центральное, определяющее влияние направленности субъекта на самопрезентацию на другие интенциональные характеристики. В условиях официальных научных обсуждений роль данной интенции менее значительна» [Кубрак, 2009, с. 9].

Предельный вес самопрезентационного компонента обнаруживается в появившемся в последнее время в деловой и рекламной сфере специальном жанре, который называется именно «самопрезентация». Приведем пример такого текста, расположенного на виртуальной странице его автора:

Самопрезентация (self-presentation)

Мне всегда был присущ живой интерес к людям, их психологической, духовной жизни, их оригинальной неповторимости и многочисленными талантам. Особенно меня интриговали скрытые способности окружающих, и я очень радовался, когда мои предположения вдруг «чудесным образом» оправдывались, человек открывал новую грань своей личности, которая начинала расти и развиваться при моем непосредственном участии.

Кроме того, мне достаточно легко удавалось налаживать коммуникации и способствовать взаимопониманию между людьми, выступая своеобразным посредником-переводчиком в тех случаях, когда в этом была насущная необходимость. Видя и сопоставляя потенциальные возможности человека с особенностями ситуации, в которой он находится, я всегда анализировал полученную информацию, делился с ним своими выводами и давал конструктивные советы. Частенько люди удивлялись их своевременности и актуальности.

Сколько себя помню, мне всегда нравилось находить выходы из различных житейских ситуаций, в которых я применял, прежде всего, свою смекалку и позитивный настрой на успех. С тех пор и до сегодняшнего дня я считаю основной своей миссией именно помощь людям

в деле их личной самореализации и преодолении барьеров на пути к естественной целостности и самоадекватности.

В последнее время я занимаюсь кадровым консалтингом и управлением персоналом, и это позволило мне на собственном опыте ощутить, что тезис «кадры решают все» – правилен на все 100 %, и вдвойне справедлив для руководителей собственного бизнеса и топ-менеджеров или управляющих партнеров. <...> В настоящее время я перешел на персональную форму оказания услуг консалтинга, я консультант-фрилансер. Я считаю, что у такой формы работы есть много преимуществ перед традиционной, поскольку мой прямой контакт с заказчиком гораздо более надежен, эффективен и плодотворен, нежели наша работа с ним через одного или даже нескольких посредников.

Меньший вес самопрезентационного компонента мы видим в случае недемонстративного самообозначения, когда управление впечатлением адресата о говорящем отходит на второй план. Самообозначения как самоцель выполняют поисковую функцию ответа на вопрос «Кто я?», встречаются преимущественно в текстах личного характера (дневники, записные книжки, воспоминания), в доверительном личном общении, а также в ответах на известный тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?».

Вес самопрезентационного компонента повышается в самообозначениях «мимоходом», здесь основная цель заключается не в создании образа говорящего, а в убеждении адресата в чем-либо. Это может быть функция пояснения и присоединения к авторитету своей группы: *Мы, диетологи, советуем не есть жирное.* Распространено также очерчивание границ своих полномочий: *Я, как депутат Думы, обещаю проконтролировать этот вопрос; Не нам, неметодистам, судить о качестве методических заданий.* Ярким признаком самообозначений «мимоходом» является свернутая логическая пропозиция, в отличие от всех других предложений с семантикой самообозначения. Дискурсивное пространство самообозначений «мимоходом» – это производственная, деловая, профессиональная речь, дискурс телешоу, а также семейная коммуникация. Управление впечатлением в ряде случаев несколько выходит вперед, поэтому данные акты можно считать промежуточными между демонстративным и недемонстративным самообозначением.

Большой вес самопрезентационного компонента имеет место в ситуации вынужденного формирования впечатления о себе, реализуется в жанрах резюме, делового или личного знакомства, когда

говорящий считает, что информация о его принадлежности к какой-либо группе должна быть известна адресату. Эта информация передается чаще всего при непосредственном контакте, в диалогической речи (либо потенциально диалогической – в интернет-блогах), выполняет роль оптимизации взаимодействия, установления контакта, прагматическую задачу «коммуникативно-личной ориентации говорящего» [Шелякин, 2010, с. 29], отвечает на вопрос «Кто я здесь и сейчас для адресата?». Самопредставление может инициативным (*Добрый день! Я NN, доктор филологических наук, буду вести нашу секцию*) или реактивным (*Я тот врач, которого вы искали*). Инициативное самопредставление имеет больший вес в формировании образа, управлении впечатлением о себе, поскольку у говорящего существует большая свобода в выборе того, что говорить или чего не говорить о себе.

Таким образом, акты вербальной рефлексивной самоидентификации можно обнаружить практически в любом типе дискурса о себе, однако эти акты могут различаться по силе намерения управлять впечатлением, то есть весом самопрезентационного компонента. Смещая вектор интереса с феномена самопрезентации к феномену самоидентификации, свою лингвистическую задачу мы видим в том, чтобы проанализировать языковые ресурсы самоидентификации как процесса, вербального действия обнаружения идентичности. Наличие самопрезентации при этом нами не отрицается, а привлекается к анализу дискурса.

2.2. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И САМОХАРАКТЕРИЗАЦИЯ

Рис. 1 (см. вклейку) показывает, что следует различать собственно самоидентификацию, то есть отождествление с группой людей, и самохарактеризацию как описание своих качеств и признаков. Собственно самоидентификация, которую мы обозначаем самоидентификация₁, отвечает за формирование социальной идентичности; самохарактеризация (или самоидентификация₂) тесно связана с личной идентичностью, эго-идентичность, по И.С. Кону. Безусловно, самоидентификация₁ и самохарактеризация тесно связаны друг с другом, т. к. для отождествления со своим кругом, социальной ролью, профессией и т. д. необходимо не столько самоназвание, сколько наличие определенных качеств, свойств характера, способствующих тем или другим формам поведения. Самохарактеризация так же, как и самоидентификация₁, формируется из актов указания своих личностных качеств, как

правило, слитой с самооценкой: например, указание на свое качество (*терпеливый, веселый, свободный, мобильный или ленивый, тяжелый на подъем, брезгливый, вредный*) имеет оценочный характер (это *хорошо/плохо*). Самооценка, как и оценка, в свою очередь, разделяется на рациональную (*глупый*) и эмоциональную (*дурак*) [Арутюнова, 1988; Вольф, 2002 и др.]. В целом, самооценка проникает как в самоидентификацию₁, так и в самохарактеризацию (самоидентификацию₂).

Самооценка в лингвистике в основном была изучена на материале эмоционально-оценочной лексики, поскольку в этой категории лексики как бы сплавлены номинативные и оценочные компоненты, более того, оценка составляет существенный слой значения слова [Лукьянова, 1986; Трипольская, 1985; Булыгина, 1991; Новоселова, 1990; Храмцова, 1996]. Оценка соционима эксплицитно проявляется далеко не всегда, яркий способ актуализации оценочности – использование экспрессивных морфем (уничижительных или ласкательных).

В следующем фрагменте в лексическом значении слова «докторшишка» совмещены профессиональная самоидентификация и дополнительный компонент *негативная оценка*, умаляющий профессию доктора и говорящего по сравнению с деятельностью и значимостью поэтов. Представляется, что оценочное слово используется в функции самозащиты:

– Скажите, Савва, как так получилось, что вы тогда, в двадцать седьмом, не поженились с Нинкой?

Савва был в полном замешательстве. Сладкая тоска, столь неуместная в стенах хирургической клиники, бурно подкатила к горлу.

– Ну... я, право, не знаю... сначала Семен, потом Степан... Разочарование в Семене, увлечение Степаном. Ведь они же **поэты**, Нина и Степан, не правда ли?... А я – лишь **скромный докторшишка**... Боже мой, да я люблю вашу дочь больше всего на свете!... Я только о ней и думаю, когда... когда не оперирую, Борис Никитич...

– Она скоро возвращается, мой друг, – сказал Градов. Он испытывал к ассистенту острую симпатию и жалость. Скромный докторшишка... Когда он ухаживал за Мэри в конце прошлого века, медицинский диплом считался верхом престижа. При нынешней власти все привычные престижи подвергаются унижению (В. Аксенов. Московская сага).

На близость актов вербальной оценки и идентификации (вербализации идентичности) указывают и существующие в науке классификации пропозиций. Так, например, классификация типов пред-

ложений, выделяемых на основе семантики предиката, включает **квалификативные предложения**, к которым относятся предложения тождества (*Вена – столица Австрии*), классификации (*Вена – столичный город*) и характеристики (*Он ленив*) [Так, 1998, с. 457–458]. К пропозиции же характеристики в другой классификации (по характеру мыслительного процесса, организующего пропозицию) относят как оценочную информацию о человеке (*Он высок*), так и анкетные и таксономические данные (*Ему 40 лет; Должность – редактор*) [Шмелева, 1994]. Логические пропозиции, к которым относится и пропозиция характеристики, представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах и отношениях [Там же, с. 10]. На уровне логико-семантических отношений различия между таксономическими и квалификативными предложениями носят *вторичный* характер: и те, и другие предложения «связывают предмет в широком смысле (т.е. и класс предметов) с признаком (совокупностью признаков), отражая движение мысли от предмета к понятию» [Иванова, 2004, с. 116].

Кроме этого, существуют высказывания, где одни пропозиции маскируются под другие. Так, А.Д. Шмелев, анализируя предложения *Это необыкновенный ребенок; Это талант; Это молодчина*, говорит, что эти высказывания характеристики «подаются как <...> высказывания идентификации» [Шмелев, 1990, с. 44].

Если перефразировать мысль Н.Д. Арутюновой о том, что оценка – «это отношение, выдаваемое за признак оцениваемого объекта» [Арутюнова, 1988, с. 230], идентификацию можно определить в большинстве случаев употреблений (иногда даже в ситуации анкетных данных) как оценку, *выдаваемую* за объективную принадлежность субъекта к какой-либо группе/классу людей.

В то же время центром самоидентификации на лексическом уровне языка) является собственно номинативная лексика. Самоидентификация, в отличие от самопрезентации и создание автоимиджа, не обязательно сопровождается положительной/отрицательной оценкой и вообще может не привлекать лексемы с собственно оценочной семантикой (как в примере с *докторишкой*). В «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой представлено подмножество «Лицо, человек», достаточно большая часть которого составляет основу лексического поля самоидентификации. Имеется в виду та часть подмножества, которая относит лицо к какой-либо группе/классу людей, на-

пример, названия лиц по отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, к местонахождению; названия лиц по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, отношениям и др. [Русский семантический словарь, т. 1, 2002].

В «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко [2005] также можно найти группы слов, использующихся в самоидентификации/идентификации: существительные, обозначающие периоды жизни человека (*ребенок, старик*); родственные и семейные отношения (*мать, отец, сын*); существительные, обозначающие человека по отношению к религии (*католик, мусульманин*); существительные, обозначающие человека, живущего где-либо (*горец, горожанин*); существительные, обозначающие человека по отношению к еде (*вегетарианец, лакомка*) и т. д.

Безусловно, в речевой деятельности указанные лексемы часто приобретают коннотативные компоненты, другими словами, номинативную лексику средством оценки делает ее дискурсивное использование с учетом тех знаний о мире, которые актуальны в определенном сообществе в определенный отрезок времени. В изучении средств характеристики в отечественной лингвистике, как правило, были задействованы эмотивно-оценочные пласты русской лексики, а не средства идентичности. Однако текстовые реализации тех слов, которые мы отнесли к центру словаря идентичности, также часто выявляют потенциальные коннотативные компоненты лексического значения, например: «Мы – **сибиряки**, часть человечества, воды одной реки!.. *Гипербореи цвет, мускулы и мозги*» (Г. Андриянов, этно-рок-группа «Буготак»). В данном контексте слово *сибиряк* приобретает исключительно позитивную оценку за счет актуализации смысла «лучший, отличный от других, крепкий духом и телом» и становится не столько средством описания территориальной идентичности, сколько средством характеристики.

Тем самым дискурс о самоидентификации становится и объектом изучения, и инструментом изучения семантики идентичности как элемента картины мира носителей языка и особенностей языковой личности.

Именно эту тесную связь демонстрирует наличие высокого оценочно-прагматического потенциала соционимов, т.е. лексем, называющих лиц по профессии, полу, возрасту, национальности, расе и др.

признакам. С.И. Гарагуля считает, что имя – это свернутый лингвокультурный текст, а антропонимическая идентичность – «психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет» [Гарагуля, 2009, с. 8]. Это мнение находит подтверждение в психологии. Так, известные американские психологи и психотерапевты М. Джеймс и Д. Джонгвард пишут: «Первостепенным для идентичности личности является собственное имя. Даже когда это имя не может изменить характер, оно часто вносит свой вклад, положительный или отрицательный, в сценарий личности, так как содержит сообщение, посылаемое ребенку» [Джеймс, Джонгвард, 1993, с. 177].

Похожее отношение к семантике антропонимов-этнонимов проявляет В.Б. Кашкин, который, называя такие употребления вербальными мифологемами, подчеркивает, что «за словами *русский, англичанин, француз, немец, итальянец* и др. всегда стоит нечто большее, чем некоторая группа людей. Употребление этнонима вызывает в сознании пользователя языка свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его употребления, оценки соответствующих этнических групп, эмоциональное отношение к ним и т. п.» [Кашкин, 2004, с. 54]. Обратим внимание на то, что подобным семантическим потенциалом обладают не только этнонимы, но слова других тематических групп с категоризирующим значением, при этом квалификативный аспект семантики таких слов практически не подвергался изучению. Не вызывает сомнения то, что не только антропоним (личное имя или имя нации, этноним), но и любую номинацию человека/группы/категории (профессионализм, гендероним, религионим др. соционимы), можно считать свернутым лингвокультурным текстом, реальный дискурс может актуализировать те или иные прагматические коннотации номинативов, потенциал в представлении свойств характера и оценок человека¹⁴.

В центре словаря самоидентификации₁ находится собственно номинативная лексика, отвечающая за объективную категоризацию человеческого сообщества: *мать, отец, женщина, мужчина, девочка, мальчик, врач, учитель, продавец, русский, украинец, казах, православ-*

¹⁴ О прагматическом потенциале слова учитель см. в параграфе 3.2.5.

ный, мусульманин, атеист, сибиряк, волжанин. Тематический перечь ядра этого поля лексем будет рассмотрен в параграфе 3.2.1. Примыкают к данному словарю лексемы, в значении которых соединяются семантика социальной категоризации (денотативные компоненты лексического значения слова) и эмотивно-оценочная семантика (коннотативные компоненты): *матушка, батюшка, баба, мужик, девчоночка, мальчонка, врачиха, учительша* и т. д.

Кроме этого, встает вопрос о вхождении в лексическую группу самоидентификации, некоторых существительных, называющих качества, черты, свойства, какие-либо признаки человека: *бородач, меломан, меланхолик, стрелец, вундеркинд, олигарх*. Дело в том, что ряд подобных слов можно отнести к переходной зоне между словарем идентичности и словарем характеристики, поскольку в их семантике сливаются смыслы принадлежности к социальной группе и свойства характера, поведения, отношения к действительности и др. типичного представителя такой группы.

Итак, хотя полюсные фрагменты словарей характеристики и идентичности не вызывают сомнения, граница между этими средстами не так очевидна и требует специального рассмотрения.

Одним из методов их разграничения можно считать применение **«семантических формул ограничения словаря идентичности»**. Опишем этот метод.

Пересечение социальной практики идентичности носителей русского языка и её отражения в речи вызывает необходимость выработки и применения так называемых семантических формул идентичности, выполняющих тестовую функцию¹⁵: чем в большее количество из приведенных ниже формул вписывается рассматриваемое слово, тем выше вероятность того, что перед нами слово-название ключевой идентичности. Ограничения в лексической сочетаемости в рамках данных формул дают возможность проанализировать не зафиксиро-

¹⁵ Здесь мы следуем опыту применения лингвистического эксперимента, впервые описанного Л.В. Щербой [1974]. Из зарубежной лингвистической практики широко известны тесты Дж. Остина на чистоту перформативности [1986, с. 72–79]. Эту тему развивает З. Вендлер, так, использование глаголов говорения, которые не употребляются в форме первого лица ед. числа, было названо им «иллокутивным самоубийством» [Вендлер, 1985]. См. также работу Т.А. Трипольской, С.М. Беляевой [1992], в которой используется тест на сочетаемость экспрессивных глаголов говорения с местоимением «я».

ванные в лексикографических источниках семантические компоненты языковых единиц. Эти формулы, в свою очередь, являются типизированными конструкциями, клишированными фразами, часто используемыми в речевой коммуникации.

Формула 1: Вы (он) X? Да, я (он) X/Нет, я (он) не X.

Эта формула является диалогом, устанавливающим тождество вопроса и ответа:

– Вы (он) учитель?

– Да, я (он) учитель/Нет, я (он) не учитель/Учитель здесь не я (он)/Нет, я (он) библиотекарь.

Нужно заметить, что у этой формулы самые широкие сочетаемостные возможности, в нее вписываются не только многие интересующие нас слова (кроме экспрессивно-оценочной лексики) идентичности, но и слова *богач*, *вундеркинд*, *эстет*, *меломан*, *холерик*, и даже слова *дурак*, *идиот*, *трус*, называющие определенные качества, свойства и оценки человека. Т.А. Трипольская, С.М. Беляева [1992] описывают определенные условия, при которых нейтрализуется в речи подобные «иллокутивные самоубийства». Невозможность вопроса **Вы бородач?* объясняется его ненужностью: борода и без этого воспринимается органами зрения окружающих. Существуют определенные ограничения, например, в вопросе **Вы абориген (автохтон)?* – здесь оказываются важными традиции употребления данных слов: в русском языке так чаще называют местных жителей племенных народов Африки, Америки, Крайнего Севера, поэтому более типичным является высказывание *Я местный*¹⁶.

Формула 2: Собрание X состоится...

Вторая формула представляет собой жанр потенциального объявления:

Уважаемые восьмиклассники! Собрание восьмиклассников состоится 5 мая. Типизированная конструкция «*собрание X состоится...*» подразумевает, что люди, идентифицирующие себя определенным образом, могут намеренно собираться, обсуждать какие-либо вопросы, принимать какие-либо решения, следовательно, они воспринимают себя частью определенных социальных отношений, частью социально организованной группы, общности.

¹⁶ По замечанию Т.А. Трипольской, слово абориген в значении 'о жителе какого-либо села, города' может употребляться, но с шутиливой интонацией. Лексема абориген входила в жаргонный словарь студентов НГУ (о жителях Академгородка).

Ср. сложность постановки на место слова «восьмиклассники» слов *гений, оратор, растлитель* и под. Данный тест является самым жестким ограничителем для лексики идентичности.

Формула 3: *Группа/часть/коллектив/община X приняла участие в...*

Третья формула предполагает описание группы, некоего объединения как бы со стороны, внешним наблюдателем, так, возможны высказывания в средствах массовой информации: *Группа нефтяников приняла участие в демонстрации; Часть солдат подписала заявление; Коллектив учителей выступил на концерте; Община католиков внесла деньги на реконструкцию кинозала.*

Ср. ограничения в употреблении (в письменной речи) **Группа ревнителей чистоты нравов приняла участие в демонстрации; *Часть вредителей подписала заявление.* Однако данные высказывания вполне могут появиться в устной форме в качестве шутки.

Формула 4: *Места в зале/стол/зал/вагон для X.*

Данная формула так же, как и две предыдущих, является ограничителем официального характера, который носит идентичность, поэтому возможны таблички типа *Места в зале для учителей/родителей; Стол/зал/вагон для некурящих/вегетарианцев.* В виде таблички скорее невозможно, но в устной форме возможна фраза с указательным жестом *«Это места для богачей».* Этот тест выявляет группы людей, которые могут невольно или, наоборот, по собственному желанию находиться рядом друг с другом, занимая определенное место в пространстве.

Ср. **Места в зале для блюстителей порядка, *Стол для обидчиков.*

Формула 5. *Концерт для/встреча/встреча с/форум X.*

Последняя формула предполагает специфическую возможность объединения, встречи членов группы (в обычной жизни при отсутствии дружеских отношений они могут не догадываться о сходности своих интересов): *концерт для меломанов, форум вундеркиндов, встреча англоманов/встреча с англоманами.*

Ср. **Встреча эстетов, концерт для альтруистов, форум рогоносцев.*

Таким образом, слова *учитель, библиотекарь, восьмиклассник, католик* вписываются во все приведенные формулы, следовательно, их можно считать номинациями ключевых идентичностей (профессии, рода занятий, социального статуса, религиозной принадлежности). Слова *антисемит, вегетарианец* не проходят второй тест, так как

формула задействована в деловой сфере, а не всякие группы реальны, многие носят виртуальный характер. Слова типа *англоман*, *меломан* подходят к первой формуле, так как описывают склонности, пристрастия человека, приближаясь тем самым к чертам характера, в то же время вписываются в пятую формулу, поэтому склонности, пристрастия можно отнести к неключевой, дополнительной идентичности в рамках идеологической идентичности. Слова типа *богач*, *вундеркинд*, хотя и называют определенные свойства человека («богатый», «одаренный ребенок»), вполне можно отнести к второстепенным идентичностям, так как указанные свойства носят социально значимый характер: материальный статус определяет образ жизни человека, существуют специальные школы для одаренных детей.

Иными словами, лексемы, прошедшие все тесты, относятся к полюсу идентичности, а слова, прошедшие только первый тест – к полюсу характеристики. Кроме этого, существует переходная зона между лексемами, называющими принадлежность человека к определенной социальной группе (то, что мы относим к словарю идентичности), и лексемами, называющими черты характера, свойства, оценки человека – это слова, вписывающиеся в две, три или четыре семантические формулы. Это зона либо неключевых – в разной степени – идентичностей (*вегетарианец*, *больной*, *истец*, *морфолог*, *лексиколог*), либо черт характера, свойств и особенностей личности, приобретших определенный социальный статус (*вундеркинд*, *богач*, *олигарх*). Существуют также определенные внеязыковые ограничения в употреблении некоторых сочетаний (типа *группа палачей*): люди, относящиеся к данной категории, во-первых, не склонны афишировать свою принадлежность к ней и не хотели бы объединяться по субъективным причинам, во-вторых, их не так много, поэтому они не могут встречаться по объективным причинам.

Философ В.Н. Брюшинкин предлагает другой критерий (который он называет лингвистически-коммуникативным критерием) определения предикатов идентичности в конкретных высказываниях. Под предикатами идентичности понимаются понятия, объемом которых являются «общности определенного типа, которые имеют свойства целостности и каким-то образом противопоставлены другим общностям» [Брюшинкин, 2010, с. 85]. Суть критерия выражается следующей формулой: «Понятие *P* используется в суждении «*S есть P*» в качестве *IP*¹⁷, если говорящий в то же время и в том же смысле может употре-

¹⁷ *P* – идентичность, *IP* – суждение об идентичности.

бить это понятие в обороте «Мы, P...» или «Они, P...». <...> Например, в высказывании русского «Я недавно был в Италии и понял, что по складу характера я настоящий итальянец» понятие «итальянец» не является IP, поскольку в нормальной ситуации говорящий не будет продолжать фразу «Мы, итальянцы, ...», разве что иронически» [Там же, с. 86]. Эти наблюдения над закономерностями речевого поведения подтверждают идею о тесной связи самоидентификации₁ и самохарактеризации, поскольку для характеристики используются соционимы, слова с номинативной семантикой.

Таким образом, идентичность – в разной степени осознанная принадлежность к определенной социально значимой категории людей. Критериями отбора лексем с семантикой идентичности становятся как их собственно языковые особенности, так и соотношение концептуальной и языковой картин мира в области категоризации человеческого сообщества. Иначе говоря, научное социально-психологическое описание идентичности, будучи ориентиром в лингвистическом исследовании, само корректируется данными языка. Словарь идентичности представляет собой множество слов, в центре которого находятся лексемы, обозначающие явные идентичности. На периферии данного множества находятся средства характеристики и номинации неявных групп человеческого сообщества. В то же время все пространство словаря идентичности обладает большим потенциалом характеристики за счет текстовых реализаций коннотативной семантики.

2.3. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ИСКРЕННОСТЬ

Как заметил психолог Дж. Марсиа,
«если хотите что-нибудь узнать о человеке, спросите его, может быть, он вам что-нибудь и расскажет».

И.П. Ильин. *Loquor ergo sum, narro ergo sum...*

Совершенно не кажется странным, что многие исследователи идентичности с недоверием относятся к самоидентификационному суждению: оно а priori не может быть рассмотрено как проявление «истинной» идентичности. Так, В.Э. Куренной пишет, что «в отношении

сегментивной¹⁸ идентичности всегда есть подозрение, что она фиктивная» [Куренной, эл. ресурс]. В.Н. Брюшинкин объясняет это следующим образом: «Социологические исследования сосредоточены на установлении самоидентификации, т. е. самооценки своей принадлежности к той или иной социальной общности <...> Главный недостаток суждений самоидентификации состоит в том, что респонденты, как правило, обладают низким уровнем рефлексии и плохо осознают содержание понятий, о которых их спрашивают» [Брюшинкин, 2010, с. 89]¹⁹.

Поясним, что в задачи нашей работы не входит выяснение «истинной», «настоящей» идентичности говорящего субъекта. Предметом исследования является субъективное *переживание* принадлежности к группе/категории/общности людей, которое более или менее удачно, более или менее правдиво или адекватно может быть отражено (выражено или описано) в речи. В ряде случаев реципиентами отражения эти акты могут быть квалифицированы как *ложные*.

Ложь – сложный, многомерный феномен, направленный на искажение истины самых разнообразных сторон человеческого существования. Основная задача вербальных актов самопрезентации как транспортера самоидентификации заключается в управлении впечатлением о говорящем, которое создается у адресата. Определенная часть этих актов соотносима с понятием лжи, неправды с точки зрения соответствия истине. Цель данного раздела – классификация и лингвистиче-

¹⁸ *Сегментивная* идентичность – «это причисление себя к некоторой группе «своих». В современном мире существует несколько форм такого рода идентичности: прежде всего, государственная, национальная и религиозная, хотя это могут быть и какие-то более локальные сообщества. Сюда же можно отнести и классовую идентичность как специфическую марксистскую конструкцию» [Куренной, эл. ресурс]. Надо сказать, что утверждение автора распространяется не только на указанный вид идентичности.

¹⁹ Заметим попутно, что «низкий уровень рефлексии» означает здесь, по-видимому, то, что испытуемые либо не вдумываются в суть вопроса, либо понимают некоторые слова не так, как их следует понимать. Кроме этого, в некоторых случаях у респондентов существует *право понимать по-своему* (например, размытое понятие «средний класс»). И все это, действительно, снижает значимость результатов социологического исследования. Однако для лингвистического анализа суждения самоидентификации важно, что они появляются в речи людей независимо от их интеллектуальных способностей. Задача лингвиста – по контексту установить содержание высказывания, даже если говорящий заблуждается относительно значения тех или иных слов.

ский анализ основных видов *неправды* в самоидентификационной деятельности говорящего субъекта: 1) сокрытие или отсутствие правды, а также полуправда (частичная правда), 2) ложь как подмена истинной информации.

Неправда, по нашему мнению, вбирает в себя все случаи несоответствия истине, является самым семантически широким словом. Не случайно в «Новом объяснительном словаре синонимов» под ред. Ю.Д. Апресяна неправда дается как доминанта синонимического ряда: «**Неправда**, (необходн.) *ложь*, разг. *вранье* – неверная передача фактов в условиях, когда человек знает правду» [Новый объяснительный словарь синонимов, 1997, с. 668]. Далее указывается, что «...*обман*, так же как и *неправда*, *ложь*, *вранье* в их прототипическом употреблении предполагает **сознательное** введение адресата в заблуждение с целью добиться чего-то для себя» [Там же]. Однако при этом говорится, что «у неправды может отсутствовать цель и адресат» [Там же, с. 669], которые для лжи и вранья обязательны; у лжи и вранья могут быть характерные цели (т. е. личный интерес), ложь и вранье предполагают большее искажение истины, чем неправда. Отличие же лжи от вранья заключается в том, что ложь маскируется под правду, предполагает предварительное планирование, а вранье – преимущественно устная импровизация. Следовательно, неправда может и не быть целенаправленным действием, каким является ложь; кроме того, слова *ложь* и *вранье* стилистически маркированы, слово *неправда* стилистически нейтрально.

I. Сокрытие как полуправда или отсутствие правды в самоидентификации

Существует множество идентичностей, которые вполне осознаются людьми, но они не считают возможным/необходимым о них говорить прямо или говорить вообще: например, в некоторых случаях – национальность, нетрадиционная сексуальная ориентация, идеологическая ориентация (*националист*, *экстремист*), некоторые профессии (*палач*, *разведчик*, *осведомитель*, *сотрудник КГБ*, *ассенизатор*). Информация в данном случае утаивается, удерживается, не доходит до потенциального адресата из-за страха (возможность преследования), стыда (низкий профессиональный статус) или корысти.

Истинная причина отказа от самоидентификации не всегда лежит на поверхности. Так, по данным Всероссийской переписи 2010 года, осталась неизвестной национальная принадлежность 5,6 млн человек (это 4% россиян, для сравнения – в 2002 году таких было 1%), из

них 2 млн человек отказались указать свою национальную принадлежность (Российская газета. 22 декабря 2011 г.). Требуется использование специальных социологических методов для того, чтобы определить мотивы этого отказа: а) человек считает эту информацию слишком личной, интимной; б) национальная принадлежность для него – дело неважное, незначимое; в) он не может определить свою принадлежность в силу полиэтничности.

Отказ от правды соотносится с молчанием (умолчанием) как языковым феноменом. Отсутствие ответа на вопрос о принадлежности к определенной группе может означать неуместность самого вопроса: уклонение от ответа, умолчание содержит сообщение «на дурацкие и провокационные вопросы не отвечаю»²⁰. Рассмотрим пример не вполне политкорректного диалога протоиерея Русской православной церкви, профессора Московской духовной академии А. В. Кураева и молдавского священника А. Чибрика:

А. Чибрик: Отец Андрей... недавно я узнал, что вы – законченный п...с. Правильно, что вы п...с? Отвечайте коротко, ясно, четко, без воды.

А. Кураев (после паузы): Вкратце я скажу, что у меня нет привычки беседовать с ослами (12.12.2010, Кишинев, опубликовано: youtube.com).

Вопрос А. Чибрика, вероятно, был спровоцирован ответами А. Кураева в других интервью, например: «Вопрос: Может ли гомосексуалист стать православным священником? А. Кураев: Церковные каноны однозначно определяют гомосексуализм как деяние, несовместимое со священным саном. Но в том-то и неясность, что каноны (нормы права, законы) говорят именно о деяниях. На языке церковного права гомосексуалист – это человек, совершивший определенное деяние. На языке же современной психологии гомосексуалист – это человек с гомосексуальным влечением. Значит, сегодня это слово понимается более широко» (опубликовано: rutube.ru/tracks/2827474).

Очевидно, что А. Чибрик категорически не соглашается расширять значение слова *гомосексуалист*, как это делает Кураев, и свое резкое неприятие этой позиции и гомосексуалистов выражает в провокационном вопросе с использованием табуированного жаргонного слова. Кураев пытается сдержать эмоции, отклоняет вопрос, коммен-

²⁰ Как гласит латинская пословица, *Inutilis quaesto solvitur silentio* («неуместный вопрос освобождается от ответа»).

тируя отказ от ответа, но при этом использует спорное с точки зрения этикета слово *осел*.

Следующий пример иллюстрирует возможность избежать конкретной номинации в национальной самоидентификации, то есть сказать частичную правду:

Еременко Юрий Иванович, Черниговская область: «Господин президент, нет ли на Вашем генеалогическом древе веточки с украинской окраской?»

В. В. Путин: Юрий Иванович, нет. Как Высоцкий пел: «Если кто залез ко мне, то и тот татарин». Но если по-серьезному, то все мои родственники из Тверской губернии России, это где-то километров 200 от Москвы. И в течение многих лет, многих столетий не только жили в одном месте, в одной деревне, но и ходили в одну и ту же церковь, как выяснилось, потому что все эти данные были получены из церковных документов. Но если бы у меня вдруг выяснилось, что у меня есть такие родственные связи, я бы этим только гордился. Мне нравится Украина (стенограмма интервью В. В. Путина украинским телеканалам, 27 октября 2004, опубликовано: ukraine.ru/stories/01/11/26/2091/230908.html).

Здесь мы видим случай кооперативного и политкорректного диалога, в котором прием умолчания является одним из способов его создания. Путин не уходит от того вопроса, который ему задан, но предваряет ответ описанием фрейма «русские», так что любой человек при желании может восстановить эту самоидентификацию (*«все мои родственники из Тверской губернии России, это где-то километров 200 от Москвы. И в течение многих лет, многих столетий не только жили в одном месте, в одной деревне, но и ходили в одну и ту же церковь»*²¹). Надо сказать, что человек, задающий вопрос, пытается смягчить не всегда уместный вопрос о национальной принадлежности, не задает его «в лоб», а также демонстрирует кооперативность, используя такие языковые средства, как более мягкий *ли*-вопрос, статусное обращение *Господин президент*, образуя номинацию национальной идентичности *генеалогическое древо*, деминутив *веточка с украинской окраской*.

В современной России, в новых экономических условиях культуры самопрезентации и, соответственно, интервью о деловых и личных качествах и идентичностях только становится. В Рунете можно прочи-

²¹ По данным Всероссийской переписи 2002 года, 92,5% населения Тверской области составляли русские.

тать массу комментариев о неуместных вопросах и советах как интервьюерам, так и интервьюируемым:

1) *запретность определенных тем оценивается каждым человеком субъективно. У большинства негативную реакцию вызывают детальные вопросы о семье, материальном положении. Если соискатель посчитал вопрос некорректным, лучше сразу спокойно сообщить об этом, чем пытаться уклониться от ответа или резко, наотрез отказаться затрагивать данные темы. Пример наиболее подходящего ответа: «Сейчас я не хотел бы обсуждать вопросы относительно моей личной жизни»;*

2) *так называемыми запретными на собеседовании являются темы, касающиеся религиозных и политических взглядов, а также вопросы, затрагивающие личную жизнь человека. Обычно их задают для того, чтобы вывести претендента из состояния равновесия. Это помогает понять, насколько конфликтен человек и умеет ли он быстро найти выход из сложившейся ситуации. Поэтому не стоит негативно реагировать на это. Если же вопрос слишком личный и вы не можете на него ответить, то стоит честно сказать об этом кадровику и постараться объяснить причины;*

3) *например, как нежелательный соискатель может воспринять вопрос о вероисповедании. И действительно, конфессиональная принадлежность кандидата вряд ли влияет на его состоятельность как специалиста. ...В таких ситуациях надо либо отшутиться, а уж если не до шуток, то мягко, но убедительно объяснить кадровику, что, поскольку данная тема не имеет прямого отношения к предлагаемой работе, вы не хотели бы ее обсуждать (job.bl.by).*

II. Подмена в самоидентификации

Умолчание, уход от ответа, расплывчатый ответ в самоидентификации чаще всего характерен для говорящего при ответе на вопрос интервьюера или анкеты. Подмена правды в самоидентификации является логическим продолжением ее сокрытия. Уход от ответа не всегда выигрышная стратегия, потому что, как правило, появляются новые вопросы, поэтому субъект предпочитает их предотвратить, не говоря при этом правды.

Самым банальным случаем подмены является ложь «раздувания», когда говорящий приписывает себе более престижную или подходящую профессию, например, человек с дипломом филолога, желая устроиться работать журналистом, пишет в резюме: «Я журналист,

окончил факультет журналистики». Или девушка в 21 год, не издавшая ни одной книги своих стихов и написавшая 2-3 статьи в студенческую газету, презентует себя как «*поэта, журналиста и критика*» (форум). Конечно, можно работать журналистом и без специального образования, но автор резюме, видимо, испытывает определенный комплекс в связи с его отсутствием, поэтому важнейшей семой значения слова *журналист* в данном употреблении является 'дипломированный специалист'. Также *поэт* и *критик* не обязательно должны быть членами союза писателей. Однако в обыденном сознании эти виды деятельности все же предполагают существенный опыт, считается, что не каждый может так себя называть. Ср. самописание Виктории Райхер, в котором она старается не приписать себе лишних заслуг, подчеркивая, что сегодня со словом писатель обращаются слишком вольно: «Пишу прозу. Не люблю определения «писатель». Писатель – это тот, кто пишет? А кто в наше время не пишет? Ну, пишу... Вот были мои сказки в сборнике под редакцией Макса Фрая «Книга русских иностранных сказок» (neivid.livejournal).

Крайним случаем лжи «раздувания» является фальсификация, подлог личности и его статусных характеристик. См. в словаре: «**Фальсификация** (<лат. falsificare подделывать) – 1) подделывание чего-л.; искажение, подмена чего-л. подлинного ложным, мнимым; 2) изменение с корыстной целью качества предметов в сторону ухудшения при сохранении внешнего вида; 3) подделка, подделанная вещь, выдаваемая за настоящую» [Словарь иностранных слов, 1984]. В языке существует специальный маркер подлога в самопрезентации – опорный компонент (префиксоид) ЛЖЕ-. В. И. Даль пишет: «**Лже** – частица, которая ставится слитно перед словом, означая: ложный, лживый, не истинный, не подлинный, поддельный или подмененный, притворный, вообще подложный. *Лжеапóстол, лжеучитель, лжехрист, лжепóп, лжемонах, лжепрорóк, лжецáрь* обманщик или самозванец, с коварным замыслом принимающий звание, сан, имя и вид названных личностей; засим равно понятны: *лжеапóстольский, лжеученье, лжехристианин, лжемонашеский, лжеименный, лжеименный* (ложно прославленный), *лжеверие, лжебрáтья* (ложные одноверцы), *лжемудрый, лжепóслух* (лжесвидетель), *лжепράведник, лжепрорóчествовать, лжесловье* (ложь), *лжеречивый, лжесплетáтель* (лжец, клеветник) и пр.» [Толковый словарь живого великорусского языка]. Известнейшими самозванцами в русской истории стали Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, вы-

дававшие себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана IV Грозного, царевича Дмитрия. Стоит отметить, что существительными с префиксоидом ЛЖЕ- обозначают, видимо, людей, вначале не воспринятых как обманщиков, их подлог был раскрыт позже, поэтому второй важный компонент слова называет того, за кого выдавали себя эти люди (не просто обманщик, лгун, а *лжеПОП*, *лжеЦАРЬ*, *лжеМОНАХ*).

Обманщик, выдавая себя за другого, пытается решить какую-либо задачу (например, при устройстве на работу), предусматривая те проблемы, которые у него могут возникнуть, подстраиваясь под запросы адресата: «Одна из важнейших социальных функций обмана состоит в том, что он способен обеспечивать возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов» [Юнацкевич, Кулагин, 1999, с. 43]. Судя по всему, люди делятся на тех, кто не может или не умеет лгать, и тех, кому это дается очень легко:

Вопрос идентификации, связанный с работой, – вообще непаханное поле. Ибо лично я, приходя устраиваться на работу или на обсуждение совместного проекта, могу выдавать самоидентификацию в зависимости от ситуации: от «хороший программист», «администратор нагруженных серверов FreeBSD» до «руководитель отдела разработки» и «генеральный директор». Важно исключительно то, что требуется другой стороне. И что соответствует нашим общим текущим целям (блог).

Другая коммуникативная стратегия подмены в самоидентификации связана с понятием игровой деятельности. Это также приписывание себе чужой роли, статуса или профессиональной принадлежности, но в этом приписывании обязательно имеются компоненты шутки, оригинальности, вызова, игры, перехода в иную реальность.

Т. Щербина пишет о результатах Всероссийской переписи 2002 года так: «В самой и без того многонациональной стране мира национальностей прибавилось: *инки, печенеги, скифы, римляне, эльфы, хоббиты, гоблины, орки, джедаи, марсиане, лешие, гномы...* Они, причем, многочисленней «малых народностей», в связи с чем теоретически могли претендовать на представительство в органах власти и бюджет. Но оказались скромны, хотя у многих из них «все серьезно». Это не сугубо российский «уход от действительности» – в Англии при переписи 2001 года 1,5% населения назвали себя джедаями, а в США 1% – гуманоидами» (Т. Щербина «Ксенопатриотизм», опубликовано: svobodanews.ru). С точки зрения объективной действительности, все

эти самоназвания – неправда, так как в реальности таких существ нет. Интересно, что приказом Росстата от 27.01.2010 был утвержден документ «Алфавитный перечень возможных вариантов ответов населения для кодирования ответа на вопрос 7 Перечисного листа формы Л Всероссийской переписи населения 2010 года», в котором называется 1840 возможных этнонимов (среди них есть *человек, человек мира, человек земли, сибиряк* как вполне реальные категории людей, а *эльфа* и *хоббита* как мифических персонажей нет).

Игровое приписывание чужой роли персонажем художественного текста рассматривается в рамках анализа понятия «речевая маска». М. В. Шпильман пишет: «Коммуникативная стратегия «речевая маска» – это имитация чужого речевого поведения, включающая иную манеру речи, иной лексикон и предполагающая иную картину мира. При этом человек «перевоплощается» в другую языковую личность на основе собственных представлений о том, какой эта личность должна быть, и эти представления должны каким-то образом коррелировать с представлениями социума об образе данного коммуниканта» [Шпильман, 2006, с. 54].

Ведущая функция речевой маски – организация и движение сюжета. Среди известных примеров надевания литературными героями масок можно назвать повесть А. С. Пушкина из цикла «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» «Барышня-крестьянка», комедию Н. В. Гоголя «Ревизор», комедию Б. Томаса «Четка Чарлея» (сюжет развит в кинофильме «Здравствуйте, я ваша тетя!»), роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», произведения Бориса Акунина (да и сам писатель представляет собой литературную маску²²). В дис-

²² Более того, у Г. Чхартишвили есть и другие литературные маски: «Григорий Чхартишвили, или Борис Акунин, раскрыл еще два своих литературных псевдонима. Оказывается, на протяжении последних четырех лет он писал под именами Анны Борисовой и Анатолия Брусникина. ...В своем посте в «Живом журнале» Акунин-Чхартишвили подробно остановился на вымышленной писательнице Борисовой, которая была придумана первой. «Скучен тот писатель, которому не хотелось побыть писательницей. Я представил себе образованную даму, которая вошла в возраст свободы, когда дети уже подросли, ум созрел, характер сформировался. У нее обеспеченный муж, то есть дама не обременена заботами о пропитании. Она берется за перо частично от скуки (как японские фрейлины эпохи Хэйан), а частично из-за того, что ей хочется поделиться с миром своими чувствами и мыслями, копившимися

сертационном исследовании М.В. Шпильман описана речевая маска Максима Каммерера, персонажа произведений братьев Стругацких. М. Каммерер привлекает внимание к своей речевой маске тем, что всячески демонстрирует свое неприятие масок, которые ему приходится надевать в силу производственной необходимости (изобретенные им легенды):

*Я обстоятельно представился [учителю Льва Абалкина] и изложил свою легенду. Я был журналист, по профессии – зоопсихолог, и сейчас собирал материалы для книги о контактах человека с голованами... И так далее, и так далее... **Признаться, у меня все время теплилась некоторая надежда, что в самом начале моего вранья я буду прерван возгласом: «позвольте, позвольте! Но ведь Лев был у меня буквально вчера!»** Однако меня не прервали, и мне пришлось договорить все до конца – **изложить с самым умным видом все свои скороспелые суждения** о том, что творческая личность формируется в детстве, именно в детстве, а не в отрочестве, не в юности и уж, конечно, не в зрелом возрасте, именно формируется, а не то чтобы просто закладывается или там зарождается... Мало того, когда я, наконец, **выдохся совсем**, старик молчал еще целую минуту, а потом вдруг спросил, кто такие эти голованы.*

Имеются и случаи неосознанной неправды в самоидентификации, а именно оговорок. Так, в 2010 году президент Белоруссии Александр Лукашенко в публичном выступлении сказал: «*Еще раз говорю: после всего того, что произошло, после реакции в мире, которая последовала в адрес Российской Федерации, да и Белоруссии... Тем не менее идут вот сейчас проволочки, чтобы нас попытаться поставить на колени. Вы знаете, **я как первый президент России** – не знаю, как вы, ученые, – я на это пойти не могу*» (опубликовано: rbc.ru). Другим вариантом неосознанного искажения является патологическая самоидентификация. Бредовые презентации часто обыгрываются в анекдотах, например:

- Ты кто?
- Я – Юлий Цезарь! А ты?
- Я – Папа Римский?
- Кто тебе это сказал?

в течение долгих лет», – написал он. Он даже дал новой писательнице лицо – «это продукт морфинга, средняя точка между моим лицом и лицом моей жены Эрики» (news.am).

– Сам Господь Бог!

В разговор вмешивается третий: – Врет он, ничего я ему не говорил! (ibestmedic.net)

Нельзя не обратить внимания на вопрос об интерпретативном характере понятия *ложь* вообще и в самоидентификации в частности. То, что одними может восприниматься как ложь, искажение истины, другими подчас воспринимается как правдивая информация. Например, А. Розенбаум критикует тех, кто неоправданно, по его мнению, называет себя русскими:

Я знаю в Иерусалиме целую деревню русских людей, которые двести лет исповедуют иудаизм. Я, например, к этому еще не пришел, но я, абсолютно чистый иудей, склоняюсь к христианству: тянет. Иудаизм для меня – совершенно чуждая религия, а христианство мне ближе: я вырос на этой земле, я впитал ее в себя. Но я никогда не говорю, что я – русский. Ненавижу, когда грузин или татарин говорит: «Я вырос на русской земле и считаю себя русским». Не надо себя считать. Ты – еврей, ты – татарин, ты – грузин... (Александр Розенбаум. Бульварьер (1987–1998); пример НКРЯ).

Перед нами конфликт значений: в речи, в ряде употреблений слова *русский*, хотя это и не отмечают толковые словари, изменяется сама семантика национальности – она связывается не с «кровью», а с «духом, душой» нации:

1) *Мои родители – перуанцы, но по национальности души я – русский. Когда я состарюсь и поседею, я, наверное, совсем стану похож на тихого старичка, а смуглая кожа – покажется последствием буйной, непросыхающей молодости. Я полагаю, душа разряжена и бесцветна, а национальность она приобретает с годами, из того, к чему и куда ее тянет. И наполняется, как пустота своими галактиками (Улья Нова. Инка (2004); пример НКРЯ);*

2) *Мама очень волновалась в тот день, потому что отца, в котором советское руководство видело будущего главу государства, пригласили наблюдать за майским парадом с трибуны Мавзолея. Мама собиралась пойти с ним, но у нее начались схватки, и вместо Красной площади она оказалась в роддоме. В нашей семье я оказалась первой москвичкой (мама родилась в Ташкенте). Несмотря на мои иностранные корни, я – русская до глубины души. Русский был моим первым языком, хотя мама и бабушка дома часто говорили на английском. Училась я в советской школе, а до того ходила в детский сад, где меня учили*

любить дедушку Ленина. Мое мировоззрение формировалось под воздействием иронии Чехова, поэзии Пушкина, романтики Чайковского (Елена Ханга. Про все (2000); пример НКРЯ).

Очевидно, что если ожидания адресата в связи с употреблением слова не будут оправданы, то он может воспринять информацию как искаженную, то есть лживую. Более того, «мнения разных языковых личностей на одно и то же событие, факт, явление редко полностью совпадают. Истинным каждому из нас представляется только *наш* взгляд, *наше* восприятие и понимание, только *наша* интерпретация» [Шаховский, 2005, с. 173]. Судя по всему, стоит говорить о развитии и функционировании лексико-семантического варианта лексемы *русский*, не отмечаемого до сих пор толковыми словарями: *‘принадлежащий к русской культуре, живущий в России, хорошо говорящий на русском языке’*. Иногда эти искажения, модификации, расширения лексического значения навязываются извне. Снова обратимся к использованию слова *русский*:

*В этом секрет употребления – а на сторонний, да и на мой сегодняшний взгляд – злоупотребления этим словом и его эквивалентами (еврей, иудей и проч.) в «Романе с эпиграфами» – менее всего это этническая характеристика. Скорее это метафора, реализованная моими издателями Ириной Богат и Игорем Захаровым в названии этой книги: «Три еврея». **Здесь, в Америке, я – русский:** вместо этнической идентификации – географическая привязка, культурная прописка, профессиональная характеристика. А что было тогда? Ощущение отчужденности, отверженности, одиночества, остракизма и отщепенства, всеобщего презрения, собственного ничтожества и тотальной опасности. Портрет жида, загнанного в тупик, – вот что такое данная книга в авторском представлении* (Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975–1998); пример НКРЯ).

В данном фрагменте актуализируется то, что за границей, на Западе, в США россиян скорее принято называть русскими (так привычнее, удобнее), точно так же граждан СССР чаще называли русскими вне связи с их национальностью.

Итак, неправда в самоидентификации проявляется в двух основных вариантах: во-первых, в виде частичной правды или отсутствия правды, во-вторых, в виде подмены, фальсификации существенных характеристик личности (пола, возраста, национальной принадлежности, профессии и др.). Неправда необязательно носит целенаправленный характер, однако чаще всего говорящим движет страх, стыд

или корысть. Отсутствие правды реализуется приемом умолчания, фальсификация является заменой истины на неистину. В ряде случаев подмена в указании принадлежности к группе, категории людей может относиться к игровой деятельности. В художественном тексте такая самопрезентация выполняет сюжетобразующую функцию. Восприятие самоидентификаций как ложных может быть связано с различным пониманием семантики отдельных лексем носителями языка.

2.4. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Целью данного раздела является описание специфики языковой игры в самоидентификационных высказываниях с позиций теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, которыми были введены понятия негативного и позитивного лица адресата и адресанта [Brown, Levinson, 1987]. *Негативное лицо* (*negative face*) соотносится с желанием сохранить независимость, личное информационное пространство, свою «территорию»; *позитивное лицо* (*positive face*) связано с положительным, достойным образом, на который претендует говорящий, со стремлением получить поддержку и одобрение. Человеческая коммуникация может быть описана как череда ликоповреждающих (представляющих угрозу «лицу») и ликосохраняющих (компенсирующих ущерб) речевых событий.

Самоидентификация представляет угрозу повреждения, во-первых, негативного лица говорящего, поскольку разрушает независимость того, кто вынужден представляться и описывать себя адресату, во-вторых, позитивного лица адресата в случае, если говорящий демонстрирует какое-либо свое превосходство, в-третьих, в случае понижающей самоидентификации, может разрушаться позитивное лицо говорящего. Самоидентификационные высказывания могут быть также актами, защищающими лицо адресата, когда говорящий демонстрирует принадлежность к той группе, к которой относится и адресат, а последний гордится своей принадлежностью к этой группе.

В русской речевой культуре существуют определенные ограничения в актах самопрезентации, самооценки и самоидентификации. Самопредставления являются вынужденным способом коммуникации, поэтому большая часть референции субъекта вынесена в письменную форму (таблички на двери, бейджи, подписи в заявлении и т. д.), в устной коммуникации предпочтительно, если говорящего представит

кто-нибудь другой (на улице не принято знакомиться, имя докладчика называет председатель конференции и т. д.).

Однако говорящий не всегда оказывается в таких благоприятных условиях посредничества, поэтому ему приходится либо проявлять инициативу в самоидентификации, либо – при ответе на вопросы интервьюера – соблюдать определенную меру дозволенного. Вообще, существуют два пути сохранения негативного лица адресанта и позитивного лица адресата: 1) избегать самоименования, самоопределения и самооценки (как положительной, так и отрицательной); 2) использовать стратегии компенсации причиненного лицу ущерба. Языковая игра, являясь разновидностью шутки, относится, безусловно, ко второму пути ликосохраняющих стратегий в самоидентификационных высказываниях. Под языковой игрой мы понимаем те явления, «когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [Земская, 1983, с. 172]. В.З. Санников пишет: «Языковая шутка позволяет обойти цензуру культуры ... она позволяет говорящему нарушать важный принцип речевого общения – принцип вежливости, **маскирует и сглаживает невежливость** [выделено автором. – М.Л.]» [Санников, 2002, с. 30].

Языковая игра в самоидентификации используется, как правило, в дружеской среде. В примере (1) сотрудники реагируют на новость об изменении статуса директора – и, соответственно, на изменение своего статуса – шутливым самоопределением, директор также включается в эту игру:

(1) Директор: *Имейте в виду, что с сегодняшнего дня я – ваш генеральный директор!*

Сотрудник-1: *Тогда я – генеральный дизайнер!*

Директор: *А Зоська – генеральный декоратор!*

Сотрудник-2 (Зоська): *Предлагаю «эр» выбросить и называть меня **гениальным декоратором!***

Сотрудник-1: *Предлагаю во всех документах букву «эр» вычеркивать (PP).*

Отталкиваясь от узуального названия, сотрудники фирмы выдумывают себе несуществующие престижные должности (*генеральный дизайнер, генеральный декоратор*), затем игре подвергается форма слова *генеральный*: говорящий предлагает называть себя *гениальным декоратором* (прием паронимической аттракции). Здесь в полной

мере получает подтверждение мысль Т.А. Гридиной о том, что языковая игра опирается на ассоциативный характер мышления: «Языковая игра – форма лингвокреативного мышления, эксплуатирующая механизмы ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, употребления, создания языковых единиц и характеризующаяся условностью и интенциональностью – установкой на творчество, эксперимент над знаком на основе различных операциональных механизмов и лингвистических приемов его трансформации и интерпретации» [Гридина, 1996, с. 54].

В следующих трех примерах говорящий также намеренно повышает свой уровень, метафорически используя лексемы с семантикой престижного статуса (*чемпион, мастер, принц*):

(2) – Дядя Сережа, будете играть в монополию?

– Конечно, **я же чемпион мира по монополии!** (Т/с)

(3) *Костик*. Здравствуйте, Людочка.

Людочка. Здравствуйте, *Костик*.

Костик. Слышали – последнюю новость? Эмиль Золя угорел.

Людочка. Я не знала.

Костик. Смотрите, выключайте конфорки.

Велюров. Может, вы все же меня представите?

Хоботов. Простите. Это Велюров. Сосед.

Велюров. [В киноверсии «Покровских ворот» Велюров вначале укоризненно повторяет последнее слово: «Со-сед!..»] **Мастер художественного слова**. (Целует ей руку.)

Людочка (смутившись). Ой, ну зачем вы? (Л. Зорин. Покровские ворота)

(4) *В. Познер*: Вы вообще сатиру не любите?

И. Ургант: Нет, я люблю. Но это – не мое. Сатира – это злость очень часто, это очень едкие, очень острые... **Я, знаете ли, принц полутонов**, Владимир Владимирович. Это не имя, не фамилия, это...

В. Познер: Хорошо, что Вы мне объяснили. Полутонов или Полупанов – я думал, почти одно и то же.

И. Ургант: Да. (Телепрограмма «Познер»)

Это повышение своего статуса в каждом случае имеет разные причины. В примере (2) говорящий парадоксальным образом сокращает дистанцию с ребенком, предложившим ему игру в монополию, и тем самым повышает самооценку ребенка. Во фрагменте (3) Велюров также пытается сократить дистанцию с Людочкой, привлечь ее внима-

ние своей необычной профессией (ср. актер/чтец); этот жест (*целование руки женщины*) в данном случае компенсирует ликоповреждающий акт, как бы говоря, что такой пафос вызван особым, галантным отношением к женщине. В примере (4) компенсирующее действие заложено в акте престижной самоидентификации: слово *полутонов* смягчает повышенный статус, выраженный лексемой *принц*.

Следует подчеркнуть, что сама языковая игра может повышать статус говорящего и становиться компенсирующим действием, если перед этим состоялся ликоповреждающий акт:

(6) – *Если вы так считаете про искусство, то мне ясно: вы – формалистка!*

– *Нет, я содержантка!* (В. Ардов, *Записные книжки*; пример В.З. Санникова).

В пространстве художественного текста языковая игра позволяет имитировать дружескую манеру коммуникации, сокращая тем самым дистанцию между автором и читателем. Одна из смысловых линий истории Людмилы Петрушевской «Все имеют право на концепт» заключается в том, что позитивное лицо говорящего умалется, когда он меняет свою основную деятельность, становясь в другой дилетантом. В этом случае в качестве компенсации говорящий также старается прибегнуть к языковой игре, которая всегда также является маркером живого интереса к тому, о чем пишет автор. См. фрагменты этого текста:

(7) *Надо же такому случиться, что судьба занесла меня в деревню Виперсдорф Ютербогского района Берлинской области, в страну под название бывш. ГДР. Мне дали как писателю стипендию на питание и проживание в доме творчества для разнообразных создателей, в том числе и для философов и историков. Но главное были, конечно, художники, композиторы и писатели. Где я и прошла мои маленькие университеты в области современного изобразительного искусства, оказавшись в центре концептуализма.*

(8) *Что оставалось бедному писателю, который гулял налево, т.е. не хотел возвращаться к недописанным книгам?*

(9) *На стенах были развешаны большие листы изумительной белой бумаги ручной работы. Уж я-то, акварелистка, знала цену такой бумаге.*

(10) *Нам, акварелистам-любителям, это знакомо, такая уж техника – иногда недосказанное и незаконченное выше и интереснее жесткого, сухого воплощения. Даже всегда, прямо скажем.*

(11) Я продолжала ходить по мастерским художников, отлынивая от работы. ... Вечерами я, делать нечего, писала свои акварельки, но никому их не показывала. ... И тут я, **преднамеренный экспериментатор**, стала мечтать раздобыть в этом захоlustье бумагу и краску для монотипий.

Можно проследить, как от фрагмента (7) к фрагменту (11) меняются самообозначения автора-писателя, желающего научиться искусству акварели: *писатель – разнообразные создатели – бедный писатель – я-то, акварелистка – мы, акварелисты-любители – преднамеренный экспериментатор*. Однако к «серьезному» слову типа художник Л. Петрушевская так и не прибегнет, на всем протяжении повествования самоидентификацию будет сопровождать ирония, выраженная самыми разнообразными способами (просторечная лексика, переосмысление устойчивых сочетаний – *гулять налево*, эпитеты с семантикой безысходности – *бедный, преднамеренный*, разговорные конструкции – *я-то*).

2.5. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И КАТЕГОРИЯ «СВОЁ – ЧУЖОЕ»

Самоидентификация как маркирование идентичности тесно связана с категорией «своё – чужое», т. к. переживание идентичности как раз базируется на границах *своего* и *не своего* жизненного пространства.

Жизненное, или психологическое, пространство можно описать через систему семантических координат (смысловых конструктов) «своё – чужое», «моё – не моё», «близкое – далекое», «знакомое – незнакомое», «приятное – неприятное», «любимое – нелюбимое», поскольку «с помощью них даются описания элементов жизненного пространства в текстах» [Кондратова, 2008, с. 72]. Жизненное пространство личности создается «активностью субъекта, связанной с реализацией своих собственных стремлений, воспринимается им как «свой» и контролируемый им мир в противоположность «чужому» и неконтролируемому. Именно в этой части жизненного мира индивид преимущественно выступает как субъект самостоятельной активности, а не объект чьих-то влияний» [Там же, с. 70].

В науке уже выделены основные языковые коды маркирования «своего» и «чужого». Так, «чужое» ассоциируется с мёртвым (*отпетый мошенник, отпетый негодяй*) [Лотман, Успенский, 1982], «чужое» описывается как незнакомое, нерасчленённое, оно всегда отрицательно оценивается, «чужое» связано с обобщением, генерализацией [Пень-

ковский, 1989]. Н.Ю. Желтова, анализируя особенности эмигрантской прозы, пишет: «В рассказе И.А. Бунина «Поздний час» образ столицы Франции, как и у Газданова, прямо соотносится с темой кладбища, со смертью. <...> Париж в русской эмигрантской литературе преимущественно изображался в ночное время, которое в традиционной народной культуре всегда трактуется как враждебное человеку. <...> Образ Парижа в романе Газданова [«Ночные дороги». – М.Л.] почти лишён конкретных «узнаваемых» деталей, лишь названия улиц свидетельствуют о месте действия» [Желткова, 2012, с. 155].

Заслуживает внимания лингвистические исследования отдельных лексем, синтаксических конструкций, служащих средством выражения «своего» и «чужого». Например, Т.И. Стексова на материале публицистических текстов анализирует функционирование маркеров «чуждости» в русском языке: местоимения *всякий, какой-то*, особенно сопровождаемые частицей *там* (*всякие там, какие-то там*), наречие *где-нибудь* в конструкции с противопоставлением (*не где-нибудь, а ...*), метакомпонент *так называемый*. Автор приходит к важному выводу о том, что в речи «**чужое** необходимо маркировать, а **своё**, будучи определенным, четким, не требует дополнительной маркировки, так как имеет закрепленное наименование» [Стексова, 2004, с. 34].

Если объектом описания становятся собственно переживания говорящего, то специальными кодами маркирования «своего» и «чужого» являются лексемы восприятия: зрения, слуха, обоняния, касания. Ю.С. Степанов, говоря о признаках «своего – чужого», указывает, что «особую роль играет запах. Еще и в наше время в старинных домах или квартирах, где жили несколько поколений одной семьи, можно ощутить особый, «семейный», запах. Согласно древним представлениям европейских народов, каждый народ имеет «свой запах», «свой дух» [Степанов, 1997, с. 479].

Исследователи неоднократно указывали на неравномерную представленность различных модальностей восприятия в русской языковой картине мира, подчеркивая при этом приоритет зрительного канала в когнитивной системе. Так, Ю.Д. Апресян пишет, что подсистемы системы восприятия «упорядочиваются по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. С этой точки зрения главной подсистемой все исследователи считают зрение. За ней идет слух, а затем обоняние, вкус и осязание, хотя относительный порядок трех последних систем не столь очевиден и отчетлив,

как двух первых» [Апресян 1995, с. 363]. Аргументируется это положение прежде всего тем, «что наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая *зрительное* восприятие. За ней следует лексика *слуха*. *Обоняние, вкус и осязание*, по числу обслуживающих их лексем уступающие *слуху*, друг от друга отличаются не столь заметно» [Там же]. Другой аргумент связан с метафорикой сферы восприятия: «...именно зрительное и, в несколько меньшей степени, слуховое восприятие нуждается во все новых и новых выразительных средствах. Словарь именно этих систем обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и скорее всего изнашивается от постоянного употребления. Сказанное прямо связано и с антропоцентричностью языка: человек различает большее количество зрительных и слуховых образов (последнее, видимо, из-за устности языка), чем любое другое живое существо» [Там же, с. 364].

В отдельных случаях, однако, слуховое восприятие выходит на первый план. Например, Е.В. Урысон, анализируя отражение структур восприятия в русском языке, отмечает одну приоритетную позицию модальности слуха: «Неравномерная разработанность данного фрагмента языковой картины мира объясняется, прежде всего, различной степенью важности разных видов восприятия. Зрение и слух существенно важнее обоняния, осязания и вкуса – и соответствующие понятия разработаны в языке в гораздо большей степени. Правда, этому как будто противостоит одна деталь – представление о слухе как о невидимом органе почему-то развито в русском языке существенно лучше, нежели представление о зрении как органе. Но ведь зрение важнее слуха» [Урысон, 2003, с. 86]. Действительно, зрение важнее слуха, не существует даже специального слова, обозначающего объект действия *видеть*, ведь все видимое – это и есть окружающая действительность. Объект же действия *слышать*, то есть *слышимое*, конкретизируется лексемой *звук*. В то же время слух – это единственный актуальный «невидимый орган» (по Е.В. Урысон), его необходимость закреплена в профессиональной сфере, поскольку существует *музыкальный*, или *профессиональный слух* (ср. **профессиональное зрение*, **профессиональное обоняние*).

Материалом для исследования послужили фрагменты текстов о родителях и других близких людях в текстах-воспоминаниях, точнее говоря, самые первые фразы автобиографических текстов, в которых эти люди описываются. Сосредоточим внимание на факторе родственной, психологической близости говорящего субъекта – автора текста

воспоминаний о детстве – и предмета его описания (родителей, гувернеров, учителей, воспитателей, других родственников, знакомых). Установлено, что звуковые образы маркируют бóльшую степень близости, чем зрительные образы, другими словами, типично, если при описании родителей, близких людей используются языковые средства со значением восприятия звука (речи вообще, голоса, слов, речевых произведений – песен, стихов, сказок), и нетипична семантика восприятия зрением (внешность, одежда, какие-то детали интерьера, предметы). Рассмотрим примеры фрагментов, подтверждающих это правило (эти тексты были отнесены к зоне типичного), и отступления от него (зона нетипичного).

1. Зона типичного

Первый фрагмент – из краткого автобиографического очерка Анны Ахматовой – ярко демонстрирует приоритет слуховых образов над зрительными в описании близких людей. Автор прямо или косвенно представляет свое слуховое восприятие их речевых действий:

Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания – царкосельские: зеленое, сырое великоление парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царкосельскую оду».

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама (А. Ахматова. Коротко о себе).

В данном фрагменте высказывание «слушая, как учительница (французского) занималась со старшими детьми» относится к прямому указанию на слуховое восприятие уроков, а «эти вещи знала наизусть

моя мама» – к косвенному, поскольку можно только предположить исходя из здравого смысла, что мать демонстрировала знание стихов наизусть своим детям, то есть читала их *вслух*. Здесь даны потенциальные, предполагаемые читателем вербальные действия учительницы французского языка и матери: занятия иностранным языком предполагают ‘говорение’, ‘задавание вопросов’, ‘комментирование’ и др. (*учительница занималась со старшими детьми*), знание стихов актуализируется в их ‘чтении’ (*эти вещи знала наизусть моя мама*). Активность взрослых является фоном для самоописания А. Ахматовой: *слушая... я тоже начала говорить по-французски; первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет*.

Строго говоря, этот текст начинается со смеси образов восприятия²³: *мои первые воспоминания – царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал...* Здесь есть лексемы, актуализирующие зрительный рецептор (*зеленое великолепие парков, маленькие пестрые лошадки*), тактильный или обонятельный рецептор (*сырое великолепие парков*), слуховой рецептор (*скакали лошадки*), а также слова, репрезентирующие, с точки зрения когнитивной лингвистики, определенные фреймы (*выгон, ипподром, старый вокзал*), которые в силу своей целостности совмещают в себе признаки разных модальностей восприятия – и зрительного, и слухового, и обонятельного, и осязательного, и даже вкусового (на ипподроме или вокзале ребенку часто покупают леденец или мороженое). Признак ‘сырой’ в описании парков, на наш взгляд, совмещает тактильное и обонятельное в силу способности к синестетической метонимизации: *сырой* (‘влажный’) > *сырой* (‘запах, идущий от влажного’).

Итак, в описании близких людей приоритет слухового над зрительным прежде всего касается их активной речевой деятельности. Хотя в описании той среды, в которой прошло детство или юность ребенка, также явно вычленяются и другие модальности восприятия, в частности, тактильные, или обонятельные, или вкусовые.

Стоит отметить, что для А. Ахматовой вообще принципиален принцип звукового, голосового в акте воспоминания, см. ее запись из дневника от 24 декабря 1959: «Попытки писать воспоминания вызывают неожиданно глубокие пласты прошлого, память обостряется почти болезненно: голоса, звуки, запахи, люди, медный крест на сосне в Пав-

²³ На этот факт мое внимание обратила проф. И.М. Кобозева.

ловском парке и т. п., без конца. Вспомнила, например, что сказал Вяч. Иванов, когда я в первый раз читала у него стихи, а было это в 1910 году, то есть пятьдесят лет тому назад».

Сравним стратегию воспоминания А. Ахматовой со стратегией В. Набокова, реализующейся в автобиографическом романе «Другие берега», в котором, по образному выражению И.А. Мартыяновой, «нам открывается сущий рай зрительных²⁴ откровений» [Мартыянова, 2002, с. 109], причем эти зрительные образы не статичны, а динамичны, т.е. раскрываются в терминах кинематографа, произведение приравнивается к фильму [Там же, с. 120–131]:

*Я вижу пробуждение самосознания, как череду вспышек с уменьшающимися промежутками. Вспышки сливаются в цветные просветы, в географические формы. Я научился счету и слову почти одновременно, и открытие, что я – я, а мои родители – они, было непосредственно связано с понятием об отношении их возраста к моему. <...> Итак, лишь только добытая формула моего возраста, свежезеленая тройка на золотом фоне, встретила в солнечном течении тропы с родительскими цифрами, тенистыми тридцать три и двадцать семь, я испытал живительную встряску. При этом втором крещении, более действительном, чем первое (**совершенное при воплях полуутопленного полувиктора, – звонко, из-за двери, мать успела поправить нерасторопного протоиерея Константина Ветвеницкого**), я почувствовал себя погруженным в сияющую и подвижную среду, а именно в чистую стихию времени, которое я делил – как делишь, плещась, яркую морскую воду – с другими купающимися в ней существами. Тогда-то я вдруг понял, что двадцатисемилетнее, в чем-то бело-розовом и мягком, создание, владеющее моей левой рукой, – моя мать, а создание тридцатитрехлетнее, в бело-золотом и твердом, держащее меня за правую руку, – отец. Они шли, и между ними шел я... (В. Набоков. *Другие берега*).*

Фрагмент, который нас интересует в приведенном отрывке (**совершенное при воплях полуутопленного полувиктора, – звонко, из-за двери, мать успела поправить нерасторопного протоиерея Константина Ветвеницкого**), помещен в скобки. Хотя эта информация по определению является попутной, пунктирной, необязательной и, главное, почти мистической (возникает вопрос: откуда это знает автор, ведь он был младенцем в момент крещения?), она предельно значима. Во вставной

²⁴ Сам В. Набоков называет себя в «Других берегах» «синестэтом».

конструкции концентрируются именно звуковые впечатления, отражающие близость ребенка и матери. В этой лаконичной вставке даны голосовые/речевые действия младенца, адекватные и ситуации, и его уровню развития – *вопли*, его неверное, но наполовину закрепленное силой произнесенного слова протоиерея «полуимья» – *полувиктор*, следующие характеристики речи матери – высота (*звонко*), быстрота ответной реакции (*успела*) и цель (*поправить*).

Любопытно, что даже в прозе, максимально зависимой от зрительных впечатлений, может быть отражен принцип взаимосвязи звукового и родственного.

2. Зона отступления от правила

Однако, как мы уже говорили выше, есть и другие примеры дискурсов, где отмеченная особенность не проявляется. Галина Вишневская в автобиографии вспоминает один эпизод из раннего детства:

*Яркий солнечный день... Я бегу по зеленому изумрудному лугу – мне неполных четыре года – и с размаха вслед за мальчишками прыгаю с крутого берега в речку... В памяти навсегда остался мутно-зеленый цвет воды, я стою на дне, сжимая и разжимая ладошки вытянутых на поверхность рук – вероятно, чтобы ухватиться за что-то... Мои руки и увидели с берега взрослые и вытащили меня. Я, наверное, не успела испугаться, но помню, что **отлупила** меня **мать** как следует. <...> Это лето – 1930 года – я живу с матерью и отцом «на даче», в небольшой деревне. Взяли меня от бабушки – погостить. Я не помню своей привязанности к родителям – они всегда были мне чужими. Возможно, оттого, что с самого младенчества – шести недель – меня взяла на воспитание бабушка и все мое детство я **слышала** обращенное ко мне жалостливое **слово** «сиротка». Моя мать – наполовину цыганка, наполовину полька: мать ее была цыганкой, но я никогда не знала деда и бабушку с материнской стороны – они умерли еще до моего рождения. Когда мой отец впервые **увидел** свою будущую жену, ему было лишь 20 лет, ей же не исполнилось и восемнадцати. <...> **Мать была очень красива** – среднего роста, черноглазая блондинка, с длинными, стройными ногами. Помню ее **поразительно красивые руки**. **Но я всегда восхищалась ею как бы со стороны**, она никогда не была «моей» (Г. Вишневская. Галина. История жизни).*

Автор, рассказывая самую первую историю о своей жизни, которую он помнит, определяет дистанцию между собой и бабушкой, матерью, отцом. Бабушка – близко: все детство ребенок *слышит* обращенное к нему жалостливое слово «сиротка». Мать – далеко, читатель

видит ее глазами дочери (*мать была очень красива – среднего роста, черноглазая блондинка, с длинными, стройными ногами...*). Отец связан с дочерью весьма опосредованно, но тоже через идею взгляда: он «увидел свою будущую жену». Мать является производителем деструктивного действия, воспринимаемого тактильно (*отлупила*), а также – совместно с отцом – аномального для социума действия взять к себе погостить (своего ребенка). Автором эксплицируется факт отчужденности от родителей (*Я не помню своей привязанности к родителям – они всегда были мне чужими*).

В следующем фрагменте – из автобиографического романа Н. Берберовой – также представлены самые ранние впечатления и также автор объясняет причины своей отчужденности от семьи, от родового «гнезда»:

Когда я вспоминаю себя в раннем детстве (я помню себя без малого трех лет), я вижу людей-великанов и огромные предметы, деформированные потому, что я смотрю на них снизу, как существо очень маленьких размеров. Высоко надо мной я вижу ветку яблони (на самом деле взрослому человеку она доходит до пояса). Я не могу ее схватить, становлюсь на цыпочки и протягиваю к ней руки. Я вижу громадный розовый дом, который на самом деле был одним из тех «домов с мезонином», о которых писал Чехов. <...> Я вижу где-то под самым небом окно, и кто-то кивает мне и манит меня, весь белый и немного страшный, это протирают стекла, намотав на швабру белую тряпку. <...> ...Живя в гнезде, я еще не понимала, конечно, всего того, что это понятие несет с собой, но как в жесте руки, положенной на плечо, я увидела больше, чем жест, так и в гнезде я видела символ. Никогда в течение всей моей жизни я не могла освободиться от этого и до сих пор думаю, что даже муравьиная куча лучше гнезда, что в муравьиной куче можно жить более вольно, чем в гнезде, что там меньше тебя греют твои ближние (это грение мне особенно отвратительно), что в куче, среди ста тысяч (или миллиона) ты свободнее, чем в гнезде, где все сидят кружком и смотрят друг на друга, ожидая, когда наконец ученые выдумают способ читать мысли другого человека. Это не значит, что всякая семья есть для меня гнездо; бывают исключения, и даже постепенно их становится все больше. Но психология гнезда мне омерзительна... (Н. Берберова. Курсив мой).

Доминирование зрительных образов в характеристике мира семьи автора романа не вызывает сомнений. Однако, если для детского

возраста вполне естественно смотреть на мир взрослых «снизу вверх» (я вижу людей-великанов и огромные предметы, деформированные потому, что я смотрю на них снизу, как существо очень маленьких размеров), то описание семьи как гнезда, «где все сидят кружком и смотрят друг на друга, ожидая, когда наконец ученые выдумают способ читать мысли другого человека», является, по меньшей мере, очень странным.

Анализ данных фрагментов, как зоны типичного, так и зоны нетипичного, позволяет по-новому посмотреть на метафоро-фразеологический фонд русского языка: отдельные фразеологические единицы и вторичные значения лексем, а также сочетаемостные ограничения лексем поддерживают выявленные в ходе контекстуального анализа смыслы.

Так, действие **смотреть/присмотреть** обычно приписывается взрослым по отношению к детям: смотреть за детьми, присмотреть за детьми (**смотреть, присмотреть за взрослыми*). Действие же **слушать/слушаться/прислушиваться** закреплено за детьми по отношению к родителям: слушать(ся) родителей, ср. почти аномально *слушать детей, *прислушиваться к детям.

Зрительные образы – маркер *нового, чужого*, встречи с неизвестным вследствие опасности, возможности лживой информации: *встречают по одежке, провожают по уму; присмотреться* (**прислушаться*) *к новому человеку; я его в глаза не видел* (=не знаю хорошо); *лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; не верь ушам, а верь глазам; не верь чужим речам, а верь своим очам; гляжёное лучше хвалёного*, но: *невесту выбирай не глазами, а ушами* (=послушай, что о ней говорят); *чужая душа – потемки; чужая душа – не вода в ковше, сразу не разглядишь; чужая душа – изба без окон; чужая душа – темный (дремучий) лес; на лбу у него не написано; за погляд деньги не платят*. Ср. *свой свояка видит издалека* (т. е. не нужно это затрудненное направленное действие).

Обращает на себя внимание инструментальный, агрессивный характер взгляда: *мерить взглядом, обливать взглядом, окатить ледяным взглядом, поглощать взглядом, поглядеть худым взглядом, полоснуть взглядом, дурной сглаз*.

Слуховые образы в метафоро-фразеологическом фонде русского языка выражают идею близости, понимания или правды: *он меня услышал* (=понял); *говорить на разных языках* (о непонимании); *у стен уши есть* (того, кто может выболтать секреты, так предупреждают); *в бревнах сучки есть* (сучки похожи на уши); *слушай, дубрава, что лес*

говорит; правду о себе можно только подслушать. Ухо более чувствительно ко лжи, чем глаз: *от вранья – уши вянут*. В русском языке существует масса обращенных к неслухам поговорок, которые призваны активизировать аудиальное восприятие: *слышал краем уха; слушать одним ухом; слушать вполуха; в одно ухо влетело, в другое вылетело; и ухом не ведет; держи ухо остро; за ушко да на солнышко; чурбан с ушами; глухая тетеря; ты что, оглох? уши тебе заложило? русским языком тебе говорю! слушай ухом, а не брюхом; глухим две обедни не служат; слышал звон, да не знает, где он; мимо ушей пропускать; в одно ухо влетело, в другое вылетело; бьют по ушам* (нашкодившего).

Тема *правды*, отраженная в слуховых образах фразеологизмов русского языка, ассоциативно связана с темой *права* и свободы и, шире, с личностью и целостной идентичностью человека. **Голос** в русской языковой картине мира приравнивается к правам и свободам человека: переносные значения этого слова 'мнение, высказывание' и 'право заявлять свое мнение при решении государственных вопросов' функционируют в таких выражениях, как *с чужого голоса петь* (говорить), *подать голос, голос протеста, право голоса, решающий голос*. *Потерять голос* можно не только буквально, вследствие болезни голосовых связок, но и образно:

А как потерять себя и свой голос? Что нужно для этого делать? Наверное, нужно больше молчать, ни с кем не спорить, подстраиваться под всех, а еще можно заняться подражанием или кивать как болванчик. Начать заикаться, трястись, бояться всех на свете. Можно отдаться во власть своего ко-терапевта или клиента. И тогда, наконец, появляется вопрос: А где же я? (Н. Дерюгина. Как не потерять себя и свой голос на фоне других).

Этот фрагмент актуализирует помечаемое в словарях как устаревшее значение слова *голос* 'иметь вес, влияние, власть': *Это человек без голоса, ничтожный, бессильный, или шаткий, несамостоятельный* (пример В.И. Даля в «Словаре живого великорусского языка»); *Я в Петербурге имею несколько добрых людей, которые помогут мне, и людей с голосом и весом* (Вяземский. Письмо А. Тургеневу, 22 марта 1815 г.) (пример из «Фразеологического словаря русского литературного языка», подготовленного А.И. Федоровым). Интересно, что один из вариантов формулы самопредставления по имени или имени/фамилии отражает идею звучания, подчеркивает важность *слышимого* имени: *Меня зовут Дима*, в других языках – исп. *Me llamo el Dima*, нем. *Mich*

rufen Dima, фр. *M'appellent Dima*; ср. Я Дима, Мое имя – Дмитрий, англ. *My name is Dima*, ит. *Il mio nome è Dima*, болг. *Името ми е Дима*.

Итак, несмотря на то что зрение – самая важная способность человека, в русской языковой картине мира наиболее разработана система зрительного восприятия, у детей не возникает потребности описывать внешность своих родителей, ведь они их прекрасно знают, помнят, порой даже не приглядываются к ним. У детей есть необходимость прислушиваться к родителям, слушаться – это культурно-видовая ценность воспитания, через речь детям передаются наставления. Масса русских идиом и пословиц передает идею по-слушания *своих* и смотрения на *чужих*.

Проанализированные стереотипы восприятия в детстве психологически близких и далеких людей неосознанно формируют и структуры дискурсов, в частности, таких как автобиографический текст и дневник, авторы которых описывают и вспоминают прежде всего *что* и *как* им *говорили* в их детстве взрослые. Таким образом, можно говорить о специфической нарративной стратегии автобиографического текста в аспекте модусов восприятия. Идеи И.Ю. Колесова, реализованные на материале языковых средств зрительного восприятия, полностью приложимы к стратегиям фиксации слухового опыта нарратора: «Для усвоения перцептивного опыта требуется интерпретация увиденного в мышлении человека, и осмысление воспринятого может формировать визуальное восприятие, поскольку психика в целом детерминирована культурой, влияющей на психический мир человека. В языке данное свойство восприятия выражено в приемах построения и развертывания коммуникации (текста), с помощью которых передается содержание поля зрения говорящего субъекта (или процесс его мысленной визуализации чего-либо), и в результате формируется специфическая нарративная стратегия – «литературная перцептивность» [Колесов, 2009, с. 11]. Отступления же от выдвинутого нами правила могут стать диагностическим инструментом неблагополучия, отчужденности, дистанции в детско-родительских взаимоотношениях.

ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВЫЕ РЕСУРСЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

3.1. ВЫРАЖЕНИЕ И ОПИСАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОВОРЯЩИМ СУБЪЕКТОМ

...язык выполняет роль спасительной ширмы: она закрывает, чтобы спровоцировать обнажение. Язык, позволяя фиксировать одновременно и процесс, и результат, возлагая на контекст – смысловую систему – выполнение невидимой, но самой важной работы – выяснение, *кто есть кто* или *что есть что* в этом перегруженном реальными и нереальными индивидами мире, позволяет поддерживать коммуникацию, найти общий язык или хотя бы сохранить иллюзию коммуникации, нахождения общего языка между индивидами.

Р. Павиленис. Смысл и идентичность, или Путь к себе

В изучении вербального аспекта идентичности нельзя игнорировать когнитивный способ ее отражения/конструирования – выражение или описание. Поскольку в лингвистике эти понятия (и особенно категория описания идентичности) не являются общепринятыми, необходимо остановиться на их рассмотрении.

Отправным пунктом наших размышлений стало убеждение в том, что в изучении идентичности/самоидентификации в лингвистическом аспекте можно следовать сложившейся в языкознании традиции анализа отражаемых, фиксируемых в языке экстралингвистических сущностей, категорий внутреннего (психологического) мира человека. Известно, что, например, лингвисты не сразу признали категорию эмотивности языковых единиц. В.И. Шаховский пишет об этом так: «Лингвистика эмоций своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов <...> о том, должна ли лингвистика зани-

маться эмоциональными составляющими. Долгое время ученые расхо-
дились в решении этого вопроса. Часть из них считала, что доминантой
в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изу-
чение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бю-
лер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, ван Гиннекен,
М. Бреаль) выражение эмоций считали центральной функцией языка»
[Шаховский, 2007, с. 8]. И далее: «Эмотиология далеко ушла от того по-
ложения дел, когда были актуальны заявления, подобные следующим:
«эмоциональной лексики в языке нет» (Е.М. Галкина-Федорук), «эмо-
ции не входят в структуру языка» (В.А. Звегинцев) и т. п. Теперь бес-
спорны утверждения иного типа: «в языке все эмоционально» (Ш. Бал-
ли), «все высказывания эмоциональны» (В.Г. Гак), «вся лексика языка /
речи эмоциональна» (Е.Ю. Мягкова и др.)» [Там же]. Следующим шагом
в лингвистике стало разграничение языка описания эмоционального
состояния и язык выражения эмоций, то есть лексики эмоций и эмоци-
ональной лексики (Е.М. Галкина-Федорук, Н.А. Лукьянова, Л.Г. Бабен-
ко, Е.М. Вольф, Л.А. Пиотровская и др.). Очевидно, что описание и вы-
ражение эмоций связано с разными функциями языка/речи: описание
эмоционального состояния выполняет номинативную (репрезентатив-
ную) функцию, а выражение эмоций – эмотивную (экспрессивную).
Многими учеными выделяются два основных способа способы пред-
ставления эмоций: 1) выражение эмоций, в процессе которого участву-
ют самые разнообразные вербальные, паравербальные и невербальные
средства – междометия, эмоционально-оценочная лексика, особые
интонационные конструкции, паузы, порядок слов, мимика, жесты и
т. д.; 2) описание эмоций, базирующееся на номинативной лексике, т.е.
словах, предметно-логическое значение которых составляют понятия
об эмоциях. Категоризация эмоций в лингвистике представлена также
и как трехчленная система: называние, выражение, описание [Шахов-
ский, 1987] или выражение, описание и отражение [Пиотровская, 2005].

Изучение категории оценки в лингвистике (Ю.Д. Апресян,
Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, Ш. Балли, Е.Ю. Булыгина, Л.М. Ва-
сильев, В.В. Виноградов, Е.М. Вольф, М.В. Никитин, Н.А. Лукьянова,
О.А. Новоселова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Т.А. Трипольская и др.)
также вторично по отношению к психологическому и логико-фило-
софскому исследованию указанной ментальной операции. В настоя-
щее время общепринятым в лингвистике является выделение раци-
ональной (интеллектуально-логической) и эмоциональной оценки,

а также некоторых промежуточных, слитых случаев (эмоционально-интеллектуальная оценка).

Трудно не согласиться с Ш. Балли в том, что «в языке нет двух строго отграниченных друг от друга систем: системы логических и системы аффективных значений. Их разделение – это всего лишь необходимая абстракция... Она не более искусственна, чем устанавливаемое в психологии различие между рассудочными и эмоциональными актами мысли, которые в действительности отдельно не существуют» [Балли, 1961, с. 23]. Тем не менее, в языке четко отражены полюсы речемыслительного процесса: с одной стороны, существуют рассудочные, рационально-логические вербальные акты (лексемы описания эмоционального состояния – стыдно, весело; логической оценки – хорошо/плохо), с другой стороны, существуют акты аффективного, более произвольного выражения эмоций и оценок (междометия – *эх! ого!*; эмоционально-оценочная лексика – *кляча, балбес*). Логично будет предположить, что к категории идентичности как категории внутреннего мира человека также можно применить разграничение понятий её описания и выражения говорящим субъектом.

Анализируя социальный аспект языка, В.И. Карасик также разграничивает выражение и описание статусных отношений в языке: «Слова со значением социального статуса человека либо выражают, либо описывают статусные отношения» [Карасик, 2002, с. 204].

Выделение разных способов означивания идентичности говорящего субъекта проводится нами по аналогии с дифференциацией выражения эмоций, оценок и социального статуса в языке. Логично будет предположить, что к категории идентичности как категории внутреннего мира человека можно применить разграничение понятий её описания и выражения говорящим субъектом (см. рис. 2 на вклейке).

3.1.1. Самоидентификация как выражение идентичности говорящего

Вербальное выражение идентичности – это такой процесс передачи принадлежности говорящего субъекта к определенной общности людей, в котором рефлексивный (номинативный) компонент очень слабо проявлен. Специфика выражения заключается в том, что вербальные его средства (словарь, грамматика, орфоэпия) используются наряду с невербальными (мимика, жесты, позы, одежда и др. семиотические знаки) и паравербальными (просодия, высота голоса и др.).

Изучению выражения идентичности посвящено достаточно большое количество работ, среди которых можно выделить два направления: 1) изучение языковой самоидентификации как выражения этничности; 2) изучение речевого «портретирования».

Язык как маркер этнической идентичности. Данный вопрос поднимают специалисты по контактной лингвистике, изучающие специфику освоения языка билингвами и полилингвами: «Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в «отстаивании». <...> Но вряд ли стоит сомневаться, что именно в ситуациях языкового контакта люди лучше всего осознают отличительные особенности своего языка по сравнению с другими и именно в этих ситуациях чистый или стандартизованный язык легче всего становится символом единства группы» [Вайнрайх, 1972, с. 57–58]. Рано или поздно перед билингвами (полилингвами) встает вопрос о том, какой язык они считают *родным, основным, более освоенным*. Довольно часто это становится попутным ответом на вопрос о национально-культурной принадлежности у носителя двух и более языков.

Считается, что самым существенным маркером этнической идентичности является язык, на котором субъект производит речевые акты (причем не только внешней, но и внутренней речи), поскольку, «как правило, каждый человек идентифицирует себя с конкретным этносом», и «незнание языка может служить признаком отчуждения от этноса» [Маркова, 2010, с. 239]. Изучению вопроса соотношения лингвистической и этнической идентичностей посвящено немало исследований (см., например, их обзор в работе Е.А. Марковой).

Для понимания указанной проблематики можно обратиться к статье Г.В. Быковой с характерным названием «Язык – главное условие этнической самоидентификации», в которой доказывается следующий тезис: «Любой язык всегда способен выразить культуру народа, говорящего на нем. Если изменяется культура, то одновременно модифицируется язык, если погибает культура, то и язык, как правило, становится миноритарным и маргинальным» [Быкова, 2007, с. 293]. Думается, что именно поэтому, как пишет другой исследователь, «приобщенность к важнейшему признаку этнической культуры – национальному языку как хранителю и ретранслятору духовных ценностей,

выражающих менталитет и характер народа, национальные чувства, – углубляет у его носителей ощущение принадлежности к данному этносу, формирует национальное самосознание» [Шахбанова, 2010, с. 290].

Итак, само использование национального языка выражает и закрепляет ощущение принадлежности говорящего к определенной нации/этносу.

Речевое «портретирование». Не новым для отечественной лингвистики является изучение процессов *индикации* какого-либо социального статуса говорящего субъекта, речи как социального индикатора, то есть речевое «портретирование». Л.П. Крысин называет первые работы в области изучения речевого портрета группы носителей языка, которые были основаны на методологии диалектологических исследований: «В середине и особенно во второй половине XX века методы диалектологического описания активно переносятся с сельских диалектов на городскую речь; в этой связи нельзя не вспомнить пионерские работы Б.А. Ларина, в известном смысле содержавшие программу изучения языка города. В США первые социолингвистические обследования, проводившиеся в городах, осуществлялись в тесном сотрудничестве с диалектологами (таковы, например, работы У. Лабова, Р. Мак-Дэвид, Дж. Гамперца, Л. Левина и К. Крокет, Р. Фэйсолда и др.)» [Крысин, 2001, с. 90]. И далее: «По всей видимости, непосредственным толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х годов XX века Михаилом Викторовичем Пановым и блестяще воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII–XX вв.» [Там же, с. 91].

К данному направлению относятся также работы Ю.Н. Караулова [1987 и др.], актуализировавшего в науке термин *языковая личность*, Т.М. Николаевой [1991], введшей термин *социолингвистический портрет*, Л.П. Крысина [1976, 2001 и др.], поднявшего вопрос *социального аспекта* владения языком и введшего термин *социально-речевой портрет*, К.Ф. Седова [2008], выстраивающего теоретическую *модель психолингвоперсонологии*, Н.Д. Голева и др. [Лингвоперсонология..., 2006], Е.В. Иванцовой [2002, 2010] и др. о *лингвоперсонологическом подходе* к речевому поведению, В.И. Карасика [2002, 2005 и др.] о *языке социального статуса и лингвокультурных типажах* и др. Важно обратить внимание на то, что маркирование принадлежности к определенной группе может осуществляться на любом языковом уровне, даже на уровне просодии [Савинова, 2010].

Выражение идентичности затрагивает все сферы человеческой коммуникации, проявляется в самых разнообразных типах и видах дискурса. Например, способам языкового выражения самоидентификации (в нашем понимании – идентичности) в чат-коммуникации посвящена статья З.И. Резановой, Н.А. Мишанкиной [2004].

Однако, если вопрос о выражении идентичности, вербальной самоидентификации, не затрагивающей рефлексивные процессы говорящего, сегодня уже не вызывает споров, то категория «описание идентичности» является спорной и мало разработанной областью исследования. Перейдем к его рассмотрению.

3.1.2. Самоидентификация как описание идентичности говорящего

Самоидентификация как описание идентичности говорящего субъекта – это рефлексивный процесс и номинативная стратегия причисления говорящим к группе, категории людей, какой-либо психологической общности, при котором, во-первых, используются лексемы со значением номинации, т. н. соционимы, во-вторых, другие средства указания на эту общность, близость (местоимения *МЫ, НАШ/ОНИ*, прилагательные *родной, свой, близкий/чужой, далекий*; устойчивые сочетания слов, пословицы и поговорки (*в своей тарелке; рыбак рыбака видит издалека*), эмоционально-оценочная лексика и др.). Номинативная лексика не исключается из нашего поля зрения в связи с ее особой ролью в создании самоидентификационного дискурса:

1) лексемы со значением принадлежности к группе/категории в дискурсе являются своеобразными *маячками*, на которые ориентируется слушающий в ходе рецепции ситуации. Идентификация адресантом адресата, понимание того, «кто ему говорит нечто», влияет на характер восприятия и усвоения информации. Даже если в дискурсе указанные лексемы-номинативы отсутствуют²⁵, слушающий в любом случае старается их восстановить как протознак;

2) употребление соционимов в тексте, конечно, не носит исключительно формального характера – это не просто некие ярлычки, которые «навешиваются» на образ говорящего. За каждым словом стоит «целая лингвокультура», каждое такое слово – свернутый лингвокультурный текст» (С.И. Гарагуля);

²⁵ В этом смысле интересно отметить разные стратегии говорящих: кто-то редко употребляет данные обозначения в своей речи, кто-то это делает регулярно и в разных ситуациях.

3) самообозначение в дискурсе часто сопровождается собственно выражением идентичности. Л.В. Енина приводит такой пример в самоидентификационном дискурсе радиожурналиста: «В некоторых случаях журналисты, намеренно используя профессионализмы, сопровождают употреблением **рефлексивом**, что только подчеркивает осуществляемую самоидентификацию: *Там более 2 тысяч делегатов. Вы уже сказали, что ничего «жареного», выражаясь журналистским языком, там не будет...*» [Енина, 2010_а, с. 82].

Самоидентификация как описание принадлежности к группе, категории теснейшим образом связана с коммуникативной стратегией самопрезентации, однако не равна ей полностью. Самопрезентация и как коммуникативная стратегия, и как само-представление может включать акты прямого или косвенного описания идентичности, то есть причисления себя к какой-либо группе, категории лиц. Однако данное причисление себя к группе, отождествление себя с ней может происходить не только в ситуации знакомства, представления и не только с целью управления впечатлением о себе у адресата. У самоидентификации существует свой спектр функций и задач – это и процесс поиска, конструирования идентичности, и маркирование своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях ее сохранения (подробнее см. в [Лаппо, 2013]).

Самоидентификация как описание идентичности говорящего представлена следующими способами: 1) прямое описание; 2) косвенное описание; 3) скрытое (имплицитное) описание.

Прямое описание. Лингвистический анализ номинативной стратегии причисления к группе включает как лексический, так и грамматический компонент. Анализ языковых моделей описания идентичности был намечен нами в статье «Лексические средства описания идентичности»: «В центре словаря идентичности находится собственно номинативная лексика, отвечающая за объективную категоризацию человеческого сообщества: *мать, отец, женщина, мужчина, девочка, мальчик, врач, учитель, продавец, русский, украинец, казах, православный, мусульманин, атеист, сибиряк, волжанин*. Примыкают к данному словарю лексемы, в значении которых соединяются семантика социальной категоризации (денотативные компоненты лексического значения слова) и эмотивно-оценочная семантика (коннотативные компоненты): *матушка, батюшка, баба, мужик, девчоночка, мальчонка, врачиха, учительша* и т. д.» [Лаппо, 2011, с. 22]. При этом важно пом-

нить, что в реальном дискурсе могут актуализироваться те или иные коннотации номинативов. О грамматических аспектах описания идентичности см. в параграфе 3.4.

Прямое описание идентичности – это использование «самоидентификационной формулы»: местоимение 1 лица ед. или мн. числа (Pron₁) + нулевая или материально выраженная связка (cop) + таксономический (классифицирующий) предикат, выраженный именем существительным в форме им. или тв. падежа (N_{1/5}). При этом пропозиция может быть развернутой или свернутой. Языковая семантика такого речевого акте соответствует его иллокутивной силе.

Описание идентичности может быть не только прямым – в вербальном акте суждения о своей идентичности, но и **косвенным**. Е.Н. Катанова приводит пример косвенной самоидентификации: «Косвенная самоидентификация преобладает при активизации сведений о национальной идентичности членов парламента. При косвенной самоидентификации обозначаемая адресантом роль или характеристика представляется адресату достаточно неопределенной. Ms. Jackson-Lee: *We are in fact a mosaic, not necessarily a melting pot, and we have many months to be able to honor so many different groups*» [Катанова, 2009, с. 12]. Этот пример можно отнести к метафорической разновидности косвенного описания идентичности («мы – фактически мозаика»).

В дискурсе самоидентификации косвенная форма – довольно распространенное явление, поскольку в культуре существуют определенные ограничения в актах самоидентификации, а «косвенная форма осуществления, как правило, повышает этикетность коммуникативного акта, так как один из главных принципов вежливости состоит в предоставлении адресату большей степени свободы реагирования» [Кобозева, 2003, с. 106]. Для анализа понятия косвенного способа обратимся к определениям косвенного речевого акта: «...В косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие особенности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [Серль, 1986, с. 197]; это высказывания, «в которых наблюдаются хотя бы малейшие расхождения между формой и иллокутивной функцией» [Поспелова, 1988, с. 144]; это «типы высказываний, буквальный смысл которых не совпадает с их действительным смыслом» [Кобозева, Лауфер, 1988, с. 462].

При использовании косвенного описания идентичности акт самоидентификации не выражен явно. Либо имеет место переносное использование элементов «самоидентификационной формулы» (при эксплицитном косвенном описании идентичности), либо «самоидентификационная формула» является результатом выводного знания, т. е. она достраивается адресатом самостоятельно, на основе имеющихся у него знаний о мире (при имплицитном косвенном описании идентичности). Косвенные способы вербализации идентичности нуждаются в специальном рассмотрении, так как существуют различные пути такого описания – эксплицитные и имплицитные (скрытые).

Косвенное эксплицитное описание. Эксплицитные косвенные формы представляют собою конвенциональные способы передачи коммуникативного намерения говорящего. Имеет место переносное использование элементов «самоидентификационной формулы» – либо местоимения, либо таксономического предиката. При расшифровке смысла такого высказывания адресат преимущественно опирается на языковые знания, а именно на знание того, что единицы языка способны использоваться в переносных значениях.

Так, например, к грамматическому уровню косвенного описания можно отнести прием отстранения, выраженный моделью «о себе в третьем лице», который является своеобразной грамматической модификацией «самоидентификационной формулы». Такой прием позволяет создать эффект объективности в самоописаниях, избежать назойливости «яканья», например:

1) *Встретившись с Кристиной, мы мгновенно сблизились. Это почти невероятно: ровесницы, воспитанные в разных культурах, одна – потомок немецкого генерала, **вторая – потомок еврея-кантониста** – мы мгновенно нашли точки соприкосновения, и хотя наше общение идет на английском языке, чужом для обеих, наше взаимопонимание с годами углубляется* (Л. Улицкая. Священный мусор).

2) *После выступления Маяковский, вдохновленный, спустился с эстрады, вытирая лоб большим платком.*

*– Вот это аудитория! Для них надо писать! – сказал он **трем молодым поэтам**. Одной из них была я* (А. Барто. Записки детского поэта).

Переносное использование таксономического предиката в «самоидентификационной формуле» часто функционирует в виде метафоры, языковой игры²⁶, самоиронии:

²⁶ См. примеры в разделе «Самоидентификация и языковая игра».

Кто я? Я никто. Я так, рядовой служащий (разговорная речь, начальник организации о себе в конфликтной ситуации).

Косвенное имплицитное описание. Крайним проявлением косвенности описания может быть скрытое описание идентичности. Имплицитные косвенные формы представляют собою неконвенциональные способы передачи коммуникативного намерения говорящего [Поспелова, 1988]. Адресат высказывания при расшифровке смысла опирается преимущественно на неязыковые знания и на знание коммуникативных максим и как бы воспроизводит «самоидентификационную формулу» за говорящего.

Приведем пример такой самоидентификации национальной принадлежности, где распознавание смысла высказывания будет опираться на пресуппозицию²⁷ о роли фашистской Германии в судьбе еврейского народа:

Мне важно было уехать из Советского Союза и приехать в Израиль. Я тогда уже могла совершенно спокойно оказаться в Америке. Но для меня это было исключено: мне не очень нравится эта страна. Германия тем паче для меня была исключена всегда по обстоятельствам семейным (Дина Рубина в телепередаче «На ночь глядя», 14.08.12).

Скрытое описание может быть выявлено не только на основании пресуппозитивной информации, но и на основании информации, сформированной в ходе чтения текста с присущими ему ретроспективными и проспективными связями. Например, мы можем увидеть скрытую самоидентификацию Л. Улицкой как биолога в следующем фрагменте:

Не может сегодня человек рисовать дух святой в виде голубя – собственной невинности не хватает, да и про голубей биологи знают, что это одна из самых агрессивных птиц (Л. Улицкая. Священный мусор).

Такое специфическое свойство текста, как когерентность, ответственное за наличие внутритекстовых связей в сознании читателя, позволяет увидеть скрытый смысл «я тоже биолог, я тоже это знаю».

²⁷ Пресуппозиция – это «компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически anomальное или неуместное в данном контексте» [Падучева, 1990, с. 396]. «Пресуппозиции – это подразумеваемые основания коммуникативной практики, это знания о действительности, обеспечивающие общность миропонимания между участниками общения» [Карасик, 2013, с. 215].

Заметим, что определить скрытый смысл в подобных случаях помогают прямые автономинации. В автобиографической книге «Священный мусор» Л. Улицкая неоднократно возвращается к теме своего образования, первой специальности биолога и генетика как в рамках становления писательского дела, так и всего жизненного пути, например:

Догнать Любу я и не пыталась: она поступила учиться на модельера, я – на биолога. Ей карьера художника по костюмам удалась, моя биологическая – провалилась. <...> Люба говорила об эволюции понятий «мужского» и «женского» в современном мире, я же, как бывший биолог, постоянно примеряла эти идеи к теме более широкой – к эволюции человека как вида, к той интенсивности эволюционных процессов, которые происходят с не замечающим этого человечеством.

3.2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

3.2.1. Основные тематические группы соционимов

Значительным вкладом в изучении данного вопроса является опыт существующих тематических, идеографических словарей, а именно «Русского семантического словаря» под общ. ред. Н.Ю. Шведовой [2002] и «Большого толкового словаря русских существительных» под общ. ред. Л.Г. Бабенко [2005].

В «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой представлено подмножество «Лицо, человек», достаточно большая часть которого составляет основу словаря идентичности. Имеется в виду та часть подмножества, которая относит лицо к какой-либо группе/классу людей, например, названия лиц по отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, к местонахождению; названия лиц по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, отношениям и др. В то же время в «Русском семантическом словаре» к названиям лиц относятся не только интересующая нас лексика, но и огромные пласты эмоционально-оценочной лексики, например: *мамаша, маменька, мамка, матушка, папаня, папаша, папенька, борзописец, бумагомаратель, писака, рифмоплет, щелкопёр*, – а также существительные, называющие человека в соответствии с определенными чертами характера, свойствами личности, его поведения: *грубиян, балагур, дар-*

моед, гуляка, бабник, донжуан, повеса, расточитель, лежебока, весельчак, домосед, егоза, бука, эрудит, умник и под.

В «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко также можно найти группы слов, использующихся в самоидентификации/идентификации: существительные, обозначающие периоды жизни человека (*ребенок, старик*); родственные и семейные отношения (*мать, отец, сын*); существительные, обозначающие человека по отношению к религии (*католик, мусульманин*); существительные, обозначающие человека, живущего где-либо (*горец, горожанин*); существительные, обозначающие человека по отношению к еде (*вегетарианец*) и т. д. Но целью этого словаря не являлось представление собственно названий лиц: «В данном словаре осуществлена попытка формирования его структуры на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности. Всего нами выявлена и описана 41 денотативная сфера. Отсчет этих сфер мы начали со сферы «Живое существо», располагая последовательно те сферы, которые изначально тесно связаны с ней: «Растения», «Неживая природа», «Родственные и семейные отношения», «Нации». Затем следуют денотативные сферы «Интеллект», «Эмоции», «Оценка», связанные с осознанием человеком себя как высокоразвитой личности» [2005, с. 17]. И во всех названных сферах существительные с семантикой идентичности, свойств личности и эмотивно-оценочная лексика могут быть не дифференцированы и представлены в разных соотношениях.

Следовательно, важнейшую свою задачу мы видим в том, чтобы разработать критерии отбора лексики, используемой в описании идентичности носителями русского языка. Намечаются два основных подхода к вычленению лексики идентичности: 1) сопоставление научной и наивной картин мира, что позволяет выделить основные, явные уровни идентичности; 2) собственно лингвистический, сосредоточивающий свое внимание на определенных языковых приметах лексики идентичности.

Идентичность в научной и наивной картинах мира. Сложное отношение между языком и мышлением в лингвистике описывается как отношение между двумя картинами мира – научной (концептуальной) и наивной (языковой). Языковая картина мира отражает знаками соответствующие участки концептуальной картины мира, концептуальная картина мира априори богаче языковой, так как в ее создании

участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные [Серебренников и др., 1988, с. 6–9]. В психологии, социологии, культурологии рассматриваются половая, сексуальная, гендерная, этническая, национальная, религиозная, возрастная, профессиональная, социокультурная, гражданская, социальная, культурная идентичности. Возможно рассмотрение идентичности как иерархических отношений, например, внутри профессиональной группы существует указание на принадлежность к направлению, течению, школе.

Представляется, что можно выделить явные и неявные, перво-степенные и второстепенные, ключевые и дополнительные идентичности. Так, определение человеком себя по национальности и профессии является наиболее важным процессом, чем, скажем, по группе крови (хотя в определенной ситуации именно это может выйти на первый план, а все остальное оказаться совершенно несущественным). Не-обязательными, временными ролями являются *безбилетник, сосед по купе, истец, спонсор, свидетель, ответчик, молодежь, больной*.

В книге психотерапевта М.А. Щербакова «Семь путешествий в структуру сознания» [1998] анализируются семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой уровень, духовный уровень. В целом, эта классификация может стать для нас ориентиром в определении ключевых идентичностей, однако необходимы следующие комментарии.

Дело в том, что языковая категоризация, лексический состав русского языка не отражает зеркально указанную классификацию идентичностей: с одной стороны, социальный статус (*интеллигент*) и профессия (*бухгалтер*) далеко не всегда слиты друг с другом, с другой стороны, понятие «социальный» гораздо шире, чем понятие «профессиональный», включает в себя и территориальный, и возрастной, и семейный компонент; территория (*американец*) и национальность (*русский*) могут быть не связаны; принадлежность к религии (*православный*) и идеологии (*горбачёвец*) могут не пересекаться; за эволюционно-видовой уровень отвечают единичные номинации (*человек, homo sapiens*), а номинации духовной идентичности вообще сложно подобрать.

Кроме того, материал русского языка указывает на то, что можно выделить, как минимум, еще один ключевой уровень идентификации – возрастной, и на то, что он теснейшим образом слит с половым

и семейно-родственным уровнями (название «семейно-клановый» представляется нам не очень удачным в силу меньшей актуальности в современном русском языке понятия *клан* по сравнению с понятиями *родство*, *родственники*). Необходимо обратить внимание на то, что наивная (языковая) картина мира в данном случае позволяет достроить, уточнить научную (концептуальную) картину мира.

Поэтому, с учетом данных русского языка, основными типами идентичности мы называем а) семейно-родственную, б) половую, в) возрастную, г) национальную, д) профессиональную, е) религиозную, ж) идеологическую. При этом располагаем их в порядке уменьшения объективных факторов, жесткой зависимости от внешних, формальных показателей окружающей действительности, увеличения субъективного фактора. Религиозная идентичность может быть частью идеологической, а может быть самостоятельной, независимой категорией. Охарактеризуем кратко словарь каждого типа идентичности.

Семейно-родственная идентичность. В лингвистике слова, относящиеся к данной категории, изучаются как термины родства, семантическое поле родства. Надо сказать, что это одна из самых лингвистически разработанных группировок слов: многочисленные исследования посвящены терминам родства (см. «Аннотированную библиографию научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке» [Дзибель, 1998]).

Половая идентичность. Лексический состав данной группы также неоднократно являлся объектом внимания лингвистов (см. обзор исследований, например, в монографии В.А. Ефремова «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира» [Ефремов, 2009]). Центром данной категории выступают лексемы *мужчина* и *женщина*, вокруг которых соответственно выстраиваются слова *мальчик*, *юноша*, *мальчишка* и *девочка*, *девушка*, *девчонка* и др. Это ядро семантического поля «пол». Во всех семемах, кроме *мужчина* и *женщина*, семы «пол» и «возраст» тесно слиты.

Возрастная идентичность. Слова *мужчина*, *женщина*, *мальчик*, *юноша*, *мальчишка*, *девочка*, *девушка*, *девчонка*, *бабушка*, *дедушка*, *мать*, *отец*, *братишка* в русском языке обозначают не только пол или семейную принадлежность, но и возраст человека. Причем речь может о трех аспектах возраста: а) биологический возраст (количество лет по паспорту), б) психологический возраст (внутреннее переживание возраста), в) социальный возраст (ожидания определенного поведения)

человека того или иного возраста). В речи в описаниях своего возраста чаще проявляется психологический возраст:

*Мне 31 год, не замужем, без детей, тоже чувствую себя старухой. Живу с пожилыми родителями. Они хотят, чтобы я была серьезной. Мне кажется, что совсем недавно была в старших классах школы. Еще не жила, а уже **старуха** (форум).*

Социальный возраст появляется как негативная оценка поведения, не соответствующего стереотипам поведения человека определенного возраста:

*И я тебя люблю, – отвечает, – и знала, что мы встретимся, но ты как был **мальчишкой**, так и остался... (А. Рыбаков. Тяжелый песок; пример НКРЯ).*

Лексемы данной группы, совместно с лексемами, обозначающими родственные отношения и половую принадлежность, – это блок тесно связанных, слитых ключевых идентичностей (связаны они еще и тем, что это наиболее объективные, независимые от воли носителя языка категории). В параграфе 3.2.3 блок родство/пол/возраст будет рассмотрен с позиции нечетких (размытых) лингвистических множеств.

Именно языковой материал позволяет строить систему идентичностей как уровневую систему: в одной и той же лексеме часто совмещаются разные идентичности в разном соотношении. Родственные отношения диктуют национальную принадлежность. Семья часто (но необязательно) влияет на профессиональную, и религиозную принадлежность.

Национальная идентичность. «Русский семантический словарь» дает названия национальностей в группе «Совокупности лиц», в подгруппе «Народы, племена, население государств», таким образом, представлены существительные в форме множественного числа: *абазины, абиссинцы, абхазы, аварцы, австралийцы, австрийцы, аджарцы, адыгейцы, адыги, азербайджанцы, албанцы, алеуты, алжирцы* и т. д. В данном случае форма множественного числа обозначает совокупность лиц в сочетании со значением расчлененной множественности [РГ–80].

В «Большом толковом словаре русских существительных», в группе «Нации», в подгруппе «Существительные, обозначающие народы мира» прослеживается тот же принцип. Такой принцип подачи названий народов, а не лиц определенной национальности мы объясняем потребностью не увеличивать объем словаря: чтобы назвать одного человека по национальной принадлежности, нужно образовать форму

единственного числа приведенных существительных (*абхазы – абхазец, азербайджанцы – азербайджанец*). Для описания национальной идентичности может быть выбрана модель «мы»-идентичности или модель «я»-идентичности: *У нас, у абхазов...; Я, как азербайджанец...*

К национальной идентичности примыкает **территориальная**, которая может совпадать либо расходиться с ней: *американец* – и название национальности, и название жителя Америки. Если для человека оказываются важными его «малая родина» и/или постоянное место жительства, он может именовать себя *волжанином, сибиряком, уральцем, питерцем, москвичом, новосибирцем, кемеровчанином* и под.

На периферии группы слов-названий национальной идентичности находятся слова, входящие в подгруппу «по расположенности, склонности, пристрастию, интересу или по нерасположенности к людям другой национальности, их жизни, укладу»: *англоман, англофил, англофоб, антисемит, галломан, германофил, германофоб, русофил, русофоб, славянофил, славянофил, славянофоб, юдофоб*.

Профессиональная идентичность. Эта тематическая группа слов, пожалуй, самая обширная из вышеназванных наименований идентичности в русском языке, подробно детализируя виды человеческой деятельности, она в полной мере отражает гигантские шаги в научно-техническом прогрессе. «Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих» насчитывает тысячи названий профессий и специальностей, имеющих на сегодняшний день в России. Картотека наименований лиц по профессии, ставшая основой исследования Е.И. Головановой «Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке» [2008] составляет 80 тыс. единиц.

В «Большом толковом словаре русских существительных» существительные, обозначающие лицо по профессии, составляют самостоятельные идеографические группы слов в составе сфер «Религия», «Охота и рыболовство», «Сельское хозяйство», «Техника», «Военная служба», «Медицина», «Строительство», «Сфера обслуживания», «Транспорт», «Наука», «Образование».

В «Русском семантическом словаре» группа слов «По профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям» выделяют названия лиц по роду занятий в следующих сферах деятельности: религии, культов (*аббат, игумен, имам, лама, муфтий, медиум, хиромант*); искусства,

творчества (*бард, поэт, сатирик, скульптор, гравер, беллетрист, драматург, критик*); общественной, общественно-политической деятельности (*агитатор, комсорг, политик*); науки, ее практического применения, обучения, медицины (*ученый, лаборант, профессор, американист, астрофизик, гувернантка, студент, аспирант, заочник, врач, интерн, стоматолог*); власти, служебной, официальной, должностной деятельности (*князь, халиф, префект, принц, виночерпий, директор, председатель, шеф, министр, консул, губернатор, депутат, сенатор*); военной деятельности; хозяйственной, экономической деятельности (*матрос, офицер, солдат, маршал, адъютант, фуражир, мастер, укладчик, упаковщик, продавец, брокер, оптовик*); спорта, туризма (*тренер, судья, пятиборец, автогонщик, гимнаст, вратарь, турист, экскурсант*).

В каждой из вышеперечисленных групп в рамках различных сфер деятельности может выделяться множество подгрупп. Так, например, в сфере искусства выделяются виды искусства (литература, публицистика; изобразительное, прикладное, дизайн, художественное ремесло; издательское дело и другая сопутствующая деятельность; музыкальная, певческая, артистическая деятельность, разные зрелища и др.), затем, допустим, в литературной, публицистической деятельности выделяются специализации писателей, поэтов: *баснописец, беллетрист, деревенщик, драматург, летописец, либреттист, мемуарист, новеллист, одописец* и т. д.

Религиозная идентичность. Очевидно, что понятие «идеология» шире понятий «вера», «религия», однако последние имеют традиционно более закрепленное, конкретное место в сознании человека: это то, что неразрывно связано с его семьей, национальностью, местом проживания и ритуальными действиями. Не случайно поэтому в «Русском семантическом словаре» названия лиц по отношению к направлению, течению в религии, по вероисповеданию (*адвентист, баптист, буддист, евангелист, кальвинист, католик, мусульманин, православный, протестант* и т. д.) включены в группу «По религиозному, научному, художественному восприятию действительности, по отношению к соответствующим направлениям, течениям в религии, науке, искусстве».

Следовательно, религиозную идентичность можно считать важнейшей частью **идеологической идентичности**. Идеологическую идентичность описывают тематические группы «По отношению направлению, течению в науке» (*агностик, вольтерьянец, дарвинист, деист, диалектик, идеалист, материалист, метафизик...*); «по отношению направлению, течению в искусстве» (*абстракционист, авангардист, акме-*

ист, декадент, имажинист, импрессионист, классик, конструктивист, кубист, модернист...). Последнюю группу можно также отнести к описанию профессиональной идентичности человека, чья профессия имеет непосредственное отношение к искусству. К описанию идеологической идентичности, безусловно, относится группа слов «Члены партий, сторонники, последователи общественных, политических, идеологических течений, направлений, движений»: *аграрий, анархист, антикоммунист, антифашист, белоэмигрант, большевик, декабрист, демократ, западник, зеленый, интернационалист, кадет, коммунист* и др.

Слова, обозначающие человека по его склонности, пристрастию, хобби, находятся на периферии идеологической и профессиональной идентичностей: *киноман, меломан, голубятник, кошатник, библиофил, охотник* (=любитель охотиться на диких зверей и птиц), *театрал, рыбак* (=любитель рыбной ловли) и т. д.

3.2.2. Эволюционно-видовая самоидентификация говорящего субъекта в когнитивно-дискурсивном аспекте

В 2011 году из 20 студентов-педагогов Новосибирского государственного педагогического университета на вопрос теста М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» [1984], использующегося для изучения содержательных характеристик идентичности личности, 17 человек ответили словом *человек* в первую или вторую очередь. Похожие результаты дают и другие исследования, например, С.М. Меджидовой, А.И. Орлановой: «На шестом месте – категория «человек, индивид» (41,22%). <...> Эта категория далеко неравномерно распределена среди 10-ти «Я-позиций». Наибольший вес она имеет на первой позиции (21%). <...> Это достаточно обобщенный уровень дифференциации себя. Отношение к этому статусу проявляется только с точки зрения социальных и моральных норм (хороший, плохой, добрый и т. д.)» [Меджидова, Орланова, 2005, с. 173].

Ценность человеческой идентификации подтверждают психолингвистические исследования лексикона: так, Н.В. Уфимцева указывает, что, по данным «Русского ассоциативного словаря», слово *человек* относится у русскоговорящих к ядру лексикона, это «своеобразный центр ассоциативной сети» [Уфимцева, 1996, с. 144], в отличие от лексикона носителей английского языка, в центре которого находится слово *те* [Залевская, 1990]. По данным «Славянского ассоциативного словаря», слово *человек* (*човек, людина*) находится на втором месте в ядре языкового сознания

русских, болгар и украинцев – после слова *жизнь* (*живот, життя*); у белорусов оба слова – *чалавек* и *жиццё* – на первом месте [2004, с. 6–7].

Толковый словарь не отражает всех текстовых/дискурсивных реализаций слова *человек*: «ЧЕЛОВЕК, -а, мн. *люди* и (*устар.* и *шутл.*) *человеки*, м. (косвенные падежи мн. ч. *человек, человекам, человеками, о человеках употр. только в сочетании с количественными словами*).

1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. *Человек есть организм сложный, а потому и внутренний его мир до крайности разнообразен.* Салтыков-Щедрин, Петербургские театры. [*Протасов:*] *Вы – человек, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явление на земле.* М. Горький, *Дети солнца*. || *чего или какой.* Лицо, являющееся носителем каких-л. внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-л. среде, обществу и т. п. *Добрый человек. Злой человек. Сумасшедший человек. Честный человек. Ученый человек.* – *Капель он мне давал: ведь я, батюшка, человек больной, сырой человек.* Достоевский, *Село Степанчиково. Его нельзя было принять ни за студента, ни за торгового человека, ни тем паче за рабочего.* Чехов, *Перекати-поле. Считался Яков Лукич в хуторе человеком большого ума, лисьей повадки и осторожности.* Шолохов, *Поднятая целина*. || В значении единицы счета (людей). *Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио.* Пушкин, *Выстрел. Всего у моей матери Дарьи Григорьевны и отца Василия Назаровича было тринадцать человек детей (я родился двенадцатым), но выжило только пятеро.* Исаковский, *На Ельнинской земле*.

2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств. *Быть настоящим человеком. Следует формировать человека, а не моряка, не чиновника, не офицера.* Писарев, *Наша университетская наука. Его воспитала школа. Советское общество сделало его человеком.* Каверин, *Два капитана*.

3. Употребляется в значении местоимений: *он, кто-то, некто.* – *Вдруг – говорят мне: человек вас спрашивает.* Тургенев, *Уездный лекарь.* – *Но вдруг человек не пишет месяц, два, три... полгода, наконец!* Писемский, *Тысяча душ.* [*Матрена:*] *Не в себе человек. Уведите ж вы его.* Л. Толстой, *Власть тьмы*.

4. Дворовый слуга или вообще помещичий крепостной слуга. *У подъезда стояла дорожная коляска, и мой человек суетился около чемодана.* Герцен, *<Часов в восемь навестил меня...> Он встал, застегнулся на все пуговицы, позвал человека и велел спросить у Дарьи Ми-*

хайловны, может ли он ее видеть. Тургенев, Рудин. || Официант, слуга в трактире в дореволюционной России. [Рачковский:] Человек, бутылку шампанского! А. Н. Толстой, Азеф. [МАС]

Ср., например, контексты, приведенные в «Национальном корпусе русского языка»:

(1) [Ноздрёв, Александр Абдулов, муж, 52, 1953] Я тебя в клетке сгною! Собаки тебя на ремни порвут! Пори! [Петрушка, муж] **Я человек**. Сказал нет / значит / нет. [Ноздрёв, Александр Абдулов, муж, 52, 1953] Ну уговорил. Открывай. [Павел Лунгин и др. Дело о «Мертвых душах» / к/ф (2005)]

(2) Но надо отдать должное Оле, она держалась просто великолепно. Как будто не замечала того впечатления, какое производит на всех ее внешность. – Понимаешь, я закалила себя еще в детском садике, – однажды призналась мне она. – Когда мальчишки плевали в меня в раздевалке через железную решетку, я для себя решила: **да, я уродка, но я же человек**. Странно, но в нашем классе такая позиция была принята мгновенно. Директриса знала, в какой класс ее можно поместить. Уж чем-чем, а тупоумием мы никогда не отличались. [Ольга Ворошилова. «Пусть лучше он умрет, чем живет таким уродом» (1998) // «Нижегородские губернские ведомости», 1998.09.11]

(3) [Проводник, Анатолий Горячев, муж, 38, 1964] Мать / это служебный вагон. Двигай / двигай / двигай. [Мария, Нина Усатова, жен, 51, 1951] Человек ты или нет / а? [Проводник, Анатолий Горячев, муж, 38, 1964] **Я человек / мать / я человек!** [Мария, Нина Усатова, жен, 51, 1951] Ну сынок / ну помоги ты мне уехать! [Проводник, Анатолий Горячев, муж, 38, 1964] Двигай! Двигай / это... [Федор Попов и др. Кавказская рулетка, к/ф (2002)]

(4) [Вейко, Вилле Хаанасало, муж, 30, 1972] [по-фински] Для меня война закончилась! Чего тебе надо? Мне не нужна эта война / к чёрту её! **Я человек / как и ты!** Я хочу жить / а не воевать. [Пиелтты, Виктор Бычков, муж, 48, 1954] Чё орёшь? Я думал / ты смертник / а ты... [Александр Рогожкин. Кукушка, к/ф (2002)]

(5) Я в детстве, знаешь ли, тоже каталась... – Ты? – удивился Ганин. – **А что, я не человек, что ли...** – усмехнулась она. Катя слегка подрегулировала высоту сиденья и покатила по пыльной дороге. – Не упадет? [Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)]

(6) [№ 0] Александр / что можете добавить? [№ 7, муж, 37] У меня по отношению к Путину не было никаких ожиданий. Самое главное /

чтобы права человека не нарушались / чтобы власть создавала условия для развития гражданского общества. Я не понимаю / когда говорят ячейка общества / я не ячейка / я человек / личность и хочу жить нормально / и чтобы власть создавала условия для того / чтобы я мог зарабатывать деньги. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2001]

(7) – Лена пожала плечами. – Нет у меня ничего интересного. Как замуж вышла, так из декрета в декрет, и с утра до вечера готовлю, стираю, глажу, прибираю, за Олей и Андрюшей смотрю... Я уж и сама стала забывать, **что я человек, а не машина хозяйственная...** В кино уже три года не была... Лена не жаловалась, просто рассказывала так, как есть. – Могу сводить тебя в кино, – бодро заявил Служкин, еще не перестроившись на слова Лены. [Алексей Иванов. *Географ глобус пропил* (2002)]

Во всех приведенных случаях говорящий как бы отстаивает свое право быть включенным в человеческое сообщество, иметь такие же возможности, как и все другие люди. Кроме этого, фрагмент (1) актуализирует такое свойство человека, как непреклонность, стойкость; фрагмент (2) подчеркивает приоритет интеллектуальных, а не внешних качеств человека; фрагмент (3) показывает, что у разных людей могут быть разные обязанности и обстоятельства; фрагмент (4) актуализирует приоритет жизни человека, а не желания воевать; фрагмент (5) отождествляет человека и норму: то, что свойственно человеку, нормально (ср. распространенное выражение *Сделай по-человечески!*); фрагмент (6) актуализирует приоритет материальных благ для человека, наряду с другими социальными правами; фрагмент (7) подчеркивает важность духовной стороны жизни человека по сравнению с бытовой стороной. В целом, мы видим и значимость, и семантическую емкость категории «человек».

В то же время человеческая (эволюционно-видовая) идентичность требует конкретизации, уточнения в различных социальных идентификациях, то есть в принадлежности к различным группам – расовым, национальным, профессиональным, половым, возрастным и т. д.: для того чтобы получить хотя бы приблизительное представление о человеке, мы должны включить его в ряд групп человеческого сообщества, отнести к определенным категориям, должны знать, как минимум, какого он пола, расы, национальности, возраста и профессии.

При этом оказывается важным, что, во-первых, наиболее четко идентичность осознается в ситуации конфликта, конфронтации, про-

тивопоставления/сопоставления, во-вторых, идентичность – это дискурсивное и диалогическое явление, чтобы её осознать, надо вступить в диалог, пусть и гипотетический/заочный с неким противостоящим, противоположным существом, «другим»: «Самоидентификацию следует рассматривать как дискурсивный процесс, так как условием его возможности всегда выступает номинация или сигнификация. Самоидентификация разворачивается как онтологическая способность к самоименованию в рамках дискурсивных практик. Она носит перформативный характер» [Палагута, 2009, с. 51]. Человеку как виду в этом смысле не с кем соперничать и разговаривать *a priori*: с одной стороны, современный человек огражден от агрессии животных, ему нет нужды сопоставлять или противопоставлять себя с животным миром, он скорее ищет сходства, чем различия, с другой стороны, полноценный диалог с животным в принципе невозможен.

Любопытно, что если человек не хочет обнаружения идентичности как проявления своей сущности или скрытых мотиваций, то он ищет способы уйти именно от социальной идентификации, прикрываясь очевидной принадлежностью к человеческому роду:

(8) [Анна] Слушай, а ты кто? [Парыгин, с улыбкой] **Я человек.** [Анна] **Нет, ну занимаешься чем?** [Парыгин, с улыбкой] Инженер на одном заводе (телефильм «Каменская» по книге А. Марининой «Мужские игры»).

Ср. с другими примерами ухода от социальной самоидентификации в современных социальных сетях:

(9) Мне с детства не нравится вопрос «кто я?». Никакой ответ на него не будет достаточно полным. **Я – это большой набор настроений, мыслей, фантазий.** Это невозможно выразить несколькими фразами [community.livejournal.com/hpproject/17400.html#cutid1].

(10) Когда меня спрашивают «кто я», я отвечаю: **Человек-Вселенная.** Все возвращается... и скоро не важно будет, кто ты по нации или по вероисповеданию [forum.anastasia.ru/topic_43609.html].

(11) **Кто я? Человек:)))**, это точно... А вот какой я человек, думаю, это непостоянное качество, ведь и я, и вообще люди постоянно меняются. Например, вчера я не знала чего-то, не умела, а сегодня научилась... [otveti.orbita.co.il/voprosi.php?vopros=1795].

(12) Я – неформал... меня выдают пирсинг, торба и... чупа-чупс... **Я... Я – человек...** Человек, умеющий радоваться маленьким и незаметным вещам... Романтик... Посмотрите мне в глаза... Там, на дне, еще живет душа... Я не забавна, просто я часто веду себя, как ребенок. Я не глупа, я просто

наивна. Я не грустная, я просто не могу всегда быть веселой. И я не странная, просто мы разные люди. После должного приручения можно кормить с руки. Кусаясь. Царапаюсь. Ругаюсь и дерусь по мере обстоятельств... а так довольно милая личность... Мрр.. [www.tinza.ru/user/1720768].

(13) ...а я не знаю кто я... **я человек почти вроде**))) [love-is.ru/showthread.php?t=8510].

(14) Кто я? В огромном странном мире... В наш развивающийся век! Иду, не чувствуя гордыни... Кто я? **Я просто – ЧЕЛОВЕК!!!** [www.stihi.ru/2008/02/11/3359].

Тем не менее, очевидность эволюционно-видовой идентичности, позволяя человеку говорящему рефлексировать на тему принадлежности к человеческому виду (*homo sapiens sapiens*), заставляет определять отношение к каким-то категориям человеческого сообщества (расе, нации, профессиональной или религиозной группе и т. д.), принадлежность к которым может быть менее очевидна либо не очевидна вообще.

Несоблюдение этого коммуникативного принципа приводит к высказываниям типа: (15) «Российская действительность отмечена прежде всего утратой идентичности страной и ее государствообразующим народом, то есть русскими, и настойчивым, но малорезультативным поиском этой идентичности... [www.rossia3.ru/smi/zavetsavitskogo].

И.А. Мальковская объясняет это размывание идентичности, в частности, тем, что сегодня активно используется новый способ коммуникации – Интернет: «Заявляя себя в киберпространстве публичной коммуникации, индивиды оставляют вне сети свою этническую, религиозную, гендерную принадлежность и лингвистическую самобытность. Язык сети становится все более универсальным и всеобщим. Поликультурная текстовая среда реальности объединяется и унифицируется Сетью» [Мальковская, 2008, с. 215].

Представляется, что сегодня существуют две полярные дискурсивные стратегии: первая – размывает идентичность (более свойственна молодому поколению), вторая – жестко её определяет (чаще обнаруживается у представителей старшего поколения). И чем больше проявляется процесс утраты/необязательности идентичности, тем активнее и жестче вступает в борьбу другая позиция, процесс укрепления идентичности.

Так, например, русскую идентичность пытаются укрепить или сформировать через дискурс конфликтных призывов: (16) «Объединяйтесь на основе Русской идеологии и Православия! Не допускайте в свои общины людей, чуждых по крови и духу!.. Оказывайте доверие

и поддержку только людям одной с вами крови и убеждений!» [www.rne.org/vord/rnews/princip.shtml].

Или см. характерный антисемитский дискурс:

(17) «...древнеегипетское жречество впервые в истории человечества разработало долговременную стратегию глобализации доктрину установления на Земле своего мирового господства на многие столетия. Для реализации этого своего замысла оно создало в ходе 42-х летнего синайского «турпохода» своего рода «армию», инструмент агрессии: дезинтегрированного (то есть распределенного по многим элементам) **биоробота на человеческой элементной базе – еврейство**, вооружив его доктриной «Второзаконие-Исайя».

(18) «„Культурные“ люди, составляющие „приличное общество“, о евреях в негативном смысле не говорят. В библейской культуре это действительно так. Но с чего сторонники такого взгляда взяли, что библейская культура – наилучшая возможная и вообще единственная культура. В культуре людей, а не **недолюдков**, отрицательное отношение словом и делом к библейскому проекту построения глобального „элитарно“-невольничьего античеловечного государства – один из показателей достоинства человека, вне зависимости от того, происходит человек из евреев либо же нет».

(19) «...индивид – носитель строя психики **зомби, биоробот, запрограммированный культурой (таковы большинство евреев)**, и к этому уровню подтягиваются ныне большинство обывателей на Западе...».

Фрагменты (17)–(19) носят уничижительный характер, так как отказывают еврейской нации в признаках нормальных людей. См. в толковых словарях:

РОБОТ, -а, м. Автомат, предназначенный для замены человека при выполнении сложных технических операций. (МАС)

БИО..., первая часть сложных слов. 4. Обозначает использование природных органических веществ или живых организмов для чего-л. или наличие таковых в составе чего-л. (БТСРЯ)

Слово «недолюдки» не отмечается в толковых словарях, ближе всего по значению к слову «нелюди»: НЕЛЮДИ, -ей, мн. Разг. Плохие, дурные люди. (МАС)

ЗОМБИ. 2. Разг. О человеке, готовом слепо, без рассуждений исполнить волю других людей. (БТСРЯ)

Обратим внимание на то, унижение определенных групп происходит по принципу отказа им именно в принадлежности к человеческому виду либо ущербности в человеческом смысле. Задача же дискурса

ненависти [Колосов, 2004], конфликтоопасного дискурса заключается в том, чтобы усилить чувство дифференциации и конфронтации. Актуализации дискурса вражды объясняется и распадом СССР: «Почему язык вражды становится нормой на постсоветском пространстве? Что объективно изменилось в социальном пространстве человеческой и массовой коммуникации и наполнило ее содержание негативным позиционированием «своих» и «чужих»? Прежде всего ушла социальность во всех своих ипостасях: государственной идентичности (принадлежность к социалистическому государству – СССР), национальной идентичности (принадлежность к «новой исторической общности» – советский народ), коллективной идентичности (принадлежность к трудовому коллективу), личностной идентичности (в социальном плане олицетворяемой с принадлежностью к классу, прослойке, социальной группе, партии и т. п.)» [Мальковская, 2008, с. 152].

Итак, идентифицируя себя с категорией «человек», говорящий отстаивает свои определенные права на независимость от общества, материальные или духовные блага, частную жизнь и др. Однако очевидность, обязательность эволюционно-видовой идентичности подчас требует от человека более детального описания его принадлежности к каким-либо группам, категориям человеческого сообщества. Тенденция к размыванию идентичности одними группами (например, молодыми людьми, пользующимися Сетью) часто ведет к жесткому определению принадлежности другими группами (например, представителями более старшего поколения, формирующими так называемый язык вражды).

3.2.3. Языковые средства идентификации/самоидентификации как нечеткие лингвистические множества

Целью данного раздела является рассмотрение языковых средств идентификации и самоидентификации как нечетких лингвистических множеств. Материалом послужили лексемы, называющие представителей групп людей, связанных с категориями «семья», «пол» и «возраст».

Считается, что понятие нечеткого (или размытого) лингвистического множества ввел американский математик Лофти А. Заде, которым, в частности, написана книга «Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений» [1976].

По словам В.Б. Кашкина, «именно благодаря усилиям математики (и математической лингвистики) обнаружилось, что попытки уместить язык в прокрустово ложе ‘правильной’ позитивистской науки, опери-

рующей дискретными понятиями, в бытовом идеале аналогичными простым числам, в значительной мере упрощают и искажают сущность языковых процессов. В противовес механистическим системам, допускающим описание в рамках дискретной математики, языковые (и шире – гуманистические) системы – в терминологии Лофти А. Заде – требуют особого, лингвистического подхода и в рамках математики. После появления работ математика Л.А. Заде о лингвистической переменной и нечетких множествах лингвистическая, интерпретационная модель, учитывающая субъективную меру, т. е. позицию включенного наблюдателя, проникла в математику; и наоборот, концепция нечетких множеств (*fuzzy sets*) и лингвистической переменной (*linguistic variable*) стала использоваться в языкознании» [Кашкин, 2000, с. 146].

Признаками нечетких лингвистических множеств являются:

1) толерантная организация, т. е. элементы сходны, но не характеризуются транзитивностью (свойства одного из элементов не обязательно переходят на другие);

2) потенциальная бесконечность (как от 1 до 0, так и от 0 до 1, то есть до точки границы) толерантных лингвистических множеств приводит к нечеткости, размытости их границ, а также к динамике соотношения центра и периферии [Пиотровский, 1979, С. 41–44]. «В случае классического множества любой элемент или входит в данное множество (имеет значение членства 1), либо находится вне его (имеет значение членства 0). В размытом множестве допускаются дополнительные значения между 0 и 1» [Лакофф, 2004, с. 40].

В «Кратком словаре когнитивных терминов» под ред. Е.С. Кубряковой указывается, что работы по нечетким понятиям содержат идею прототипа. «Прототипический подход – подход к проблеме категорий, компромиссный между платоновским и витгенштейновским. Платоновский взгляд состоит в положении и строгой категоризации языка – лексических единиц, морфем, синтаксических конструкций и правил, регулирующих их употребление в коммуникации. В этой «списочной (checklist) концепции слово либо обозначает данную вещь, либо нет. **Категории** (выделено автором – М.Л.) дискретны и основаны на группировках свойств, внутренне присущих (ингерентных) представителям соответствующих категорий. Витгенштейновский взгляд связывают, напротив, с положением о недискретности, размытости границ, непрерывности и случайности в определении вещей и их именовании» [Демьянков, 1997, с. 140]. И далее: «Континуум категорий обладает двумя различными градациями:

- все свойства-признаки имеют некоторый вес (в соответствии со своей важностью, значимостью) в установлении типичности объекта);
- все члены категории обладают определенным рангом, соответствующим количеству у них характерных свойств данного прототипа [Там же, с. 141].

Кроме этого, актуально понятие «лучшего образца» категории («лучший пример»), связанное с тем единодушием, с которым носители языка характеризуют значение языковых единиц в отрыве от контекста: «Интуитивные представления о языковом концепте состоят в том, что он объединяет признаки и свойства разного веса – эту идею в семантику впервые «впустила» Э. Рош» [Рахилина, 1997, с. 375].

Наш материал показывает, что признаками нечеткости лингвистического множества являются также включение одной языковой единицы в разные семантические категории (в рамках семного и лексико-семантического варьирования) и признак относительности одного элемента по сравнению с другим. Обратимся к семантическим полям *родства*, *пола* и *возраста* в русском языке, лексические единицы которых используются как средства идентификации / самоидентификации носителями языка.

1. Категория «родство»

В лингвистике слова, относящиеся к данной категории, изучаются как термины родства, семантическое поле родства. Накоплен достаточный теоретический материал, многие лингвисты сходятся в том, что эта группа лексем (семем) достаточно четко структурирована: «В определенном отношении образцовое семантическое поле составляют термины родства» [Кронгауз, 2001, с. 161]. Однако остаются вопросы структурирования указанного семантического поля в аспекте явления идентификации / самоидентификации.

Так, М.А. Кронгауз относит к центру поля слова, указывающие как на родство, так и на свойство (которое имеет семантику «указание на брак»). Мы считаем, что если говорить о степени родства, то следует в первую очередь учитывать кровных родственников, дальние и тем более некровные родственники относятся к периферии этого поля (кроме, может быть, лексем «жена» и «муж», поскольку жена и муж имеют непосредственное отношение к появлению на свет потомков, то есть своих кровных родственников).

Таким образом, к центру поля мы относим слова *мать*, *отец*, *сын*, *дочь*, *бабушка*, *дедушка*, *внучка*, *внук*, *дядя*, *тетя*, *брат*, *сестра*, *родители*, *дети*, а также слова *муж* и *жена*, а к дальней периферии

ферии – *невестка, сноха, зять, теща, тесть, свекровь, свекровка, свекор, сватья, сват, золовка, деверь, свояченица, деверь, шурин*. К ближней периферии относятся слова-названия родственников, в составе которых имеются приставка *пра-* и суффикс *-юродный*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в современном русском языке уходят из активного употребления слова-наименования свойства, слова же, которые мы относим к ближней периферии поля, употребляются реже прежде всего вследствие экстралингвистических причин: прадеды не всегда доживают до своих правнуков, уходит ценность «большой» семьи, рода, на первый план выходит ценность «малой» семьи, узкого семейного круга, включающего самых близких родственников. С лингвистической точки зрения, наименования родственников самого ближнего круга являются однословными, а не составными, как наименования дальних родственников.

Также к периферии поля М.А. Кронгауз справедливо относит слова, связанные со вторичным браком, смертью одного из супругов, крещением и т. д.: *мачеха, отчим, падчерица, пасынок, вдова, вдовец, кум, кума*. По этой логике, нужно добавить слова *крестник, крестница, крёстный, крёстная* и *сирота*. Думается, что последнее слово можно отнести даже к центру этого поля, но со знаком «минус» (минус-родство). См. табл. 1: темно-серым цветом обозначено самое ближнее родство, центр поля обведен жирной линией.

Все слова, обозначающие родственников, независимо от их местоположения в семантическом пространстве, в первую очередь выражают идею *родства* (интегральная сема), во вторую очередь – *пол, возраст* (дифференциальные семы). Способность выразить пол отсутствует у слов *родители, дети*, а у слова *сирота* пол может быть выражен только грамматически. У всех лексем поля родства имеется семантический потенциал переакцентуации сем либо в рамках лексико-семантического, либо в рамках семного варьирования. И соответственно либо в языке, либо в речи они относятся к разным семантическим полям. Этот потенциал заложен в самой языковой системе, объясняемой экономией языковых средств за счет размытости границ. Например:

Я ведь уже бабушка! (семное варьирование, актуализируется сема «возраст»).

Дедушка (дед), отец, мать, внучка, внучок (лексико-семантическое варьирование, при обращении к неродственникам на первый план выходит сема «возраст»).

Вон дядя (тетя) идет! (лексико-семантическое варьирование в детской речи – актуализируются семы «пол» и «возраст»; ср.: Девочка/мальчик идет!).

Таблица 1

Структура родства

П О К О Л Е Н И Е	+3	Прадедушка / прабабушка	Двоюродный прадедушка / двоюродная прабабушка		
	+2	Дедушка / бабушка	Двоюродный дедушка / двоюродная бабушка		
	+1	Отец / мать родители	Дядя / тётя	Двоюродный дядя / двоюродная тётя	
	0	<i>(Ego)</i>	Брат / сестра	Двоюродный брат / двоюродная сестра (Кузен / кузина)	Троюродный брат / Троюродная сестра
	1	Сын / дочь ребенок, дети	Племянник / племянница	Двоюродный племянник / двоюродная племянница	
	2	Внук / правнук			
	3	Правнук / правнучка			
		0	1	2	3
СТЕПЕНЬ РОДСТВА					

2. Категория «возраст»

Интегральной семой лексических значений слов *старуха, старушка, старик, старичок, бабушка, дедушка, юнец, младенец, ребенок, отрок, подросток, мальчик, девочка, дети, дитя, ребята, внука, внук* и др. является сема «возраст», дифференциальной – «пол» (кроме слов *ребенок/дети, дитя, подросток, младенец*). Нейтрализа-

ция семьи «пол» может быть в речи: *Ты – старик, и я – старик* (пожилая женщина мужчине).

Для данного семантического поля не так актуально понятие ядра и периферии, сколько принцип собственно нечеткого множества (в понимании Л. Заде), то есть градуального характера категории. Точно так же, как для носителей русского языка в целом не вполне ясны границы элементов «утро», «день», «вечер» и «ночь» на временной шкале категории «сутки» (см. об этом [Пиотровский, 1979, с. 42–44]), не четко определены семантические границы элементов категории «возраст» (именно поэтому в таблице 2 рядом с указанием на количество лет мы поставили знаки вопроса). Размытость характеризуется тем, что разные слова теоретически могут занимать на шкале различные по размеру зоны – от точки до всей длины шкалы [Шабес, 1989, с. 25]. Например, мы видим, что *младенцем* называют человека с рождения до приблизительно 1 года, а *мужчиной* и *женщиной* – приблизительно с юношеского возраста до конца жизни.

Таблица 2

Возраст и типичные наименования

+стиль	Дитя, <i>ребята</i> , детишки		Отрок, юнец	Дева		<i>Старушка</i> <i>старичок</i>
	<i>Ребенок, дети</i>					
	Младенец		<i>Подросток</i>			
+пол	<i>Мальчик / девочка</i>			<i>Юноша /</i> <i>девушка</i>		<i>Старик /</i> <i>старуха</i>
				<i>Мужчина / женщина</i>		
	0	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 ?	?12 – 17?	?18 – 29?	?30 – 59?	?60 – ...

Интересно, что специализированными лексемами маркируются здесь в первую очередь крайние полюса категории – молодость (*младенец, дитя*) и старость (*старик, старуха*). Средний возраст в русском языке не маркирован именами существительными, хотя имеются описательные конструкции (*зрелый, опытный человек*).

И.М. Кобозева указывает, что «...к употреблению лексем с маркированным уровнем точности (в сторону меньшей, чем следовало

бы, конкретности (то есть дискретности! – М.Л.) мы прибегаем... при выражении сочувствия: «*Бедный ребенок!*» (обращение к плачущим девочке или мальчику)» [Кобозева, 2007, с. 99].

Важной особенностью использования данной лексической категории является относительный характер её элементов: так, при обращении к лицам старше 30 лет пожилые люди могут вполне использовать номинации «*девочка*» и «*мальчик*», возможно, уменьшая таким образом свой биологический возраст. Кроме этого, термины родства также часто используются для указания на возраст при обращении к неродственникам (см. примеры выше).

Нельзя не отметить и то, что круг средств идентификации гораздо шире, чем круг средств самоидентификации (в таблице данные лексемы выделены полужирным курсивом). Это объясняется тем, что при самоидентификации редки либо вообще не используются стилистически маркированные элементы (*отрок, детишки, юнец, дева*); слово *младенец* также не может быть использовано в целях самоидентификации по понятным причинам.

3. Категория «пол»

Центром данной категории выступают лексемы *мужчина* и *женщина*, вокруг которых соответственно выстраиваются слова *мальчик, юноша, мальчишка* и *девочка, девушка, девчонка* и др. Это ядро семантического поля «пол». Во всех семемах, кроме *мужчина* и *женщина*, семы «пол» и «возраст» тесно слиты, что доказывают следующие дефиниции МАС:

МАЛЬЧИК – 1. Ребенок, подросток мужского пола. || Об очень молодом, незрелом, несерьезном человеке.

ДЕВОЧКА – 1. Ребенок или подросток женского пола. || Об очень молодой, юной, неопытной девушке.

МАЛЬЧИШКА – 1. То же, что мальчик (в 1 знач.) || О недостаточно зрелом, неопытном, несерьезном человеке.

ДЕВЧОНКА – Разг. Уничиж. к девочка; то же, что девочка. || Об очень молодой, легкомысленной, несерьезной девушке.

ЮНОША – Лицо мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию; молодой человек.

ДЕВУШКА – 1. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке. || Разг. Форма обращения к молодой женщине.

Женщиной либо *мужчиной* можно назвать человека любого возраста при указании его половой принадлежности, однако, как пока-

зывает языковой материал, компонент «возраст» при функционировании слов *мужчина* и *женщина* также нередко выходит на первый план: *Да ты еще мальчишка! Не девочка, но еще и не женщина*. А в толковании слова *женщина* это частично отражено в варианте «лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке» (в брак вступают при достижении совершеннолетия):

ЖЕНЩИНА – Лицо, противоположное по полу мужчине. || Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств. || Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.

МУЖЧИНА – Лицо, противоположное по полу женщине. || Лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твердостью.

К периферии семантического поля «пол» мы относим слова, указывающие на родственные отношения, если в их семантике дифференцирован пол (*мать / отец, дочь / сын, сестра / брат* и т. д.) и слова – названия представителей профессий или социальных групп. В русском языке пол маркируется при названии лиц женского пола (*машинистка, учительница, спортсменка, студентка, читательница*), кроме слова *дояр*; маркирование пола словами мужского рода актуально только при противопоставлении их словам женского рода, поскольку более распространенным является использование слов мужского рода для обозначения лиц по принадлежности к профессии или социальной группе без указания на пол.

Изучение структуры полей идентификационных признаков «пол», «возраст», «родство» и др. позволяет учесть эти факторы при описании функционирования самоидентификации. Так, степень родства может быть, например, более сильным аргументом, например:

– *Атмосфера – сгущается, – говорила Лара. – Время нашей безопасности миновало. Нас несомненно арестуют, тебя и меня. Что тогда будет с Катенькой? Я мать* (выделено нами – М.Л.). *Я должна предупредить несчастье и что-то придумать. У меня должно быть готово решение на этот счет. Я лишаюсь рассудка при этой мысли* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Степень родства матери максимальная, мать в данном случае – наиболее близкий родственник, ответственный за жизнь своего ребенка, поэтому ей необходимо что-то предпринимать, чтобы спастись от ареста. Ср.: *я прабабушка, я тетя, я кузина* (эти самоидентификации выступали бы как более слабые аргументы).

Или, наоборот, в речи Юрия Живаго обвинение высшего порядка аргументируется при помощи лексемы с семантикой нулевой степени родства:

Комаровский спаивал отца, запутал его дела и, доведя его до банкротства, толкнул на путь гибели. Он виновник его самоубийства и того, что я остался сиротой.

Изучение лексических полей соционимов как нечетких множеств, а значений лексем-самономинаций как диффузных категорий проливает свет на относительный характер точности самоидентификации и возможные сложности в интерпретации этих слов у адресанта. Безусловно, данные особенности самообозначений необходимо учитывать при составлении социологических анкет или при их переводе на иностранный язык²⁸.

Перспективами исследования средств идентификации / самоидентификации является анализ других категорий идентификации как множеств элементов, структурированных тем или иным образом, и влияния этих структур на языковую специфику самоидентификации.

3.2.4. Наивная этнонимика и обыденное метаязыковое сознание носителей русского языка

3.2.4.1. Изучение этнонимов в ходе психолингвистического эксперимента

Этнонимы не раз становились предметом как собственно лингвистического анализа [Этнонимы, 1970], так и лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований [Кашкин, эл.ресурс; Кобозева, 1995; Уфимцева, 1995 и др.]. Среди данных работ есть и те, которые представляют результаты лингвистических и психолингвистических экспериментов в области этнонимики.

Так, в работе И.М. Кобозевой «предлагается экспериментальная лингвистическая методика выявления стереотипов национальных характеров, т.е. представлений о национальном характере того или

²⁸ Так, С. Зенкин упоминает о казусной интерпретации слова *минусник* Ж.П. Бронкаром и К. Бота: «...словечко «минусник», которым Бахтин характеризует сам себя (термин административного жаргона сталинской эпохи, означающий ссыльного, которому запрещено жить в известном количестве крупных городов, – «минус десять», «минус двадцать»), передано неадекватно и тенденциозно, как личная творческая самооценка – «*moins que rien*», то есть как «ничтожество» [Зенкин, 2013, с. 360].

иною народа, входящих в языковую картину мира, и обсуждаются результаты применения этой методики для выявления представлений носителя русского языка о национальном характере русских, немцев, англичан и французов» [Кобозева, 1995, с. 102]. Методами свободной интерпретации псевдотавтологий Э.Г. Бендикса и заполнения пропуска в диагностических конструкциях устанавливается, в частности, что «множество стереотипов национальных характеров структурируется с помощью оппозиций; так, *немец* противопоставлен русскому по параметру приверженности к порядку (ср. антонимичные реакции *аккуратен, чистоплотен, опрятен/неряшлив; подтянут, собран/разболтан, небрежен; обязателен/необязателен; вежлив/бесцеремонен*); *англичанин* противопоставлен русскому по параметру открытости проявлений внутреннего состояния (ср. реакции дескриптора СДЕРЖАННЫЙ у англичанина и реакции, связанные с ШИРОТОЙ НАТУРЫ у русского); *француз* прямо противоположен русскому по их отношению к правде, ср. ЛЖИВ vs ПРОСТОДУШЕН; *англичанин* и *француз* противопоставлены и по открытости и по общительности, ср. МАЛООБЩИТЕЛЬНЫЙ vs БОЛТЛИВЫЙ» [Там же, с. 115].

В психологии «метод свободной классификации стал одним из основных диагностических приемов для характеристики умственного недоразвития, умственной отсталости или умственной патологии» [Лурия, 1998, с. 97]. В основе полученных классификаций могут лежать разные психологические процессы: выделение наглядных признаков, оживление какой-либо определенной наглядной ситуации, операция абстрагирования признака и введение предметов в одну общую категорию, иначе говоря, операция, носящая вербально-логический характер. А.Р. Лурия пишет: «Установлено, что умственно отсталый ребенок может разложить предметы на группы только по сенсорному или по наглядно-действенному признаку. <...> Наоборот, нормально развивающийся ребенок младшего школьного возраста в состоянии перейти к более высокой форме действий: достаточно было показать ему, как можно расклассифицировать предметы иначе – он легко начинал справляться с этой задачей» [Там же, с. 97–98].

В психолингвистике классификационный эксперимент – один из методов, использующихся для изучения особенностей вербального сознания. Испытуемому нужно отнести ряд слов к одной или нескольким категориям, данная операция «базируется на ощущении сходства или несходства смыслов слов» [Фрумкина, 2001, с. 63]. Особенности вер-

бального сознания носителей русского языка, проявляющиеся в ходе данного эксперимента с именами прилагательными со значением цвета, описаны Р.М. Фрумкиной [1984], эксперимент с конкретными именами существительными (тематические группы «еда», «посуда») описан Р.М. Фрумкиной и ее коллегами в [Семантика и категоризация, 1991].

Классификационный эксперимент, как и любые другие методы психолингвистики, актуализирует скрытые, малоосознаваемые, стертые компоненты значений лексем в сознании носителей языка, или, по замечательному выражению Н.Д. Голева, «переводят рефлексию в «светлое поле» сознания» [Голев, 2009, с. 8]. Этот метод заставляет пробудиться метаязыковому сознанию в большей степени, чем, скажем, в ассоциативном эксперименте, потому что информантам приходится задуматься о близости/далекости, схожести/несхожести слов и зафиксировать свое представление. При этом, классифицирование представляется нам более проективным и менее громоздким в проведении методом, чем метод лингвистического интервьюирования (толкования значения слов).

Изучение категоризации этнонимов позволяет вывить следующие фрагменты обыденного сознания:

1) семантические признаки этнонимов в сознании носителей языка (включая мифы, заблуждения, наличие агнонимии и т. д.);

2) стратегии классификации этнонимов, существующие у носителей русского языка;

3) информацию об этнической идентичности говорящего субъекта (например, степень актуальности включения себя в какую-либо группу, эмоциональное отношение к идентичности).

В данном разделе описаны результаты классификационного эксперимента, проведенного в 2011 с жителями Новосибирска на материале этнонимов. 65 носителям русского языка, возраст которых варьировался от 17 до 34 лет, было предложено классифицировать (с указанием основания для деления) следующие 50 слов: *азербайджанцы, алтайцы, американцы, англичане, арабы, арийцы, армяне, афроамериканцы, башкиры, белорусы, белые, болгары, британцы, буряты, великорусы, водь, вотяки, готы, грузины, евреи, желтые, израильтяне, испанцы, итальянцы, иудеи, кавказцы, казахи, калмыки, кельты, китайцы, коми, мадьяры, молдаване, мусульмане, негры, немцы, поляки, россияне, румыны, русские, сибиряки, славяне, татары, турки, украинцы, цветные, цыгане, черные, чудь, чукчи.*

Представим отмеченные информантами основания для деления с указанием количества человек, выделивших определенный семантический признак.

1. Расовые признаки: по цвету кожи 23, расы 6, монголоидная раса (монголоиды) 6, цветные 5, европеоидная раса 5, негроидная раса 5, белые (белокожие) 5, желтые 4, черные 4, узкоглазые 3, разрез глаз 2, светловолосые 2, темный цвет кожи 2, светлый/темный тон кожи 1, смуглокожие 1, темноволосые 1.

2. Территориальный признак: европейские национальности 18, по региону (месту) проживания 8, восточные страны (нации) 5, народности Сибири 4, живущие на Ближнем Востоке 4, Америка 4, Африка 3, кавказцы 3, азиаты 3, арабские страны 2, южане (южные страны) 2, восток 2, Евразия 1, Северная и Южная Америка 1, народы Севера 1, народ без территориальной принадлежности 1.

3. Государственный признак: проживающие в РФ (России) 18, народы бывшего СССР 7, Великобритания 3, Китай 2, СНГ 2, Германия 1, Израиль 1.

4. Религиозный признак: религия (конфессия) 17, вера (вероисповедание) 14, мусульмане 5, христиане 2, католики 2, иудеи 2, буддизм 2, православные 1, язычники 1, конфуцианство 1.

5. Языковой признак: англоговорящие (англизоязычные) 10, славянская группа языков 4, романские 4, германская группа 2, по языковым семьям 1, тюркские 1.

6. Исторический признак (+роль в мире): славяне 7, коренные народы 3, племена 3, древние народы 3, древнерусские народности 2, исторические народы 2, цивилизация 1, которые хотят завоевать мир 1, арийцы 1, развитые страны/страны третьего мира 1.

7. Размер: малые народы (народности) 5, нацменьшинства 1, большие группы национальностей 1.

8. Языковые признаки этнонима: жаргонное, сленг 4, названия, имеющие синонимы 3, тавтологии 1, разговорное 1, собирательные названия 1, историзмы 1, исторические названия 1, простонародные названия рас 1, современные трактовки 1, оскорбление 1, груборазговорные 1, экспрессивные 1, пренебрежительные или расистские 1, неполиткорректные 1, националистический характер 1, смешные названия 1.

9. Поведение, образ жизни: ведут кочевой образ жизни, кочевники 2, шумные, эмоциональные 1, темпераментные 1, по взгляду на

жизнь и культуру 1, нет родины 1, красивые и адекватные 1, навязчивые 1, успешные 1, агрессивные 1.

10. Другие признаки: вызывают страх 1, по курортам 1, у меня корни там 1, бородастые 1.

Мы видим, что наиболее существенными признаками для классификации этнонимов (и, следовательно, людей различных национальностей) являются расовые морфологические признаки, территориальная и государственная принадлежность, отношение к религии, а также использование определенного языка. Другие категории – генетический (исторический) признак, поведение, образ жизни, количество человек, эмоциональный компонент – не играют существенной роли.

Можно представить структуру толкований слов группы этнонимов следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

Структура толкований слов группы этнонимов

Слово	Родовое имя	Морфологические признаки	Территория	Государство	Религия	Особенности поведения
Русские	национальность	европеоиды (светлый тон кожи, светлые волосы)	Евразия Европа Сибирь	РФ СНГ СССР	христиане	красивые и адекватные
Украинцы	национальность	европеоиды (светлый тон кожи)	Евразия Европа	РФ СНГ СССР	христиане	
Татары	национальность	смуглокожие	Сибирь	РФ СНГ СССР	мусульмане	
Испанцы	национальность	европеоиды (светлый тон кожи), смуглокожие	Европа			шумные

3.2. Лексические средства описания идентичности

Башкиры	национальность	монголоиды, узкоглазые		РФ СНГ СССР		
Китайцы	национальность	монголоиды, узкоглазые		Китай		
Американцы	национальность	европеоиды (светлый тон кожи)	Америка			
Турки	национальность	смуглокожие, белокожие	Ближний Восток Европа			
Чудь	народность					

В таблице даны типичные ответы информантов относительно части этнонимов, с которыми велась работа. Здесь видно, что в сознании имеются более или менее детализированное представление о различных народах, причем некоторые признаки устойчиво амбивалентны или диффузны (например, часть носителей русского языка считает, что *испанцы* и *турки* светлокожие, другая часть думает, что они темнокожие). Пустые клетки относительно всех слов, кроме слова *чудь*, говорят не о том, что информация вообще отсутствует об этом фрагменте картины мира, они показывают, что данная информация в целом является менее значимой. Не вызывает удивления тот факт, что этноним *русские* лучше детализирован в сознании наших информантов.

Преимуществом классификационного эксперимента является то, что он позволяет выявить существенные для носителей языка те семантические компоненты, которые могут игнорироваться в ходе других психолингвистических экспериментов. Ср. наш результат, оформленный в виде словарной статьи *Русские* с использованием понятия индекс яркости [Левицкий, Стернин, 1989], и статью *русский* в «Русском ассоциативном словаре» [Русский ассоциативный словарь, 2002] (статья *русские* в этом словаре нет).

Русские

Понятийный категориальный признак: «национальность» **18** (*индекс яркости 0,28*), «естественное название» **1** (*индекс яркости 0,015*); «большая группа людей» **1** (*индекс яркости 0,015*).

Подгруппа: «славяне» **5** (*индекс яркости 0,08*).

Расовые признаки: «европеец» **5** (*индекс яркости 0,08*); «светлый тон кожи», «белые» **5** (*индекс яркости 0,08*).

Территория, государство: «проживает в России» **15** (*индекс яркости 0,23*); «в бывшем СССР» **3** (*индекс яркости 0,05*); «в Европе» **3** (*индекс яркости 0,05*); «в Сибири» **5** (*индекс яркости 0,08*); «в Евразии» **1** (*индекс яркости 0,015*).

Религия: «христиане» **3** (*индекс яркости 0,05*); «католики» **1** (*индекс яркости 0,015*).

Описания (приписываемые оценки, качества, желания и др.): «хотят захватить мир» **1** (*индекс яркости 0,01*); «красивые и адекватные» **1** (*индекс яркости 0,015*); «цивилизация» **1** (*индекс яркости 0,015*).

Свойства этнонима как языковой единицы: «имеет синоним *россиянин*» **2** (*индекс яркости 0,03*); «является обобщающим словом для ряда слов (*россияне, славяне, румыны, алтайцы, великороссы*)» **1** (*индекс яркости 0,015*).

Русский: язык 29, человек 16, мужик 6, еврей 4, Иван 3, Ваня, дурак, дух, характер, эмигрант 2, бизнес, конь, красивый, красная рубаха, лень, лес, мало, мешочник, Москва, народ, национальность, немец, нерусский, образ мыслей, орел, остров, паспорт, поэт, птица-тройка, ресторан, розовое, свой, сильный, советский, совок, стиль, театр, турецкий, уважение, узкий, умный, французский, шовинизм, я 1; 113+51+4+41 [Русский ассоциативный словарь, 2002, с. 564].

Мы видим, что в ассоциативном эксперименте были проигнорированы, не учтены такие актуальные семантические компоненты, как расовые (внешние) признаки, территория проживания (кроме города Москвы), религиозный признак, генетический признак. С другой стороны, классификационный метод не выявляет в таком количестве, как ассоциативный эксперимент, стереотипные символы, соотносимые с национальностью (*мужик, Иван, Ваня, птица-тройка, лень, красная рубаха*), и эмоционально-оценочные компоненты значения (*дурак, лень, красивый, уважение, умный*).

Можно сосредоточить свое внимание на индексе близости этнонимов и на том, в чем именно проявляется сходство тех или иных

этнонимов в понимании информантов, то есть если этнонимы группируются друг с другом, то в какие группы они попадают. Фрагмент результата такого анализа показан в табл. 4.

Таблица 4

Количественные и качественные показатели сходства этнонимов

Вектор отношения	Количество попаданий в одну группу (индекс близости)	Семантические признаки, связывающие этнонимы в сознании носителей русского языка (интегральные компоненты)
Русские – россияне	37	национальность, Россия, бывший СССР, европеоиды (светлый тон кожи), христиане, Евразия, Европа, говорящие на славянских языках, славяне, синонимы
Русские – украинцы	34	национальность, Россия, бывший СССР, СНГ, европеоиды (светлый тон кожи), христиане, Евразия, Европа, говорящие на славянских языках, славяне
Русские – татары	27	национальность, СССР, РФ, белые, Евразия
Русские – испанцы	26	естественные названия, европеоиды, Европа, страны
Русские – башкиры	25	национальность, естественные названия, Россия, бывший СССР, Евразия, белые (светлый тон кожи), страны
Русские – китайцы	25	естественные названия, национальность, Европа, Евразия, Россия, светлый тон кожи, страны
Русские – американцы	25	национальность, Европа, хотят захватить мир, европеоиды, белые, «большие национальности»

Русские – турки	19	национальность, естественные названия, европеиды, страны, Европа, Евразия
Русские – чудь	10	народность, светлый тон кожи, СССР, христиане, славяне, страны, СНГ ²⁹

Несомненный интерес вызывают стратегии информантов, которые они используют при классификации этнонимов. Все типы стратегий мы разделили на три группы:

1. «Дилетанты» и «педанты» (вслед за Р.М. Фрумкиной) – по количеству выделенных групп. «Дилетанты» выделяют минимальное (от двух), «педанты» – довольно значительное количество групп (до 24 групп).

2. «Гражданственники» и «расисты» – по содержательным критериям выделения групп. «Гражданственников» интересует преимущественно территориальный (государственный) признак, «расистов» – морфологические (анатомические) признаки.

3. Кроме этого, существуют «рационалисты» (опираются на объективную информацию) и «чувствующие» (для них важна субъективная, оценочная информация).

Приведем примеры типов информантов.

1) **«дилетант-расист»**: поделил этнонимы на две группы – *светлокожие* и *темнокожие*, было много отказов, не учтенных и никак не прокомментированных слов;

2) **«дилетант-гражданственник»**: поделил слова на группы по территории (стране) – *проживают в России, проживают за рубежом*;

3) **«педант-расист»**: выделил множество морфологических (анатомических) отличий – *узкоглазый, белолицый, монголоид, черный*;

4) **«педант-гражданственник»**: выделил множество территорий и государств, на которых проживают/проживали представители народов (например, русские, украинцы, белорусы, башкиры) – *Европа, Евразия, Россия, Сибирь, бывший СССР, СНГ*;

5) к **«чувствующим»**, как правило, относятся **«дилетанты»** (дилетанта не смущает неоднородность классификации и то, что не все слова могут быть распределены в выделенные им группы): выделил

²⁹ Выделенные признаки сходств этнонимов русские и чудь указывают, несомненно, на то, что слово чудь – агноним.

такие категории, как *красивые и адекватные; успешные; агрессивные; у меня корни там; узкоглазые*.

Агномимы в классификационном эксперименте

Классификационный эксперимент дает возможность уточнить некоторые аспекты понятия агномимии. В коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» (часть III, отв. ред. Н.Д. Голев) анализируются критерии и степени агномимичности лексики русского языка (низкая, средняя, высокая, полная степени). Полная степень агномимичности лексемы фиксируется в случае ответа «не знаю» на вопрос: «Какое значение имеет данное слово?» [Кишина, 2010, с. 197–201]. Условия эксперимента в нашем варианте позволяли просто игнорировать те слова, с которыми информантам не хотелось работать. В связи с этим, думается, что к полной степени агномимичности в первую очередь следует отнести слова, регулярно игнорируемые информантами (безусловно, на фоне большого количества ответов «не знаю, что это»). Ответ «не знаю» все же предполагает довольно высокую степень рефлексии и критической самооценки.

Следует заметить, что многие из слов в данном эксперименте можно было бы отнести к агномимам в той или иной степени. Однако наибольшей степенью агномимичности обладают слова *водь, чудь* и *готы*.

В целом носители языка используют одинаковые, типичные стратегии опознания незнакомого слова: игнорируют его, то есть не включают ни в какие группы (в нашем эксперименте до 35 % информантов), либо включают в группу «Неизвестное», то есть маркируют это слово как незнакомое.

В то же время были использованы различные стратегии толкования этих слов носителями русского языка. При анализе слов *водь* и *чудь* информанты либо игнорировали эти слова или обозначали их как неизвестные, либо, опираясь на контекст (группу слов-этнонимов), находили признаки названий народов.

Водь, -и, ж., *собир.* Народ, живущий немногочисленной группой в Ленинградской области в районе реки Луги; люди, принадлежащие к этому народу [Русский семантический словарь, 2002, с. 355].

Чудь, чуди, ж., *собир.* Пржнее название вепсов, а также старинное название эстонцев, води и некоторых западнофинских племен [Русский семантический словарь, 2002, с. 367].

При анализе же слова *готы* для значительной части информантов (21,5 %) решающую роль сыграл не контекст группы этнонимов, а актуальность в сознании значения слова-омонимы готы: «Готы (от англ. goths – готы, варвары) – квазирелигиозная молодежная субкультура и связанное с ней молодежное движение, характеризующиеся мистически мрачным, депрессивным восприятием и выражением отношения к своей жизни» [k-istine.ru]. Ср. с толкованием в «Русском семантическом словаре»:

Готы, -ов, ед. гот, -а, м. Группа древних германских племен, живших в Северном Причерноморье в начале н. э.; люди, принадлежащие к этой группе племен [Русский семантический словарь, 2002, с. 365].

Таким образом, при опознании слова-агнони́ма, который имеет омоним, список слов, с которыми нужно работать, то есть слабый контекст, может не сыграть существенной роли, и на первый план выйдет знакомый омоним. При опознании же слова, у которого нет известного омонима, на первый план выходит контекст, состоящий из списка слов, данных в эксперименте. См. таблицу 5.

Таблица 5

Семантические признаки, выделенные у агнонимов

<i>Семантический признак</i>	<i>ВОДЬ</i>	<i>ЧУДЬ</i>	<i>ГОТЫ</i>
Подгруппы «неизвестное»			
Слово проигнорировали	23	17	14
Не понятно, не известное слово	15	14	7
<i>Всего</i>	38 (58,5 %)	31 (47,7 %)	21 (32,3 %)
Подгруппы «территория»			
Европа	1	-	2
Евразия	1	1	-
Россия	1	1	1
Сибирь	1	1	-
СНГ	-	1	-
Германия	-	-	1
<i>Всего</i>	4 (6,2 %)	4 (6,2 %)	4 (6,2 %)
Подгруппы «родовое имя»			
Племена	2	2	2

3.2. Лексические средства описания идентичности

Малые народы	3	4	1
Народы	1	2	2
Национальность	2	3	2
<i>Всего</i>	8 (12,3 %)	11 (16,9 %)	7 (10,8 %)
Подгруппы «генетические признаки»			
Древние названия народностей	7	7	10
Славяне (славянские племена)	1	2	-
<i>Всего</i>	8 (12,3 %)	9 (13,8 %)	10 (15,4 %)
Подгруппы «расовые признаки»			
Белые	2	1	3
Смуглокожие	-	2	-
Желтые	1	1	1
Цветные	-	-	3
Монголоиды	-	1	-
Темноволосые	-	-	1
<i>Всего</i>	3 (4,6 %)	5 (7,7 %)	8 (12,3 %)
Подгруппы «метаязыковые признаки»			
Смешные названия	1	1	1
Странные названия	1	1	
<i>Всего</i>	2 (3 %)	2 (3 %)	1 (1,5 %)
Подгруппы «сообщества, не связанные национальным компонентом»			
Субкультура	-	-	10
Религия, вера	1	2	4
Христиане	1	1	
<i>Всего</i>	2 (3 %)	3 (4,6 %)	14 (21,5 %)

СИБИРЯК как национальность по данным эксперимента

После Всероссийской переписи 2002 года, когда стало понятно, что в графе «национальная принадлежность» жители РФ могут указывать *любые* самоидентификации (а указывали, наряду с *сибиряками, инков, печенегов, скифов, римлян, эльфов, хоббитов, гоблинов, орков, марсиан, леших, гномов*), вплоть до следующей переписи в 2010 году было развернуто движение «Мы – сибиряки!». Активисты этого движения призывали жителей Сибири на переписи гордо сказать: «Мы – сибиряки!».

С. Басаев анализирует результаты переписи по данному вопросу: «При всем замалчивании неожиданно возникшей проблемы сибиряков бурное развитие «сибирской этнической идентичности» стало одним из самых заметных явлений во время переписи 2010 года. Несмотря на прямые установки государственных органов не записывать русских жителей Сибири «сибиряками», численность этой группы людей официально выросла в 520 раз! Если во время переписи 2002 года сибиряки как этническая группа были зафиксированы в количестве 8 человек, то в 2010 году их численность достигла 4 166 человек» (С. Басаев. Бурят меньше, чем якутов, но больше, чем сибиряков // Новая Бурятия. 17.01.2012; newbur.ru).

В языке существуют этнонимы, образованные от топонимов (*украинцы, американцы, австралийцы*), и, наоборот, топонимы могут быть образованы от этнонимов (*Греция, Чехия, Франция*). Есть лексико-семантические варианты слов-этнохоронимов, образованных от этнонимов, см., например, значение слова *камчадалы*:

Камчадалы, -ов, ед. камчадал, -а, м. 1. Название смешанного по своему происхождению коренного населения Камчатки, говорящего по-русски; люди, принадлежащие этому населению. 2. Прежнее название ительменов [Русский семантический словарь, 2002, с. 358].

Слово *сибиряк* относится к этнохоронимам (или катойконимам), то есть к словам, называющим жителей обширных регионов, и некая вероятность образования нового этнонима на основе этнохоронима может иметь место. Проанализируем, как восприняли это слово наши информанты.

Сибиряки

Понятийный категориальный признак: «национальность» 5 (*индекс яркости 0,08*); «народность» 4 (*индекс яркости 0,06*); «национальные меньшинства», «малые народы» 2 (*индекс яркости 0,03*); есте-

ственное название **1** (индекс яркости 0,015); коренные жители **1** (индекс яркости 0,015).

Подгруппа: славяне **1** (индекс яркости 0,015).

Расовые признаки: «светлый тон кожи», «белый» **6** (индекс яркости 0,09); европеоиды **2** (индекс яркости 0,03); азиаты **1** (индекс яркости 0,015).

Территориальный признак: «проживает на определенной территории» **13** (индекс яркости 0,2); «проживает в России» **10** (индекс яркости 0,15); «в Сибири» **6** (индекс яркости 0,09); «в Евразии» **1** (индекс яркости 0,015).

Религия: «православные» **1** (индекс яркости 0,015).

Описания (приписываемые оценки, качества, желания и др.): «красивые и адекватные» **1** (индекс яркости 0,015);

Другое: проигнорировали **6** (индекс яркости 0,09); «все остальные» **3** (индекс яркости 0,05).

Мы видим, что количество тех информантов, кто воспринимает слово *сибиряки* как название жителей определенной местности (а их 30 человек, то есть 46%), в 3 раза больше тех, кто считает, что сибиряки – это национальность или народность (таких 11 человек, то есть 17%, причем к ним относятся и те, кто считает, что сибиряки – малая народность, то есть имеют в виду ненцев или эвенков, а не себя). Так что идея создания национальности сибиряки вряд ли сегодня будет поддержана большинством жителей Сибири.

В число информантов входят, судя по всему, и те, для кого *сибиряк* является словом с некоторой степенью агнонимичности. Несмотря на то, что участники эксперимента – это постоянные или временные жители Сибири, 9 человек из 65 не знали, к какой категории отнести слово *сибиряк*, или вовсе его проигнорировали. Возможные причины слабого владения энциклопедическими знаниями о местности (история, этносы), в которой проживают носители языка данного возраста: 1) в целом невысокий интерес к этнической дифференциации за счет высокой степени гомогенности населения³⁰; 2) интерес не к изучению «своего» как принадлежащей субъекту изначально и навсегда данности, а к изучению «чужого» как привлекательного либо пугающего, отталкивающего. В.П. Щенников подчеркивает, что «этническое самосознание вторично по отношению к бытию этноса» [Щенников, 2008,

³⁰ По данным Всероссийской переписи 2010 года, 93,01 % населения Новосибирской области составляют русские.

с. 418], то же самое справедливо и по отношению к региональному самосознанию.

Итак, использование классификационного эксперимента на материале этнонимов и смежных с ними слов показывает, что в сознании носителей языка существуют более и менее проработанные, детализированные этнонимы. Наибольшим весом обладают семантические признаки морфологических (анатомических) различий – цвета кожи, разреза глаз и территории (страны) проживания представителей того или иного народа.

Классификационный эксперимент дает возможность определить семантическое расстояние между лексемами в сознании. Это расстояние в случае оценки этнонимов соотносимо с понятием «свои – чужие», так как вольно или невольно в ходе эксперимента происходит этническая самоидентификация испытуемого.

Многие этнонимы обладают той или иной степенью агнонимичности. Полными агнонимами являются те слова, которые, во-первых, игнорируются в ходе классификационного эксперимента, во-вторых, имеется большой процент помещения их в категорию «не знаю, к какой группе отнести».

Этнонимы довольно легко группируются по различным основаниям. Однако информанты при классификации используют разные стратегии семантизации, поэтому носителей языка можно разделить на «дилетантов» и «педантов», «гражданственников» и «расистов», а также «рационалистов» и «чувствующих». Вероятно, что тексты экстремистской направленности будут иметь различную силу воздействия на разные типы носителей языка. Например, наибольшее воздействие на «гражданственников» окажут тексты, в которых будет говориться о том, в каких странах исконно проживали те или иные народы и каким негативным последствиям привели какие-либо миграционные процессы, а на «расистов» наибольшее воздействие окажет информация о каких-либо негативных поступках представителей «чужих» народов на фоне упоминания об их морфологических отличиях от адресата текста.

3.2.4.2. «Поведение» этнонимов в дискурсе (на примере слов россиянин и русский)

Выше мы уже писали о том, что идентичность наиболее четко осознается в ситуации конфликта, конфронтации, противопоставления/сопоставления, кроме этого, идентичность – это дискурсивное и диалогическое явление. Цель данного раздела – проанализировать

две дискурсивные стратегии национальной самоидентификации, существующие в настоящее время в России. Хотя и та, и другая стремятся укрепить национальную идентичность, их в определенном смысле можно назвать противоположными, конкурирующими друг с другом, потому что первая укрепляет *российскую идентичность*, а вторая – *русскую идентичность*.

Первая стратегия реализуется в официальном дискурсе, так называемом дискурсе власти. В качестве материала прежде всего будут использованы стенограммы выступлений, интервью первых лиц России – Д.А. Медведева и В.В. Путина, опубликованных на сайтах www.президент.рф, www.premier.gov.ru, www.rosnation.ru, www.moskva-putinu.ru и др. Их стратегию можно было бы назвать стратегией укрепления гражданско-национальной идентичности жителей России, стратегией объединения этнических групп и поиска компромисса между ними.

Вторая стратегия представлена в неофициальном дискурсе, так называемом дискурсе ненависти, дискурсе оппозиции. Часть из них – это тексты книг и газет, которые вряд ли можно купить в книжном магазине или газетном киоске. Они распространяются по определенным каналам, а к лингвисту чаще всего попадают в качестве объекта проведения лингвистических экспертиз. В то же время материалы многих из них всегда можно найти на соответствующих сайтах в Интернете. В данной статье будут использованы примеры из газет «Родная Сибирь», «Русский рубеж сибирских казаков» и книг В.С. Медведева, В.Е. Хомякова и др. Стратегия укрепления национальной идентичности русских, реализуемая в них, также заслуживает нашего внимания.

В дискурсе первых лиц России наблюдается постепенный переход от формирования гражданской идентичности к формированию гражданско-национальной идентичности россиян. Вызывает вопросы входящее в оборот словосочетание **многонациональная российская нация**:

(1) Д.А. Медведев: *Но нам действительно нужно вырабатывать новые подходы. И, несмотря на то, что мы иногда улыбались, когда говорили о новой советской общности, народе, на самом деле эта идея была абсолютно правильной. Другое дело, что такие конструкции, такие общности не на бумаге возникают и не по велению президентов или генеральных секретарей. Это результат многотрудной работы общества, десятилетней. Вспомним, что еще 40 лет назад в Соединённых Штатах Америки представители разных рас и национальностей зачастую сидели на разных лавках, а сейчас это весьма толерантное общество. И нам не нужно*

стесняться учиться. Но идея **российской нации** абсолютно продуктивна, и её не нужно стесняться (Стенографический отчёт о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, 27 декабря 2010 года; опубликовано: <http://президент.рф/выступления/9913>);

(2) **В.В. Путин**: Мы и назвали его Общероссийский народный фронт, подчеркивая, что каждый человек в нашей стране может быть представителем любой конфессии, представителем любой этнической группы, но он в то же самое время должен осознавать, что он часть единой, **многонациональной российской нации** и гражданин Российской Федерации, и нести это звание с гордостью (20 июля 2011, стенограмма встречи В.В. Путина с представителями конфессий и национально-культурных и общественных организаций; опубликовано: premier.gov.ru/events/news/15972).

Оппоненты таких дискурсивных употреблений напоминают, что Конституция Российской Федерации начинается с фразы «Мы, **многонациональный народ России** <...> принимаем настоящую Конституцию», указывая таким образом на абсурдность или неправомерность словосочетания *российская нация*. Более того, в патриотически или националистически настроенном дискурсе даже термин «россияне» в этом контексте воспринимается как русофобский:

(3) *Существование «российской нации» возможно только в качестве исторического момента в развитии русской нации. При этом нельзя забывать, что в состав русской нации входят не только русские граждане РФ, но и русские жители всего бывшего СССР и не утратившая русских корней эмиграция в дальнем зарубежье. Строительство «российской нации» в качестве отрицания или преодоления русской национальной идентичности объективно невозможно. Итак, если в России многонациональность и живет много народов, то именно один из них, русский народ составляет большинство и является государствообразующим народом. Если Россия – государство единой политической нации, то единственное имя этой нации – великий русский народ, русская нация [выделено автором фрагмента – М.Л.]. Никакого другого имени наш народ не примет. И единственным последствием навязывания «россиянства» будет только полное отвержение прекрасного русского слова «россиянин» и исчезновение его из великого русского языка («Русский обозреватель», статья Егора Холмогорова «Мы – русские, не «россияне»; опубликовано: www.rus-obr.ru/day-comment/9539).*

Толковые словари русского языка указывают второе значение слова *нация* – «Государство, страна» (первое значение – «Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика») [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Если государство, страна – Россия, то нация – российская, россияне (ср. Франция – французы, Америка – американцы и т. д.). Ср. значения слова *народ*: «1. Население той или иной страны. 2. Нация, национальность, народность» [Там же]. И вопрос актуализации второстепенной сегодня семантики слова *нация* – это вопрос времени.

Кстати говоря, утверждение А.Д. Васильева в работе «Русский, российский и другие (этнонимы и псевдоэтнонимы)», сделанное им на основе текстов СМИ 1990-х годов, о том, что слово *россиянин* «семантически нечеткое и расплывчатое» [Васильев, 2003, с. 211], сегодня многим гражданам России покажется неверным. См., например, следующие высказывания:

(4) *Иудаизм для меня – совершенно чуждая религия, а христианство мне ближе: я вырос на этой земле, я впитал ее в себя. Но я никогда не говорю, что я – русский. Ненавижу, когда грузин или татарин говорит: «Я вырос на русской земле и считаю себя русским». Не надо себя считать. Ты – еврей, ты – татарин, ты – грузин...; Казаки в каждом городе – свои. К сожалению, это уже стало лубочной игрой. Почему мне так близка тема казачества? Потому что я россиянин.* (Александр Розенбаум. Бультерьер (1987–1998)³¹);

(5) *Я россиянин и люблю свою страну. Мне очень приятно было поиграть за сборную в этом году. Сбылась мечта 14-летнего пацана (Хоккеист Алексей Ковалев: «Я россиянин и люблю свою страну»), областная ежедневная газета «Вече Твери», опубликовано: <http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=3370>).*

Если в Малом академическом словаре еще отождествляются понятия *русский* и *россиянин*: «РОССИЯНИН, -а, мн. -яне, -ян, м. Устар. и высок. Русский» [1985–1988], то современные словари фиксируют расхождение их семантики. Так, в словаре Т.В. Ефремовой: «Россиянин м. 1. Русские люди, представители восточно-славянского народа, государствообразующей нации, составляющей основное население России. 2. Граждане России. Уроженцы, жители России. 3. Представители этих

³¹ Пример из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).

граждан, уроженцев, жителей»; в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия»: «РОССИЯНЕ, -ян, мн. Жители, уроженцы России; граждане России» [2001].

Очевидно, что это новое значение слова *россиянин* появилось после распада СССР, когда возникла необходимость как-то именовать граждан Российской Федерации. Думается, что внедрению этого слова в языковую практику немало способствовал первый президент России Б.Н. Ельцин со своим знаменитым обращением «Дорогие россияне!». Существует и другая версия: «...русские стали превращаться в россиян (в речевой оборот, однако, пустил это слово писатель Николай Задорнов)» [Буйда, 2000, с. 44].

В 2003 году А.В. Васильев пишет: «Если пытаться прогнозировать дальнейшие эволюции компонентов пары *русский / российский*, то нетрудно предвидеть, что *русский* будет все быстрее утрачивать денотативную основу; более того, он может перейти в пласт пейоративной лексики. Через какое-то время (вполне вероятно, исторически – довольно непродолжительно) соответствующие речедетели откажутся от идентификации и самоидентификации при помощи этого слова» [Васильев, 2003, с. 211]. Стратегия гражданско-национальной самоидентификации в официальном дискурсе действительно характеризуется определенным ограничением на использование слова «русский», превалированием слова «российский». Логика данной стратегии очевидна: таким образом пытаются подчеркнуть равенство всех народов, населяющих современную Россию, не ущемить права ни одного из них.

Тем не менее, слово *русский* вовсе не отсутствует в официальном дискурсе и, по сравнению с наименованиями других национальностей, оно, безусловно, преобладает. Однако оно, как правило, помещается в контекст слова *российский*, так сказать, «через запятую» или «в скобках». Например:

(6) В.В. Путин: *Сегодня, когда люди попадают у нас в экстремальную ситуацию, они же прямо из тепличных условий туда попадают, никакой внутренней мотивации на совершение каких-то экстраординарных поступков, подвига – почти, вроде бы, и нет. И это еще сложнее, чем в условиях, когда все общество, вся страна мобилизована. А люди идут на это и совершают эти героические поступки, о которых я сказал. Это значит, что в сердце, в душе **русского человека, российского гражданина** это всегда есть. И я уверен, всегда будет* (9 мая

2010 года, интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина создателям документального фильма «Урок истории»; опубликовано: <http://premier.gov.ru/events/news/10522>;

(7) **Д.А. Медведев:** Людмила Алексеевна [Вербицкая] говорила про русский мир... Русский мир расширяется, на самом деле, и это неплохо. Хотя, с другой стороны, существует целый ряд стран, где происходит сужение пространства, где используется русский язык. И в контексте как раз празднования зарождения **русской государственности (российской государственности – по указу)**, я думаю, что мы должны думать о расширении русского мира всеми возможными способами (Заседание по вопросу подготовки к празднованию 1150-летия зарождения российской государственности (заключительное слово). 22 июля 2011 года, Владимир; опубликовано: www.news.kremlin.ru/video/898).

Безусловно, употребление выражения «зарождения русской государственности (российской государственности – по указу)» имеет право на существование, не противоречит ни истории, ни правилам семантики русского языка, однако оно может вносить некоторую неясность, затрудняя понимание ситуации: о зарождении какого государства идет речь и чей это праздник?

Вообще, следует согласиться с Анджеем де Лазари в том, что в речевой практике (особенно в официальном дискурсе) необходимо разграничивать тавтологичные с этимологической точки зрения наименования «русский» и «российский» [Лазари, 2011, с. 38]. Дело в том, что существуют и случаи, когда имеет место отождествление лексем **русский** и **российский**:

(8) **Д.А. Медведев:** Но если говорить серьезно, то мне хотелось бы уже к вам обратиться и сказать, что все вы несете очень важные знания нашим людям. И от того, на каком языке говорят наши средства массовой информации, зависит и язык наших детей, язык будущего. Поэтому, мне кажется, очень важно, чтобы все мы старались использовать грамотную и очень красивую **российскую речь, наш родной русский язык**, и популяризовать, и пропагандировать его в самых разных местах (Пресс-конференция Президента России, 18 мая 2011 года; опубликовано: <http://президент.рф/выступление/1159>).

Вместе с тем, мы наблюдаем и динамику официального дискурса. См. фрагмент (9) с метонимическим расширительным употреблением слова **русские** (в значении «страна», «Россия») в конце 2009 года.

Полагаем, что сейчас Президент, видимо, не стал бы так говорить, то есть описываемая речевая стратегия развивается, набирает обороты:

(9) Д.А. Медведев: *Даже несмотря на то, что мы этот договор [о сокращении стратегических наступательных потенциалов] подготовим и подпишем, мы всё равно будем заниматься развитием своих стратегических наступательных сил, потому что без этого нет возможности защищать нашу страну. Это тоже очевидно и нам, и американцам, это закон текущей жизни. Это не означает, что мы вообще не можем вести разговор, скажем, о безъядерном мире. Это красивая и, в общем, правильная цель, но к ней нужно двигаться, во-первых, постепенно, и, во-вторых, в этом должны принимать участие не только **русские и американцы, но и другие страны**, которые очень сильно стремятся запрыгнуть в ядерный клуб, и от этого много проблем (Итоги года с Президентом России 24 декабря 2009 года Москва; опубликовано: <http://президент.рф/новости/6450>).*

Нужно заметить, что употребление слова **российский** не всегда оправданно:

(10) В.В. Путин: *Вы знаете, я по-другому начал с возрастом воспринимать даже то, что слышал от них в детстве. Допустим, я знал, что мама ходила к отцу в госпиталь после ранения. Он ведь начинал войну, как он говорил, в партизанском отряде, а на самом деле это была диверсионная группа, как я позднее узнал. И более того, когда я был уже Президентом, я попросил – отца уже не было в живых, он уже из жизни ушел – архивные материалы. И действительно, все, что он мне рассказывал, я с удивлением обнаружил в документах. Все совпало до мелочей. Единственное, что я не знал, – там у них была группа 28 человек, которых забрасывали в так называемый «ближний тыл» для совершения диверсионно-разведывательных операций, назад вернулось только четыре человека из 28. И чего я не знал, мне отец никогда не говорил – группу возглавлял **российский гражданин, но немец по национальности** (9 мая 2010 года, интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина создателям документального фильма «Урок истории»; опубликовано: premier.gov.ru/events/news/10522). Видимо, здесь более подходящим было бы использование слова **советский** вместо **российский**.*

Толерантные установки правительства диктуют использование приема семантической генерализации в ответе на вопрос о русских (слова **все, всякий, каждый, любой, другие** и избегание называния только **русских**):

(11) **М. Ситтель:** *«Не считаете ли Вы, что Правительство своей политикой вседозволенности к кавказцам довело ситуацию до агрессии со стороны русских?»*. Это вопрос Андрея из Красноярска.

В.В. Путин: *На самом деле, нужно пресекать проявления экстремизма со всех сторон, откуда бы они ни исходили. И нельзя общей краской мазать ни кавказцев, ни людей других национальностей, хотя такой национальности, как кавказец, нет. Вообще никого нельзя мазать общей краской. Но нужно жестко пресекать любые крайние проявления.*

М. Ситтель: *Владимир Владимирович, в продолжение темы еще один вопрос мы получили «эсэмэской»: что ожидает нас, русских, проживающих на Северном Кавказе, после всех событий, которые произошли в Москве?*

В.В. Путин: *Я думаю, что нужно избавиться от всяких страхов. Выходцы из всех регионов Российской Федерации – с Кавказа, с Дальнего Востока, из Сибири, из центральной части России – должны себя одинаково комфортно чувствовать, где бы они ни проживали. Здесь очень большая роль принадлежит региональным органам власти, общественным организациям. Самое главное, все люди, все граждане России, любого вероисповедания и любой национальности должны осознать, что мы – дети одной страны (16 декабря 2010 года в прямом эфире телеканалов «Россия», «Россия 24», радиостанций «Маяк», «Вести FM» и «Радио России», специальная программа «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение»; опубликовано: www.moskva-putinu.ru).*

Кроме того, В.В. Путину свойственно избегать прямой персональной национальной самоидентификации в ответе на вполне прямые вопросы (см. пример в параграфе 2.3.).

В отличие от стратегии официального дискурса, в котором ощущается стремление не обидеть представителей разных этносов России, пойти на компромисс, может быть, даже в ущерб интересам определенной группы, неофициальный дискурс недвусмысленно заявляет о приоритете русских: (12) *Мы должны потребовать ввести в наше законодательство учет русских национальных интересов;* (13) *Вместо того, чтобы четко и внятно сказать о руководящей роли Русской нации, и сделать это важнейшим фактом государственной этнополитики, мы слышим лепет о многонациональности и многоконфессиональности России (статья «О необходимости русского национализма»).*

Авторы оппозиционного дискурса оправдывают борьбу с властью, приписывая этой борьбе положительные качества: **(14) И этот враг окопался на самой вершине Российской власти. Прав Владимир Васильевич Квачков в своей статье о национальном восстании: «Национальная буря неизбежна. Суровая и беспощадная к оккупантам и их пособникам, опасная, но радостная, веселая и разухабистая для русского народа. И никакой гражданской войны не будет. Не с кем, нам, русским, украинцам, белорусам, татарам и другим коренным народам в России воевать. Чтобы взять за шиворот и посадить в кутузку правительство национальных изменников и предателей, хватит несколько грузовых автомобилей. Еще по грузовику на банкиров и телевидение, по «газели» – на нефтяные и газовые кампании. На всю так называемую Государственную Думу хватит караула в составе взвода, который объявит о своей усталости. Вот и весь бунт»** (статья «Букварь русского человека»).

При этом к «русским» часто причисляются и другие народы, чаще всего украинцы и белорусы, а также татары, башкиры, народы Севера и др.:

(15) В.В. Квачков: *В этом городе, в этих сотнях деревень, уничтоженных вами, находятся десятки тысяч людей. Вам дорог Чубайс, а мне дороги миллионы русских людей – татар, башкиров, якутов...* (Интервью Владимира Квачкова «Эху Москвы»).

(16) Даже одни только этнические русские (без учета огромного числа «русских по духу» из других этносов) составляют сегодня 80% населения России, которая тем самым, по стандартам ООН, считается моноэтническим Русским государством. ... Быть «русским не по крови, а по духу» – означает быть соратником в нашем общем доме «Российском Доме», равным в правах и обязанностях. Это будет «русская по духу» Нация, даже если в целях модной сегодня политкорректности нам придется именовать ее «российской» (Медведев В.С., Хомяков В.Е. Идея будущего, или Как вернуть Россию на Национальный путь).

Дискурс первого типа социолог А.Н. Малинкин отнес к центристскому типу, для которого «сформировать новую российскую идентичность – значит построить новое политически сильное и экономически благополучное российское государство по принципу «нация-государство», сохранив лучшие традиции российской национальной и политической культуры. Для этого нужны усилия самого российского народа, всех этносов и конфессий» [Малинкин, 2001, эл. ресурс].

Патриотически / националистически настроенный дискурс относится, по А.Н. Малинкину, к фундаменталистскому типу: «Их национализм имеет откровенно этноцентрический характер. Россия для них – русская цивилизация, Святая Русь, страна для русских» [Там же].

Он же более 10 лет назад сформулировал выход из сложившегося противостояния дискурсов идентичности официальной позиции и радикально настроенной оппозиции: «На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Недоразумение может возникнуть лишь вследствие смешения двух тесно взаимосвязанных, одинаково необходимых, но не взаимозаменяемых национальных идей – русской и российской. Их отождествление – ошибка, ведущая к ложной дилемме: либо наднациональная российская идея в Российском государстве с целью построения гражданско-политической «нации-государства» – либо русская идея в русском государстве, с последующей русификацией всех народов России. Если исходить из этой ложной дилеммы, то отказ от русского национализма может показаться приемлемым выбором меньшего из двух зол. В действительности, такой отказ не необходим» [Там же].

За это время официальный дискурс перестроился от формирования исключительно гражданской, наднациональной идентичности к формированию «российской многонациональной нации», а оппозиционный дискурс в целом стал более мягким, завуалированным и политкорректным (см., например, фрагмент (16)).

Противостояние оппозиции стало более изощренным: это уже не заочный диалог «русских патриотов» с «нерусской властью». В «дискурсе ненависти» стал активно использоваться инструмент официального дискурса – понятия *российский*, *россияне*. Так, К. Крылов в статье «Россияне и русские. К постановке проблемы» описывает россиян и русских как два разных народа, проживающих на территории России, различия которых видит не столько в крови, в происхождении, сколько в установках и поведении:

(17) На одной и той же территории уже довольно давно живут ДВЕ РАЗНЫЕ НАЦИИ, ОШИБОЧНО ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ОДНУ [здесь и далее выделено автором фрагмента – М.Л.]. Разница между «русскими-1» и «русскими-2» похожа на разницу между сербами и хорватами: представители этих двух народов имеют одинаковые антропологические признаки и пользуются одним и тем же языком. Но, в отличие от сербов и хорватов, сами представители этих двух «русских» народов не осознают, что они составляют две разные нации.

Однако они сильно различаются по моделям поведения, этическим системам, отношению к другим народам и даже (в последнее время) по самоназванию: одни предпочитают называть себя русскими, другие – россиянами. Последний термин, появившийся, казалось бы, случайно (как дубликат термина «коренной житель одной из областей России»), сейчас становится фактическим самоназванием НОВОГО НАРОДА, не тождественного «русским». Соответственно, самоназвания типа «демократы» и «патриоты» маркируют осознающую свою идентичность часть населения России. В этом контексте «патриот» – это просто житель России, сознательно считающий себя русским. Соответственно, «демократ» – это русскоязычный житель России, осознавший, что он не русский, или, так сказать, «другой», «новый», «не такой» русский. <...> Специфика положения россиян состоит в том, что это молодой и достаточно агрессивный этнос, вынужденный жить на уже заселенной территории. Интересно отметить, что само слово «россиянин» чем-то похоже на слово «американец»: чувствуется, что так себя называть может не коренное население, а некие «поселенцы».

Здесь, разумеется, сложно не заметить подмены политического аспекта этнической идентификацией. Удивляет и упорная близорукость оппозиционного дискурса в вопросе о многонациональной России. Представляется, что авторам официального дискурса необходимо, прислушавшись к этому голосу русских, а также ко всем другим этническим голосам России, предпринять корректирующие шаги. И самое малое, что можно будет сделать в этот переходный период, – не порождать двусмысленные контексты, смешивая в дискурсивном пространстве разные лексико-семантические варианты лексем *российский*, *Россия*: а) «русский» и б) «государственный».

3.2.5. Прагматический потенциал лексем, обозначающих лиц по роду занятий: динамический аспект (на примере слова учитель)

Вопрос прагматического потенциала лексемы рассматривается нами в контексте вербальной самоидентификации говорящим субъектом, когда говорящий субъект причисляет себя к какой-либо группе или категории людей, используя самоидентификационную формулу [Шалина, 2010; Лаппо, 2013]. Такие речевые акты мы относим к прямому описанию идентичности.

Структура лексического значения, включающего в себя прагматический компонент, отражение данного компонента в словаре, а так-

же функционирование подобной лексики в речи были описаны работами И.А. Стернина, В.Н. Телия, В.И. Шаховского, Н.А. Лукьяновой, М.В. Никитина, Г.Н. Скляревской, Е.Ю. Булыгиной, Т.А. Трипольской и др.). Однако до сих пор не существует общепринятой точки зрения на количество и семантический статус таких компонентов. Для определения прагматических компонентов в указанной выше группе слов мы будем опираться на работу Е.Ю. Булыгиной, которая пишет, что «классифицировать прагматические компоненты можно по разным основаниям. С точки зрения **содержательной** можно выделить **социальный** макрокомпонент, включающий **гендерный, возрастной, статусный, профессиональный** микрокомпоненты, **идеологический, культурный** (национально-культурный и культурно-исторический), **эмотивный**» [Булыгина, 2008, с. 103].

В рамках данной статьи сосредоточим свое внимание на статусном, идеологическом и культурном прагматических компонентах значения слова *учитель*. Основные методы для выявления прагматических компонентов, которые мы использовали:

- изучение корпуса текстов (элементы статистического метода)
- лексикографический метод;
- контекстный метод (дискурсивный анализ).

Изучение корпуса. Анализ данных Национального корпуса русского языка дает представление о важности лексемы *учитель* в речи носителей. Ответ на поисковый запрос «учитель» дает почти 30 тысяч вхождений, пики использования указанного слова приходятся на 1860-е, 1900-е и 1980-е годы. В настоящее время наблюдается некоторый спад его использования. В то же время, «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» [Ляшевская, Шаров, 2009] фиксирует 2-е место по частотности в тематической группе лексем, обозначающих лиц по роду занятий, именно лемму *учитель* (первое место занимает лемма *врач*³²). Примечательно также, что наблюдается резкий рост сочетаемости существительного *учитель* с прилагательными *простой, рядовой*. Так, например, словосочетание *рядовой учитель* в принципе не отмечаются до 1986 года. Все эти сведения демонстрируют амбивалентность в прагматической характеристике лексемы *учитель*: высокая потребность в представителях данной профессии, а также частота упоминания в дискурсах и при этом низкий ее статус.

³² Без учета опережающих их в списке слов президент, офицер, которые обозначают статус.

Лексикографический метод. Анализ словарной статьи может дать важную информацию о прагматике изучаемой лексемы, поскольку словарь в той или иной степени фиксирует правила использования языковых единиц в определенный период. Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская пишут: «Особого разговора заслуживает вопрос о зоновом распределении информации в словарной статье. Эта проблема поставлена и в достаточной мере разработана в исследованиях, посвященных, например, лексикографированию экспрессивной лексики русского языка [Булыгина, Трипольская, 1988; Лаврентьева, Новоселова, Храмцова, 1998]. При семантизации эмотивно-оценочных единиц без труда удастся выделить зону сочетаемости (в особенности для прилагательных) и зону коммуникативных правил их употребления, однако практически представить отдельно зону денотативной и прагматической семантики оказалось невозможным» [Булыгина, Трипольская, 2012, с. 178]. Подводя итоги работы лингвистов в данном направлении, авторы приходят к важному выводу: «Теперь нам представляется, что при описании прагматического компонента в толковом словаре целесообразно оставаться в рамках традиционной словарной статьи, распределив лексикографически значимую информацию между дефиницией, пометами, словарным комментарием и иллюстративным материалом. Все четыре элемента должны давать целостную картину, а функции иллюстративного материала могут варьироваться от оправдательной цитаты до контекста, поддерживающего и дополняющего толкование. Для прагматически маркированной лексики последняя функция будет ведущей» [Там же].

Проанализируем структуру словарных статей лексемы *учитель* в следующих словарях, фиксирующих функционирование слова в разное время: 1) ТСУ – «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (30–40-е годы XX века); 2) МАС – «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (50–80-е годы XX века); 3) ТСОШ – «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 4-е издание, 1997 год):

(1) УЧИТЕЛЬ, *я, мн.* учителя́ и (*книжн.*) учи́тели, *м. 1.* (учи́тели *устар.*). Лицо, занимающееся преподаванием какого-н. предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник. *Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Ленин. Съезд учителей. У. русского языка.* || Вообще лицо, обучающее, учащее чему-н. *У. пения. У. танцев. 2.* (учи́тели)

чего. Глава, автор или распространитель какого-н. учения (см. учение в 3 знач.). *Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – великие учителя социализма. 3. кого и чей.* Тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-н. ...*Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Сталин. Маркс и Энгельс, великие учителя пролетариата... История ВКП(б). И за учителей своих заздравный кубок поднимает. Пушкин. Мои университетские учителя.*

(2) УЧИТЕЛЬ, -я, м. 1. (мн. учителя). Тот, кто преподает какой-л. учебный предмет в школе; преподаватель. *Учитель математики. Сельский учитель. Учитель средней школы. Да, это была школа, здесь взрослые люди, учителя, учили детей знанию и тому, как надо жить на свете. Фадеев, Молодая гвардия.* || Тот, кто наставляет, поучает. *В нашем отечестве роль писателя – есть прежде всего роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных. Н. Некрасов, Письмо Л. Н. Толстому, <22 авг. 1856>. Михаил Семенович говорит почти сам с собой и не похож на ответственного руководителя, на старого боевика, на всеобщего учителя, каким он бывает на людях. Павленко, На Востоке. 2. (обычно мн. учителя).* Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей. [*Художник*] *оставил себе в учителя одного божественного Рафаэля. Гоголь, Портрет. Исполнилось ровно десять лет с того момента, когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя: Петроград был переименован в Ленинград. Киров, Статьи и речи 1934.*

(3) УЧИТЕЛЬ, -я, мн. -я, -ей и -и, -ей, м. 1. (мн. -я, -ей). Лицо, к-рое обучает чему-н., преподаватель. *Школьный у. У. математики. Домашний у. Заслуженный у.* (почетное звание). 2. Глава учения (во 2 знач.), человек, к-рый учит (научил) чему-н. (*высок.*). *Великие учителя-философы.* || *ж. учительница, -ы* (к 1 знач.). || *прил. учительский, -ая, -ое* (к 1 знач.). *У. тон* (*перен.: поучающий*).

Таблица 6, данная ниже, отражает распределение элементов словарной статьи (толкование, иллюстративный материал, стилистическая помета) по прагматически значимым компонентам: **статуса** (престижная или непрестижная профессия/миссия), **идеологии** (социалистический строй оценивается как приемлемый, единственно верный, а буржуазный – как неприемлемый), **культурной** значимости (вес указанной деятельности в создании духовности общества или отдельного человека). Все лексико-семантические варианты (ЛСВ) лексемы учи-

тель нами рассматриваются по той причине, что существует немало контекстов, где они нейтрализуются, т.е. «учитель как профессия» соединяется с «учителем как человеком, который чему-л. научил в жизни, наставником», более того, имеются подобные социальные ожидания от представителей данной профессиональной сферы. Любопытно также, что в МАС и ТСОШ по сравнению со ТСУ сократили количество ЛСВ: в МАС ЛСВ «наставник» стал подвариантом первого значения, а в ТСОШ второй ЛСВ соединяет второй и третий ЛСВ, представленные в ТСУ: учитель – и «наставник», и «глава учения одновременно».

Таблица 6

Прагматические компоненты значения в словарной статье

Словарь, лексико-семантический вариант (ЛСВ)	Статусный	Идеологический	Культурный
ТСУ, 1 ЛСВ	<p><i>Зона толкования:</i> «Лицо, занимающееся преподаванием какого-н. предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник»; <i>зона иллюстрации:</i> Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Ленин. Съезд учителей.</p>	<p><i>Зона иллюстрации:</i> Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Ленин. Съезд учителей.</p>	

3.2. Лексические средства описания идентичности

<p>ТСУ, 2 ЛСВ</p>	<p><i>Зона иллюстрации:</i> Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – великие учителя социализма.</p>	<p><i>Зона иллюстрации:</i> Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – великие учителя социализма.</p>	
<p>ТСУ, 3 ЛСВ</p>		<p><i>Зона иллюстрации:</i> ...Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Сталин. Маркс и Эн- гельс, великие учите- ли пролетариата... История ВКП(б).</p>	<p><i>Зона толкования:</i> Тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого- чего-н.</p>
<p>МАС, 1 ЛСВ</p>	<p><i>Зона иллюстра- ции:</i> Сельский учитель. Учитель средней школы.</p>		<p><i>Зона иллюстрации:</i> Да, это была школа, здесь взрослые люди, учителя, учили детей знанию и тому, как надо жить на свете. Фадеев, Молодая гвардия.</p>
<p>МАС, 1 ЛСВ (подва- риант)</p>			<p><i>Зона толкования+ зона иллюстрации:</i> Тот, кто наставляет, поучает. В нашем отечестве роль писа- теля – есть прежде всего роль учителя и, по возможности, за- ступника за безглас- ных и приниженных. Н. Некрасов, Письмо Л. Н. Толстому, <22 авг. 1856>.</p>

<p>МАС, 2 ЛСВ</p>	<p><i>Зона толкования:</i> Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей.</p>	<p><i>Зона иллюстрации:</i> Исполнилось ровно десять лет с того момента, когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя: Петроград был переименован в Ленинград. Киров, Статьи и речи 1934.</p>	
<p>ТСОШ, 1 ЛСВ</p>	<p><i>Зона иллюстрации:</i> Школьный у. Домашний у. Заслуженный у. (почетное звание).</p>		
<p>ТСОШ, 2 ЛСВ</p>	<p><i>Зона иллюстрации:</i> Великие учителя-философы.</p>		<p><i>Зона толкования+стилистическая помета:</i> Глава учения (во 2 знач.), человек, к-рый учит (научил) чему-н. (высок.).</p>

Очевидно, что прагматические компоненты представлены в словаре преимущественно в иллюстративной зоне, причем разные словари как бы специализируются на разных прагматических компонентах: ТСУ – на идеологическом, МАС – на культурном, а ТСОШ – на статусном. МАС сохранил фрагменты идеологии в своей иллюстративной зоне – в упоминании города Ленинграда, а ТСОШ уже не фиксирует идеологию совсем. Однако это не значит, что в настоящее время семантика лексемы учитель лишена идеологического компонента (см. дискурсивный анализ). Таким образом, словарь фиксирует явное, однозначное, общепринятое, разрешенное и безусловное в данный момент времени. Спорное, новое, неоднозначное, необщепринятое и субъективное актуализируется в дискурсе.

Дискурсивный метод. Дискурсивный анализ показывает, что прагматические компоненты, проявляющиеся в контекстах с лексемой *учитель*, тесно связаны с коммуникативной ситуацией, с его жанровой принадлежностью текста и коммуникативной задачей автора. Так, тексты-самоописания учителей, представленные на конкурс «Я – учитель», отличаются пафосом необычайной роли этой профессии в обществе (актуализируется культурный прагматический компонента значения, а также компонент сверхпрестижного статуса). См. типичный пример такого текста:

*Кто я? Не раздумывая: «Я – учитель». Наверное, это неправильно. Наверное, правильнее было бы сказать: «Я – мать», или «Я – женщина». Но «Я – учитель!» Я не просто учитель. Я **служитель храма Детства**, на алтаре которого неокрепшие, легкоранимые детские души и сердца, зоркие глаза, жадно глядящие на этот сложный и непонятный мир.*

*Я учитель.... В моих руках свет Истины, помогающий ребенку совершить **тяжелейший переход из волшебного мира детских грез и фантазий в суровую реальность взрослой жизни.***

*Я учитель.... От меня во многом зависит, **каким станет маленький человек, что принесет он в этот мир, чем наполнит его, как отблагодарит Природу за свое появление** (конкурсное эссе).*

Автор подобного текста, желая победить в конкурсе, актуализирует в сознании стереотипные ожидания от учителя – особую роль в развитии ребенка – и как бы приписывает эти качества себе.

Тексты, не имеющие такого пафоса, порождаются либо в неофициальной ситуации – в разговорах учителей, обсуждающих свою работу, зарплату, нагрузку и т. п., либо со стороны людей, имеющих определенные ожидания от учителя, понимающих, что с ними справиться в нынешней жизни сложно и поэтому заранее принижающих статус профессии учителя. Вот как, например, о непрестижности учителя говорит университетский профессор:

*...настает 4 курс, выпуск, эти ставшие мне родными бакалавры встают перед выбором: **унизительное положение учителя (неудачника)** или относительно безбедная «торговля пирожками» (торговое представительство, мерчандайзинг, силовые структуры для мальчишек). **Стать учителем и превратиться в человека не от мира сего, в ту (того), кто, несмотря на смеющуюся деревню, продолжает собирать сыроежки, учить и воспитывать, радоваться встрече с лю-***

бопытными и часто взыскательными глазами (Б. Куприянов. Педагогический бенефис // Учитель. 2012. № 6).

Автор следующего фрагмента указывает именно на это расхождение внутреннего ощущения значимости своей профессии и ожиданий учеников от него, и мы видим, что несовпадение весьма значительно:

*Учителем английского языка в школе я работаю третий год <...> Тебя, **рядового учителя**, рассматривают точно под увеличительным стеклом. Ты не можешь проявить слабость, не можешь позволить себе вольности. Дети, ученики – повсюду. Они увидят тебя и узнают там, где ты и не подозреваешь. Твоя речь должна быть идеальной, мысли мудры и поступки благородны.*

*Здравствуйте, Виктор Витальевич! – блестят глаза ученика начальной школы. Ты – **простой учитель** английского языка, а для него – **будто сказочный рыцарь, который все знает и умеет, образец для подражания** (В. Власов. Миссия «ЕГЭ» // Учитель. 2012. № 6).*

Действительно, общество постоянно приписывает учителю дополнительные прагматические функции. Учитель как бы не имеет права быть просто учителем-предметником (в соответствии с 1-м ЛСВ, данным в различных толковых словарях). Социум постоянно использует его как ресурс просвещения, воспитания и идеологии. Причем эти функции тесно связаны с тем историческим периодом, в котором они функционируют. Рассмотрим динамику социальных ожиданий от учителя на материале текстов, опубликованных в отечественных педагогических журналах разного времени.

1 период. 1860–1900-е годы. В связи с тем, что с середины 1860-х годов в России было развернуто открытие начальных народных училищ (земских школ), потребовалось большое количество учителей в эти школы. Однако профессиональных учителей не хватало, поэтому на первый план выдвигались такие качества учителя, как доброта, терпение, чуткость, появилось понятие работа призвание, в содержание семемы *учитель* было полностью включено содержание семемы *педагог*. Статус учителя был высоким, идеологический и культурный компоненты прагматики слова – подразумевается, что с помощью учителя будет ликвидирована безграмотность в обществе. Эти идеи отражает следующий фрагмент, написанный домашним учителем:

Призвав земство к совместной с правительством общественной деятельности, высочайшая воля Александра II, Царя-Освободителя, возложила на него попечение о народном образовании. Для организации

этого нового дела 14 июля 1864 года было обнародовано «Положение о начальных народных училищах», которым определялась цель учреждения их и средства для достижения ее, т. е. курс предметов элементарного образования. Постановка этого великого дела была вверена уездным и губернским училищным Советам, как самостоятельным органам, окончательно решившим все дела, касающиеся народных училищ. <...> За неимением достаточного количества дипломированных учителей, Совету было предоставлено право выбирать способных лиц и выдавать им свидетельство на право преподавания.

<...> Встречались учителя, не проходившие никаких «педагогических курсов», учившиеся только в бывших волостных школах. Это были просто грамотные люди, одаренные здравым смыслом и добрым, любящим сердцем. **Но они, – эти педагогически невежественные люди, – сделавшись учителями, стали настоящими педагогами, чутко понимавшими своих учеников и умевшими учить их с терпением, кротостью и любовью.**

<...> в лице желающих быть учителем мы ищем прежде всего человека, для **которого учительский труд был бы не ярмом, надеваемым по необходимости, а составлял бы интерес жизни** [передается речь земского члена училищного Совета, у которого автор работал домашним учителем] (С. Бобровский. На заре земской народной школы (Изъ воспоминаний стараго педагога) // Русская школа. 1899. №№ 7–8).

2 период. 1960-е годы. Учитель этого периода партией и правительством мыслится как важное звено формирования идеологических установок, воспитания нового человека – строителя социализма, обладающего определенными волевыми качествами. Во фрагменте, который приводится ниже, прямо об этом не говорится, но дается иллюстрация образцового учителя, В.И. Ленина (здесь мы видим смешение 1-го и 2-го ЛСВ), также характерно то, что статья располагается под рубрикой «Теория коммунистического воспитания»:

Когда учитель передает учащимся знания, то он выполняет не только частную задачу – дать знания по данной теме данного учебного предмета, а более общую, перспективную задачу – воспитания мышления, чувств и воли ученика. <...> Учитель учит думать, самостоятельно отыскивать правильное решение.

<...> Мы позволили себе обратиться к образу В.И. Ленина потому, что «Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, сво-

ими указаниями, всем обликом своей личности» (Чичерин Г.В. Молодежь должна учиться у Ленина // Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1957) (И. Рагинская. Увлекать или принуждать? Воспитание школьников. 1966. № 4.).

3 период. 2010-е годы. В настоящее время учителю также приписываются определенные сверхзадачи. Подразумевается, что наступило очень сложное для адаптации, социализации подрастающего поколения время (техногенный бум провоцирует т. н. «вызовы времени»), и именно учитель должен дать молодежи необходимые в нем ориентиры. Учитель не может быть только предметником, теперь его время четко структурировано: он обязан включиться в систему дополнительного образования, организовать кружковую работу, какой-либо проект, используя новые информационные технологии, формируя обозначенные компетенции. См. контексты:

При правильной организации дополнительное образование в общеобразовательном учреждении может помочь учителю творчески раскрыться и самореализоваться как профессионалу и личности; способствовать повышению общего уровня успеваемости учащихся в базовом образовании; влиять на процесс позитивной социализации школьников; сыграть решающую роль в осознанном жизненном самоопределении учащихся (Каргина З.А. Школьный учитель в системе дополнительного образования: возможности и проблемы // Воспитание школьников. 2013. № 1);

Процессы модернизации современного образования определили проблему формирования у обучающихся не столько абстрактно-теоретических, сколько социально-практических знаний, умений и навыков. Становится очевидным, что традиционная предметность должна сочетаться с реальной действительностью, социумом, в котором предстоит жить и работать сегодняшним школьникам (О. Симакова. Школьное издание как практико-ориентированный образовательный проект // Учитель. 2012. № 4).

Итак, при анализе самономинаций следует учитывать не только денотативные, но и коннотативные и прагматические компоненты значения. Лексикографический метод определения указанных компонентов может быть полезен лишь в определенной степени, поскольку, хотя словарь и отражает динамические процессы осознания прагматических ресурсов лексемы, не в состоянии их дать в полной мере. Дискурсивный метод обладает большими интерпретативными возможностями при условии учета характера коммуникативной ситуации: кем, при каких обстоятельствах и для каких целей был создан текст.

3.3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ОПИСАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Цель данного раздела – описать основные когнитивно-культурологические модели ФЕ с семантикой «социального веса», социального престижа во фразеологической системе русского языка, иными словами, соотнести указанные фразеологизмы с соответствующими культурными кодами – «теми реалиями, которые человек уже награждает культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления образа фразеологизма» [Телия, 2006, с. 13]. Кроме этого, ставится задача соотнесения научной и наивной картин мира в области социальной идентичности личности. Было проанализировано около 150 фразеологических единиц и паремий, представленных в следующих источниках: «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н. Телия (2006), «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского (2007), «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина (2008).

По мнению Ю.Н. Караулова, важное отличие языковой картины мира от научной заключается в ее антропоцентричности и лакунарности, непоследовательности: «...центром языковой картины мира, точкой отсчета и мериллом для всех ее составляющих служит человек, тогда как в научной картине мира человек занимает ничем не выделяющееся место где-то между, с одной стороны, элементарными частицами, а с другой – общей структурой мироздания. Кроме того, если научная картина мира претендует на полное, без разрывов и пробелов, отражение реальности, то языковая картина мира всегда остается лакунарной и непоследовательной» [Караулов, 2001, с. 128]. В то же время «если научная картина мира стремится к полноте, то наивная – к ее целостности» [Касевич, 1996, с. 77]. Фразеологический участок языковой картины мира, без сомнения, наиболее целостно и ярко отражает действительность, человека и его переживания в мире других людей.

Как мы рассмотрели в 1 главе, одни ученые полностью сводят идентичность к социокультурной сфере, другие выделяют социальную идентичность в ряду других модальностей. И.С. Кон, выделяя три основные модальности идентичности – психофизиологическую, социальную и личностную, указывает, что «социальная идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы,

и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам» [Кон, 1984, с. 28–29].

В.С. Агеев [2003, с. 349–350] называет важнейшие постулаты теории социальной идентичности³³:

– «социальная идентичность складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп»;

– «индивиды стремятся к сохранению или повышению своей самооценки, то есть стремятся к положительному образу себя»;

– «социальные группы (или категории) и членство в них связаны с сопутствующей им положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе, следовательно, социальная идентичность может быть положительной или отрицательной. Например, на протяжении столетий принадлежность к мужскому полу ценилась выше, чем к женскому, аристократические слои общества – выше плебейских и т. д.»;

– «оценка собственной группы индивидом определяется взаимоотношениями с некоторыми другими группами через социальное сравнение ценностно значимых качеств и характеристик. Сравнение, результатом которого становится положительное отличие своей группы от чужой, порождает высокий престиж, отрицательное – низкий».

Фразеологический слой русского языка в полной мере закрепляет названные компоненты социальной идентичности:

– позитивная самооценка, положительный образ себя как представителей определенных социальных групп (*и мы не лыком шиты; и мы не лаптем щи хлебаем; и я не последняя спица в колеснице; (мы) (и) сами с усами*);

– принцип социального сравнения (*не нашего поля ягода; нам не пара, не нам чета; далеко лягушке до вола; не нашего сукна епанча; ты и в подметки ему не годишься*);

– традиционность положительных и отрицательных оценок разных социальных категорий (*кухаркины дети, играть первую скрипку; люди с улицы; мелкая сошка*);

– стремление к сохранению своего или чужого статуса (*всяк сверчок знай свой шесток; знать свое место; сохранить свое лицо; не по Сеньке шапка; сесть не в свои сани; не лезь на рожон*).

³³ Основоположниками этой теории принято считать британских психологов А. Тэшвела и Дж. Тернера [Tajfel, Turner, 1979].

Однако для русского человека также характерно самоуничижение: *мы чужие на этом празднике жизни; (я) рылом не вышел; простой смертный; за человека (меня) не считают.*

Языковое сознание носителей русского языка допускает существование высокого статуса лица, которое негативно оценивается другими: это обусловлено как типичным негативным отношением к представителям власти (*хозяева жизни; власть предержащие; слуги народа*), так и неожиданным повышением статуса и связанных с ним возможностей (*из грязи (да) в князи; далеко пойти*). Хотя заслуженное продвижение ценой серьезных усилий оценивается позитивно (*выбиться в большие люди; пойти в гору*).

Идея большего социального веса, отраженного в ФЕ, дифференцирована существенно лучше, чем идея непрестижности, поскольку в ней можно выделить: 1) собственно зону престижности (высокого статуса), который в большинстве случаев имеет позитивные коннотации, часто с оттенком зависти (*как в лучших домах Лондона/Парижа*); 2) зону нейтрального, то есть воспринимаемого либо как нормальные, средние показатели статусной линейки (*всё как у людей*), либо как нормальные со знаком «плюс» вследствие сходства, близости (*птицы одного полета; закадычные друзья*); 3) зону выравнивания, к которой относятся ФЕ, соответствующие определенным речевым актам, а именно самоопределениям-напоминаниям типа *и я не в поле обсевок* и директивам (*не лезь поперед батьки в пекло; попал в воронью стаю, по-вороньи и каркай; не будь овцой, а то волки съедят; не ступай, собака, на волчий след: оглянется – съест*).

Идея непрестижного статуса включает в себя как явные негативные оценки других после операции сравнения или даже инструкции (*не нашего поля ягода; не нашего огорода капуста; не нашего сукна епанча; сорную траву с поля долой*), так и попытки самоуничижения, а также негативные оценки маргинальных личностей, не вписывающихся в социальные группы и не соответствующих определенным социальным ожиданиям (*белая ворона; ни пава, ни ворона; и от ворон отстала, и к воронам не пристала*).

Нельзя не учитывать и аспект эмоционально-оценочной лабильности ФЕ, на который указывала В.Н. Телия в связи с «Я-Ты-Он-грамматиками» [Телия, 1996, с. 212]. Так, ФЕ *два сапога пара* в «Я-грамматике» будет иметь позитивные коннотации ‘сходства’, ‘близости’, ‘родства душ’, а в «Он-грамматике» довольна распространена негативная оценка, ср.:

1) *А если серьезно – я понимаю мужа. Мы с ним оба наивные люди, два сапога – пара. Мы верим в «Сказку...» и в ее успех, но если что – тоже не пропадем* (И. Фомина. Ирина Безрукова: «Мы с Сережей «проросли» друг в друга»; опубликовано: www.7days.ru);

2) *А то – не надо оркестра, я его все равно не слышу». Скажи уж: денег жалко. Чего рассусоливать-то? Я же вас знаю, что ты, что Кланька твоя – два сапога пара. Снегу зимой не выпросишь. Рассказчик помолчал на это... Игранул скулами* (В. Шукшин. Хозяин бани и огорода; пример НКРЯ).

Когнитивно-культурологические модели ФЕ со значением «социального веса» относятся к двум областям действительности – сфере родства и сфере деятельности. В первой выделяются подсферы «Родство (человека)», «Мир животных» и «Мир растений» (см. табл. 7). Подсферы первой группы связаны идеями родства, генетической близости и признаками поведения, передающимися по наследству. Внимание русского языка было обращено в первую очередь на устройство сообществ человека и животных, а затем – фрагментарно – на особенности растений. Социальное превосходство определяется, во-первых, связью с категорией «родное» (то есть заведомо хорошее), во-вторых, символическим приписыванием позитивных качеств верху (*высоко летать; важная птица; на коне*) и тотему (*мохнатая лапа; священная корова*).

Таблица 7

ФЕ со значением «социального веса» в сфере родства

1. Сфера родства (человека)			
Зона престижности	Нейтральная зона	Зона выравнивания	Зона непрестижности
Белая кость/ косточка Голубая кровь, голубых кровей Для белых (людей), как белый человек Старший брат Отцы города Кум королю Отец родной	Свой брат, ваш брат, наш брат, ваша сестра, наша сестра Свой свояка видит изда- лека	Не лезь по- перед бацьки в пекло И мы не паль- цем деланы	Черная кость/косточ- ка (Как) бедный род- ственник, Без роду, без племени Кухаркины дети Он нам не пара/ не нам чета В семье не без урода

3.3. Фразеологические ресурсы описания идентичности

2. Мир животных			
<i>Зона престижности</i>	<i>Нейтральная зона</i>	<i>Зона выравнивания</i>	<i>Зона непрестижности</i>
<p>Высоко летать Важная птица Птица высоко-го полета Священная корова Мохнатая лапа На коне</p>	<p>Каждая птица летит в свою стаю Ворон ворону глаз не выклюет Как рыба в воде Птицы одного полета</p>	<p>Попал в воронью стаю, по-вороньи и каркай С волками жить – по волчьей выть Не будь овцой, а то волки съедят Не ступай, собака, на волчий след: оглянется – съест Побывать в чьей-либо шкуре Всяк сверчок знай свой шесток</p>	<p>Белая ворона И от ворон отстала, и к павам не пристала Ни пава, ни ворона Ворона в павлиньих перьях Далеко лягушке до вола Заблудшая овца Паршивую овцу из стада вон Мелко плавать Мелочь пузатая Мелкая рыбешка Серая мышь/мышка Паршивая овца На птичьих правах Невелика птица Рылом не вышел Разношерстная масса Ни рыба ни мясо Гусь свиные не товарищ</p>
3. Мир растений			
<i>Зона престижности</i>	<i>Нейтральная зона</i>	<i>Зона выравнивания</i>	<i>Зона непрестижности</i>
	<p>Одного поля ягода Одного дуба желуди</p>		<p>Не нашего поля ягода Не нашего огорода капуста Сорную траву с поля долой От осины не уродятся апельсины</p>

В сфере деятельности наиболее отчетливо выделяется подсфера «Профессиональная (трудовая) деятельность», к ней примыкают подсфера всех других действий и признаков человека и подсфера артефактов как атрибутов деятельности (см. табл. 8). Определение некоторых ФЕ к той или иной подсфере носит условный характер, например, фразеологизмы *одного сукна епанча* или *не нашего сукна епанча* можно отнести как к профессиональной деятельности (портных), так и к артефактам (виды и ценность такого материала, как сукно). Оценочный компонент фразеологизма *одного сукна епанча* носит амбивалентный характер, поэтому отнесение его к нейтральной зоне опирается на нейтральный характер внутренней формы.

Таблица 8

ФЕ со значением «социального веса» в сфере деятельности

1. Профессиональная (трудовая) деятельность			
<i>Зона престижности</i>	<i>Нейтральная зона</i>	<i>Зона выравнивания</i>	<i>Зона непрестижности</i>
Играть первую скрипку Слуги народа Находиться у кормила власти Серый кардинал Тяжелая артиллерия Власть имущие Командовать парадом	Рыбак рыбака видит издалека Одного сукна епанча Одной глины горшки На одну колодку сработаны Из одного теста замешены Все они одним миром мазаны	Не руби выше головы – глаза щепой запо-рошишь Не лезь на рожон Из дуги оглоблю не сделаешь Не боги горшки обжигают И мы не лыком шиты И я не в поле обсевок	Не нашего сукна епанча Сбоку припёка Кухаркины дети От сохи Второго/третьего сорта Абсолютный ноль Ходить по струнке/струночке
2. Сфера других действий и признаков человека			
<i>Зона престижности</i>	<i>Нейтральная зона</i>	<i>Зона выравнивания</i>	<i>Зона непрестижности</i>

3.3. Фразеологические ресурсы описания идентичности

Хозяева жизни Большой человек Человек с большой буквы В гору пойти Из грязи в князи, из грязи да в князи Выбиться в большие люди Далеко пойти Сильные мира сего Помазанник божий Родиться под счастливой звездой Такие погоду делают Большая шишка	Закадычные друзья Свои в доску Быть на одной/короткой/равной ноге Товарищ по несчастью (Всё) как у людей	Знать себе цену Не ударить в грязь лицом Сохранить свое лицо Я себя не на помойке нашел Что я, рыжий/лысый? И мы не лаптем щи хлебаем Знать свое место По одежке протягивать ножки	Ты еще мелко плаваешь Ты и мизинца его не стоишь На голову выше Он выше тебя на две головы Он тебя ногтем пришибет Он тебя на обе лопатки положит Он тебя за пояс заткнет Он любому нос утрет Он любому даст прикурить Мы чужие на этом празднике жизни В упор не видеть Маленький человек За человека не считать Ни в грош не ставить Низко пасть Лизать пятки/сапоги Вася Пупкин Люди с улицы Мальчик для битья С суконным/свиным рылом в калашный ряд Звезд с неба не хватает Шишка на ровном месте
---	--	---	---

3. Сфера артефактов

<i>Зона престижности</i>	<i>Нейтральная зона</i>	<i>Зона выравнивания</i>	<i>Зона непрестижности</i>
Как в лучших домах (Лондона/Парижа)	Два сапога пара Поставить на одну доску	И наша копеечка не щербата И я не последняя спица в колеснице	И в медный грош не ставить Ломаного гроша не стоит Не по Сеньке шапка Пустое место Ноль без палочки Мелкая сошка Сесть не в свои сани Ты в подметки ему не годишься Мыльный пузырь Битый козырь

Подведем итоги. Анализируемые участки фразеологической системы русского языка нацелены на отражение и закрепление ценностей «своего» мира, своей социальной среды, на утверждение принадлежности говорящего к определенному миру и самоутверждению себя в нем. Говорящий испытывает потребность в оценивании и сравнении своего и чужого «социального веса», мерой которого преимущественно служат категории родства и деятельности человека с присущими ей артефактами. Языковая картина мира не только соответствует научной картине мира в описании этих аспектов социальной идентичности, но и углубляет ее, дает богатый материал для изучения приоритетов личности в социуме.

3.4. ГРАММАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ САМОИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Цель данного раздела – описать словообразовательные, морфологические и синтаксические ресурсы описания идентичности в русском языке. Собственно языковыми ориентирами отнесения лексемы к словарю идентичности являются её определенные словообразовательные, морфологические и семантические свойства.

К примеру, существуют более или менее специализированные словообразовательные модели, отвечающие за производство словназваний лиц определенных категорий. Так, суффикс *-анин/-чанин* является маркером названий лиц по территориальной (в широком смысле) принадлежности: *россияне, парижане, прихожане, христиане, селяне, земляне, волжане, ростовчане, тюзяне* (разг.), *деповчане*.

Другой суффикс, *-щик/-чик/(-овщик)*, может присоединяться либо к основе существительного, либо к основе глагола. В РГ–80 все примеры существительных, образованных от существительных при помощи этого суффикса, обозначают лица, «характеризующиеся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: *паркетчик, водопроводчик, табунщик, утильщик, трамвайщик, флейтщик, алиментщик* (разг.), *процентщик, асфальтщик, литаврщик, типографщик; обозчик, наносчик, сыщик, добытчик, раздатчик, лесовщик* (спец.), *скобовщик* (спец.), *восковщик* (спец.), *клеймовщик* (спец.), *старьевщик* и т. д. [РГ–80, с. 184]. Приведенные слова можно отнести к названиям профессиональной идентичности или (реже) социального статуса, как у слова *помещик*. Ср. существительные, обра-

зованные от глаголов при помощи суффикса *-щик/-чик*, обозначающее лицо, «производящее действие, названное мотивирующим словом» [Там же, с. 144]: наряду с указанной нами группой слов, иногда могут встречаться и средства характеристики лиц (*потатчик, обидчик, обманщик, доносчик*), а также тип продуктивен для названий предметов, производящих действия, названных мотивирующим словом (*буксировщик, погрузчик*). Таким образом, суффикс *-щик/-чик* в существительных, образованных от глаголов, является менее специализированным для образования слов-названий категорий лиц, соотносимых с идентичностями.

Нельзя не обратить внимание на некоторые морфологические свойства лексем, называющих группы лиц. Так, мы считаем, что наличие в языке собирательного существительного со значением совокупности лиц говорит о том, что данная категория/идентичность является более актуальной, целостной или структурированной по сравнению с другими (*кулачё, крестьянство, студенчество, детвора, агентура, генералитет, старостат, профессура, родня*).

Безусловно, в пользу структурированности группы, категории людей (а значит, необходимости такой идентичности в социуме) говорит и наличие гипо-гиперонимических и/или синонимических отношений между лексемами, называющими лица данных категорий: *врач – стоматолог/дантист; художник – импрессионист; литературовед – зарубежник; преступник – вор – конокрад*.

В описании идентичности участвуют не только существительные-соционимы, но и глаголы, образованные от них. В русском языке это ограниченное количество слов, например: *шоферить, учительствовать, режиссёрствовать*. Все эти слова относятся к профессиональной деятельности человека, хотя имеют разную стилистическую окраску:

ШОФЕРИТЬ -рю, -ришь; нсв. **Разг.** Работать шофёром. *Ш. на грузовиках. Десять лет шоферу. Ш. мне нравится. (БТСРЯ)*

УЧИТЕЛЬСТВОВАТЬ, -ствую, -ствуешь, несов. (**книжн.**). Быть учителем (см. учитель в 1 знач.). У. в средней школе. (МАС)

РЕЖИССЁРСТВОВАТЬ, -ствую, -ствуешь, несов. (**разг.**). Вести работу режиссера, работать режиссером, режиссировать (во 2 знач.). *Он уж несколько лет режиссёрствует в провинции. (МАС)*

«**Самоидентификационная формула**». В данной работе синтаксические конструкции со значением принадлежности говорящего

субъекта к группе / категории лиц анализируются в качестве «самоидентификационной формулы», то есть формулы описания социальной идентичности автора высказывания. И.В. Шалина определяет понятие «идентификационной формулы» так: «Статусно-ролевые номинации и предикации субъектов группируются на основании обобщенной идентификационной формулы: Имя (местоимение) + таксономический / характеризующий предикат. Таксономический предикат выделяет лицо в границах какой-либо группы, микроколлектива: социальной (*Ты ж деревенская*); конфессиональной (*Мама староверка была*); гендерной (*Таська в молодости девка шибко завлекательная была*); возрастной (*Я старуха старухой*) и др.» [Шалина, 2010, с. 14].

Думается, что в задачи исследования вербализации идентичности должно войти изучение специфики «самоидентификационной формулы», ее отличий от «идентификационной формулы», обозначенной И.В. Шалиной. «Самоидентификационная формула» является грамматической модификацией «идентификационной формулы». Несмотря на то, что «некоторые исследователи отрицают существование личной парадигмы предложения» [Цейтлин, 1976, с. 165], стоит различать высказывания *Я учитель* и *Он учитель* в связи с тем, что 'дискурс-о-себе' принципиально отличается от 'дискурса-о-других' по своим прагматическим установкам. Можно также обратить внимание на то, что анализ многих языковых фактов проводится на примере 'дискурса-о-других', и поэтому феномен Я-высказывания нуждается в отдельном изучении.

«Самоидентификационная формула» – это модель самоидентифицирующего высказывания, являющегося вербализацией самоидентифицирующего суждения. В отечественной лингвистике имеются работы, которые посвящены функциональному анализу самоидентифицирующих высказываний. Так, Е.В. Катанова в зависимости от характера сказуемого и способов выражения выделяет в английском языке «три структурных типа предложения, которыми могут репрезентироваться самоидентифицирующие высказывания в парламентской среде: субстантивные (*I am a Democrat*), адъективные (*I am realistic*) и глагольные (*I served in the executive branch in the 1960s*)» [Катанова, 2009, с. 9].

В русском языке «самоидентификационная формула» наиболее ярко и конкретно представлена субстантивным типом предложения, образованным по следующей модели: местоимение 1 лица ед. или мн. числа (**Pron₁**) + нулевая или материально выраженная связка (**cop**) + таксономический (классифицирующий) предикат, выраженный име-

нем существительным в форме им. или тв. надежда ($N_{1/2}$). Эта обобщенная модель представляется нам языковым инвариантом, определяемым А.В. Бондарко как «признак или комплекс признаков изучаемых системных объектов (языковых и речевых единиц, классов и категорий, их значений и функций), который остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой» [Бондарко, 2003, с. 5].

В свою очередь, инвариант синтаксической конструкции соотносится с понятием глубинной структуры, варианты – с понятием поверхностных структур. По Н. Хомскому, «глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли» [Хомский, 2005, с. 78]. В.Г. Гак понимает глубинную структуру «как лексико-синтаксическую структуру, изоморфную ситуации» [Гак, 1969, с. 80]. Это означает, что «синтаксические категории (члены предложения) соответствуют реальным функциям субстанций и их признаков в процессе. Отношения между членами предложения «иконически» отображают реальные отношения между элементами процесса» [Там же]. Поверхностные структуры характеризуются тем, что это «косвенные номинации, элементы которых используются в переносном значении, в производной, вторичной функции» [Там же].

Г.Н. Золотова и др. всю совокупность трансформаций базовой модели называют синтаксическим полем предложения, в которое включаются: 1) основная модель; 2) грамматические модификации; 3) фазисные, модальные семантико-грамматические модификации; 4) экспрессивные, коммуникативные модификации; 5) монопредикативные синонимические вариации; 6) полипредикативные осложнения модели [Золотова и др., 2004, с. 205]. Е.Н. Ширяев относит к семантическим преобразованиям предложения фазисные и отрицательные преобразования [Ширяев, 1999, с. 705–706].

Семантика принадлежности говорящего субъекта к группе / категории лиц составляет основу содержания высказывания, формируя логическую пропозицию в предложении (*Я – ваш новый учитель*). Определение вида логической пропозиции является спорным вопросом в лингвистике: например, Т.В. Шмелева относит предложения такого типа к логической пропозиции характеристики [Шмелева, 1994], а В.Г. Гак – к пропозиции классификации [1998]. Кроме этого, информация о принадлежности к группе может быть попутной, выраженной в свернутой пропозиции (*Я, как педагог, не могу лгать детям*).

Базовой синтаксической моделью развернутой пропозиции с семантикой принадлежности к группе / категории, совпадающей с глубинной структурой, является модель с опущенной связкой **Pron₁ (-) N₁**. Вариант этой модели с материализованной связкой – **Pron₁ cop N₁** – не свойственен для русского языка. Другой вариант модели – **Pron₁ N₅** – характерен для разговорной речи (*Я здесь учителем*). Возможна и инверсия (**N₁ Pron₁**), которая, как правило, передает эмоциональную окраску высказывания: *Учитель здесь я*. И этот вариант, и предложения с модальными частицами (*же, всего лишь, ведь, все-таки, просто*) можно назвать экспрессивной модификацией базовой модели: *Я же учитель. Я всего лишь учитель. Я ведь учитель. Я все-таки учитель. Я просто учитель.*

Грамматические преобразования отражаются в модели **Pron₁ cop N₅**, причем связка может быть отвлеченной (*Я была/буду учителем*) или полувотвлеченной, с ослабленным лексическим значением (*Я работала учителем*).

Негативные преобразования реализуются в следующих моделях: общеотрицательные конструкции **Pron₁ neg N₁** (*Я не учитель*) и **Pron₁ neg cop N₅** (*Я не буду/работаю учителем*); частноотрицательная конструкция **Pron cop neg N₅** (*Я буду/работаю не учителем*).

Полипропозитивные модификации отражены в моделях **Pron₁ N_{1(a)} и N_{1(b)}** (*Я учитель и ученик одновременно*) и **Pron₁ neg N_{1(a), a N_{1(b)}}** (*Я не учитель, а ученик*).

Свернутую пропозицию с семантикой принадлежности к группе / категории следует отнести к разновидности поверхностной структуры вследствие ее вторичного характера. В русском языке в таких случаях используются предложения, в которых указанная семантика выражена предложением. Возможна бессоюзная модель **Pron_{1/4}, N_{1/4}, ...** (*Я, учитель, ...; Мне, учителю, ...*) или модели с союзом КАК – **Pron₁ КАК N₁ ...** (*Я как учитель...*); **Pron₄ КАК N₄ ...** (*Мне как учителю...*); **Pron₁ КАК neg N₁ ...** (*Я как не учитель...*); **Neg Pron₄ КАК N₄ ...** (*Не нам, как неметодистам, решать*); **Pron₄ КАК neg N₄ ...** (*Нам, как не учителям, ...*).

Таким образом, парадигма «самоидентификационной формулы» представлена в русском языке базовой моделью с развернутой пропозицией и ее модификациями, а также моделями со свернутой и имплицитной пропозициями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, самоидентификация – это осознанное либо неосознанное вербальное, пара- и невербальное маркирование идентичности, т. е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей. Под маркированием нами понимается как выражение, так и описание идентичности, которое, в свою очередь, может быть прямым или косвенным. Названные формы самоидентификации выполняют разные функции языка, несмотря на общую главную цель – обозначить, сформировать и утвердить свое место в совокупности всех людей: выделить себя из массы и/или приписать себя к своей референтной группе.

Языковедческая проблематика самоидентификации не располагается в области выбора одного из двух исследовательских подходов к соотношению языка и идентичности – языка как средства отражения идентичности или языка как средства ее создания. Самоидентификация – это не только процесс поиска, формирования, конструирования идентичности, но и обозначение своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях ее сохранения.

Самоидентификация как маркирование к какой-либо человеческой общности транспортируется самопрезентацией, стратегией управления впечатлением. Поэтому в разговоре о самоидентификации неизбежно возникает вопрос о самопрезентации и, наоборот, нельзя описать феномен самопрезентации, обойдя содержание конкретных речевых действий, в частности, самоидентификации. Однако у самопрезентации и самоидентификации разные задачи: самопрезентация направлена на других, на психологическое воздействие на адресата, на признание идентичности адресатом, а самоидентификация направлена на самого говорящего, на поиск ответа на вопрос «кто я?» или на внутреннее подтверждение ранее полученного ответа на данный вопрос. При этом разные дискурсы могут иметь разное соотношение самопрезентации и самоидентификации, разный самопрезентационный вес. Так, максимальный вес этого компонента можно увидеть в текстах-самопрезентациях, резюме, саморекламы, а минимальный – в текстах, написанных для себя (дневниках, заметках), или в доверительном общении с очень близкими людьми.

В актах самоидентификации можно выделить собственно самоидентификацию (отражающую социальную идентичность) и самохарактеризацию (отражающую личную идентичность), психофизиологическая идентичность практически не отражается в речи. Между словарем идентичности, т. е. номинациями-соционимами, отвечающими за рефлексивное описание социальной идентичности, и словарем характеристики отсутствуют непроницаемые границы, в связи с тем, что все пространство словаря идентичности обладает большим потенциалом характеристики за счет текстовых реализаций коннотативной семантики. Поэтому самонаименования – это не столько формальные ярлычки социальных ролей или этносов, сколько «свернутые тексты лингвокультуры», за которыми стоит *самоощущение* людей, которые именуют себя тем или иным образом.

В специфику лингвистического исследования, в отличие от многих других гуманитарных наук, входит изучение языковой картины мира. Поэтому данные наивного, обыденного представления об идентичности и идентификации не игнорируются нами, а представляются дополнительным ресурсом, поскольку научная картина мира может лишь уточнить, детализировать это бытовое – проверенное множество коммуникативных контактов – представление. Так, было установлено, что в пространстве русского языка формируется новое значение слова самоидентификация: «языковое действие самообозначения, причисления себя к группе, категории своих». Следовательно, самоидентификация как процесс установления идентичности включает в себя особое речевое действие описания принадлежности к некоторой общности людей. Существует масса причин для этого установления, например: а) говорящий, сомневаясь в своей уникальности, исключительности или уместности/цельности, *подыскивает* подходящее самообозначение, как бы примеряет имя к себе, в том числе придумывает его, к примеру, в электронной коммуникации; б) учитывая то, что завершенная идентичность – это принятая идентичность, говорящий *знакомит* адресата со своей социальной идентичностью (=принадлежностью к группе), устанавливая правила и границы в общении; в) если адресат ведет себя неадекватно, с точки зрения говорящего, говорящий *напоминает* адресату о том, кем он является вообще и для него в частности, актуализируя те иные смыслы в коммуникации.

Безусловно, лингвистика имеет лишь косвенное отношение к выяснению «истинной», «реальной» идентичности говорящего субъ-

3.4. Грамматическое моделирование самоидентифицирующего высказывания

екта. Предметом нашего исследования явилось субъективное переживание принадлежности к группе/категории/общности людей, которое более или менее удачно, более или менее правдиво или адекватно может быть отражено (выражено или описано) в речи. В ряде случаев реципиентами отражения эти акты могут быть квалифицированы как ложные или неверные. Отчасти это можно объяснить размытостью, нечеткостью категорий и диффузностью семантики отдельных лексем. Задача лингвиста заключается в том, чтобы по контексту установить содержание высказывания, даже если говорящий заблуждается и относительно значения тех или иных слов, и относительно своей принадлежности к той или иной категории. Более того, сама картина мира индивида носит субъективный характер, чего не может не учитывать гуманитарий, приступающий к изучению его идентичности. Ценность лингвистической работы в области идентичности и самоидентификации заключается в понимании значимости тех речевых усилий, которые совершает человек для утверждения себя в этом мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев, В. С. Социальная идентичность личности / В. С. Агеев // Социальная психология : хрестоматия / Сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М. : Аспект Пресс, 2003. – С. 349–355.

Апресян, Ю. Д. Избранные труды : В 2 т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки художественной культуры, 1995. – 767 с.

Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 339 с.

Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Иностранная литература, 1961. – 394 с.

Барлыбаев, Х. А. Структура сознания и идентичность / Х. А. Барлыбаев. – Уфа : Гилем, 2011. – 113 с.

Бергер, П. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. – М. : Academia-Центр ; Медиум, 1995. – 323 с.

Большая Российская энциклопедия : В 30 т. – М. : Большая рос. энцикл., 2008. – Т. 10 : Железное дерево – Излучение. – 767 с.

Бондарко, А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. – СПб. : Наука, 2003. – С. 5–36.

Брубейкер, Р. За пределами идентичности / Р. Брубейкер, Ф. Купер // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 61–115.

Брюшинкин, В. Н. Особенности исследования идентичности / В. Н. Брюшинкин // Ценности и смыслы. – 2010. – № 5. – С. 84–93.

Буйда, Ю. Щина / Ю. Буйда // Знамя. – 2000. – № 6. – С. 6–71.

Булыгина, Е. Ю. Лексикографический комментарий как способ представления в словаре прагматически маркированной лексики / Е. Ю. Булыгина // Комментарий и интерпретация текста : меж-

вуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск, 2008. – С. 102–110.

Булыгина, Е. Ю. Экспрессивные прилагательные современного русского языка (семантический, прагматический и лексикографический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Булыгина. – Томск, 1991. – 18 с.

Булыгина, Е. Ю. Лингвокультурологическое описание наименований городских пространств (на материале разных типов словарей) / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 175–183.

Бушев, А. Б. Язык как основание и индикатор идентичности / А. Б. Бушев // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания [электронный ресурс] : сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. Е. Б. Трофимова. – Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. – 1 эл. опт. диск (DVD).

Быкова, Г. В. Язык – главное условие этнической самоидентификации / Г. В. Быкова // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 2. – С. 292–297.

Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. – М. : Прогресс, 1972. – С. 25–60.

Валуйцева, И. И. О языковых и культурных аспектах этнической идентификации / И. И. Валуйцева, Г. Т. Хухуни // Язык и сознание: психолингвистические аспекты / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М. – Калуга : Эйдос, 2009. – С. 95–99.

Васильев, А. Д. Русский, российский и другие (этнимы и псевдоэтнимы) // Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире : Очерки новейшего словоупотребления. – М. : Флинта: Наука, 2003. – С. 180–212.

Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 238–250.

Винер, Б. Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности / Б. Е. Винер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Том 1. – № 3. – С. 119–145.

Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика : учеб. пособие / Р. Водак / пер. с англ. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 261 с.

Выхованец, О. Идентичности современного мира. Выступление на интернет-конференции «Глобализация и столкновение идентичностей», Фонд им. К. Аденауэра, 24.02–14.03.2003 [электронный ресурс] / О. Выхованец. – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/vykhovanets/?library=1075>

Гак, В. Г. К проблеме синтаксической семантики: семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур» / В. Г. Гак // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения : доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1969. – С. 77–85.

Гак, В. Г. Семантический синтаксис / В. Г. Гак // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 703 с.

Галкин, А. П. Концептуальный фон социологического дискурса об идентичности / А. П. Галкин, А. Г. Кузнецов // Вестник ВолГУ. Сер. 7. – Вып. 6. – 2007. – С. 97–103.

Гарагуля, С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида : дис. ... д-ра филол. наук / С. И. Гарагуля. – М., 2009. – 418 с.

Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллект. монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 5–24.

Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля : Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. – 2-е изд. – М. : ООО «Изд-во Эллис», 2008. – 304 с.

Горошко, Е. И. Коммуникативная виртуальная идентичность : гендерный анализ / Е. И. Горошко // Филологические заметки. – Вып. 7. Ч. 2. – Пермь, 2009. – С. 93–105.

Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ) : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Горошко. – М., 1996. – 179 с.

Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман / пер. с англ. А. Д. Ковалева. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 302 с.

Гридина, Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 215 с.

Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ... д-ра филол. наук / Е. С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.

Гришаева, Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов / Л. И. Гришаева. – Воронеж : ВГУ, 2007. – 261 с.

Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 3-е изд., испр. – М. : Academia, 2006. – 331 с.

Громова, В. М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Громова. – Ижевск, 2007. – 18 с.

Даулетова, В. А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе (на материале русской и английской биографической прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Даулетова. – Волгоград, 2004. – 22 с.

Дахалаева, Е. Ч. Семантика и прагматика автореферентных номинаций в ситуации речевого общения в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ч. Дахалаева. – Улан-Удэ, 2005. – 170 с.

Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / ван Т. А. Дейк ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Демьянков, В. З. Прототипический подход / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – С. 140–145.

Джеймс, М. Рожденные выигрывать. Транзакционный анализ с гештальтупражнениями / М. Джеймс, Д. Джонгвард ; пер. с англ. ; общ. ред. и послесл. Л. А. Петровской. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Универс», 1993. – 336 с.

Дзибель, Г. В. Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза), опубликованных в 1845–1995 гг. / Г. В. Дзибель // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 2. – СПб. : Музей антропол. и этногр. им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 1998. – С. 214–283.

Енина, Л. В. Практики профессиональной самоидентификации радиожурналистов / Л. В. Енина // Изв. Уральск. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2010а. – № 2 (75). – С. 77–83.

Енина, Л. В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход / Л. В. Енина // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2010б. – № 4(81). – С. 162–168.

Енина, Л. В. Самоидентификация журналиста в прямом эфире на радио / Л. В. Енина, Э. В. Чепкина // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2010. – № 3(78). – С. 159–167.

Ершов, П. М. Потребности человека / П. М. Ершов. – М. : Мысль, 1990. – 364 с.

Ефремов, В. А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира / В. А. Ефремов. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 182 с.

- Желткова, Н. Ю. «Свое» и «чужое» в романе Г. И. Газданова «Ночные дороги» / Н. Ю. Желткова // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 1 (105). – С. 152–156.
- Жичкина, А. Е. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская // Флогистон: психология из первых рук: [сайт], 2004. – URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>
- Заде, Л. А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. А. Заде. – М.: Мир, 1976. – 165 с.
- Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. – Ростов-н/Д : Изд-во Северо-кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 200 с.
- Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1990. – 205 с.
- Зенкин, С. Некомпетентные разоблачители (рец. на кн. : Bronckart J.-P., Bota C. *Bakhtine demasque : histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'undelire collectif*. Geneve : Droz, 2011) / С. Зенкин // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 119. – С. 358–366.
- Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М. : Ин-т русского языка РАН, 2004. – 544 с.
- Иванова, Е. Ю. О некоторых подходах к изучению семантического устройства предложения / Е. Ю. Иванова // Славянский вестник. – М., 2004. – Вып. 2. – С. 111–121.
- Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. – 312 с.
- Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология : основы теории языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2010. – 160 с.
- Ильин, И. П. *Loquor ergo sum, pargo ergo sum*: языковое обоснование «Я» в теориях постструктурализма и постмодернизма / И. П. Ильин // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. – М. : Прогресс, 1992. – С. 107–127.
- Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 284 с.
- Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие / О. С. Иссерс. – М. : Флинта, 2009. – 223 с.
- Йоргенсон, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсон, Л. Дж. Филлипс ; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.

Карасик, В. И. Языковая матрица культуры : монография / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.

Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 5–25.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. член-кор. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

Караулов, Ю. Н. Языковое сознание как процесс (теоретические предпосылки одного эксперимента) / Ю. Н. Караулов // Слово: Юбилейный сборник, посвященный на 70-годушнината на проф. Ирина Червенкова / Състав. Н. Делева, А. Липовска. – София : Унив. изд. Св. Климент Охридски, 2001. – С. 128–129.

Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 275 с.

Катанова, Е. Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Катанова. – Воронеж, 2009. – 24 с.

Кашкин, В. Б. Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге / В. Б. Кашкин // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности : коллективная монография. Ч. 2. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 49–62.

Кашкин, В. Б. Подходы к сходствам и различиям языков в истории языкознания (часть 2) / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 136–151.

Кашкин, В. Б. Этноним в наивной философии языка и картине мира [электронный ресурс] / В. Б. Кашкин. – URL: <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/KachkineIdentity2002.htm>.

Кашкина, О. В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кашкина. – Воронеж, 2005. – 24 с.

Киселев, И. Ю. Формирование идентичности в российской провинции / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова. – М., Ярославль : Институт психологии РАН, 2001. – 152 с.

Кишина, Е. В. Степени агнонимичности лексики русского языка / Е. В. Кишина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические

- аспекты. Ч. 3 : коллектив. монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2010. – С. 196–204.
- Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : URSS, 2007. – 350 с.
- Кобозева, И. М.* Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ / И. М. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований: учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 100–115.
- Кобозева, И. М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия Филология. – 1995. – № 3. – С. 102–116.
- Кобозева, И. М.* Об одном способе косвенного информирования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 462–471.
- Колесов, И. Ю.* Актуализация зрительного восприятия в языке : когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Ю. Колесов. – Барнаул, 2009. – 34 с.
- Колосов, С. А.* Конструирование социальной ненависти в дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Колосов. – Тверь, 2004. – 156 с.
- Кон, И. С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1984. – 336 с.
- Кондратова, Н. А.* Психологическая структура жизненного пространства личности / Н. А. Кондратова // Вестник Новгород. гос. ун-та. – 2008. – № 48. – С. 70–72.
- Кондратьев, М. Ю.* Азбука социального психолога-практика / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. – М. : ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
- Копусь, Т. Л.* О роли дискурса сомнения при построении идентичности / Т. Л. Копусь // Вестник Иркутск. гос. лингвистич. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 113–122.
- Короленко, Ц. П.* Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство : монография / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2007. – 472 с.
- Косолапов, Н. А.* Идентичность / Н. А. Косолапов // Глоссарий по политической психологии. – М. : РУДН, 2003. – С. 102.
- Костюшкина, Г. М.* Семантика и прагматика высказывания / Г. М. Костюшкина и др. – Иркутск : ИГЛУ, 2005. – 525 с.
- Кривых, Л. В.* Символический мир как основа самоидентификации / Л. В. Кривых // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. – М., 2009. – С. 130–140.

Кронгауз, М. А. Семантика : учебник / М. А. Кронгауз. – М. : РГГУ, 2001. – 398 с.

Крысин, Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих / Л. П. Крысин // Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. – М. : Наука, 1976. – С. 42–52.

Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.

Кубрак, Т. А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации : дис. ... канд. психол. наук / Т. А. Кубрак. – М., 2009. – 157 с.

Кубрякова, Е. С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) / Е. С. Кубрякова // Когнитивная семантика. Материалы II Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике (11–14 сентября 2000 г.). – Тамбов : Изд-во Тамбовск. гос. ун-та, 2000. – Ч. 1. – С. 6–7.

Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 26–34.

Кун, М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой и др. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – С. 180–187.

Купина, Н. А. Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала / Н. А. Купина // Славянские языки : аспекты исследования : сб. науч. ст. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – С. 142–147.

Куренной, В. А. Персональная идентичность / В. А. Куренной // Постнаука. 15.03.2013 [электронный ресурс]. – URL: <http://postnauka.ru/faq/10442>

Лазари, А. де. Категории народности и идентичности в русской и польской мысли (эскиз) / де А. Лазари // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 38–42.

Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.

Лаппо, М. А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации / М. А. Лаппо // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 4. – С. 30–37.

Лаппо, М. А. Лексические средства описания идентичности / М. А. Лаппо // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 21–32.

- Лаппо, М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом / М. А. Лаппо // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 28–32.
- Лаппо, М. А. Семантика самоидентификации в когнитивно-дискурсивном аспекте / М. А. Лаппо // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 200–207.
- Левицкий, В. В. Экспериментальные методы в семасиологии / В. В. Левицкий, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1989. – 192 с.
- Леонова, Е. В. К вопросу о дискурсивном пространстве формирования и вербализации идентичности / Е. В. Леонова // Языковые и культурные контакты : сб. научн. трудов. – Саратов : СГУ, 2010. – С. 68–73.
- Леонтович, О. А. Русские и американцы : парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 351 с.
- Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание. Парадоксальная рациональность / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – М. : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.
- Лингвоперсонология : типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул ; Кемерово : БГПУ, 2006. – 435 с.
- Лотман, Ю. М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода : («Свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – 1982. – Вып. 576. – С. 110–121.
- Лукиянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / Н. А. Лукиянова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 227 с.
- Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия ; под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 416 с.
- Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009. – 1087 с.
- Малинкин, А. Н. Новая российская идентичность : Исследование по социологии знания / А. Н. Малинкин // Социологический журнал. – 2001. – № 4 [электронный ресурс]. – URL : <http://www.socjournal.ru/release/24>
- Мальковская, И. А. Знак коммуникации : Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.

Маркова, Е. А. К вопросу о языковой идентичности / Е. А. Маркова // Языковой аспект интеграции и самоидентификации в современном мире : мат-лы межвузовск. научно-практич. конф., Москва, 28 мая 2010 / отв. ред. Г. О. Лукьянова. – М. : Цифровичок, 2010. – С. 238–242.

Мартьянова, И. А. Киновек русского текста : парадокс литературной кинематографичности / И. А. Мартьянова. – СПб. : САГА, 2002. – 236 с.

Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. – СПб. : Евразия, 1999. – 479 с.

Матузкова, Е. П. Идентичность и язык : проблематика изучения / Е. П. Матузкова // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика : в 2-х ч. / отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – Киев : Издательский дом Д. Бурого, 2013. – Изд. 2-е, испр. – Часть 1. – С. 343–351.

Матузкова, Е. П. Междисциплинарные научные подходы к изучению идентичности / Е. П. Матузкова // Мова і культура (Науковий журнал). – Київ : Видавничий дім Д. Бурого, 2012. – Вип. 15. – Т. I (155). – С. 79–86.

Медведева, И. А. Вербальная самопрезентация студентов в ситуации трудоустройства : особенности речевого сценария / И. А. Медведева // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2010. – № 32 (213). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 48. – С. 92–96.

Меджидова, С. М. «Я-концепции» с помощью теста «кто я такой» / С. М. Меджидова, А. И. Орланова // Вестник РУДН. – 2005. – № 6–7. – С. 168–180.

Михайлова, О. А. Вербализация региональной идентичности в культурном пространстве современного уральского города / О. А. Михайлова // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 105–111.

Михайлова, С. В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Михайлова. – М., 2012. – 24 с.

Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – М. : Либроком, 2010. – 240 с.

Николаева, Т. М. «Социолнгвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – С. 73–75.

Новоселова, О. А. Оценочные прилагательные и их лексикографическое описание (на материале сибирских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Новоселова. – Томск, 1990. – 18 с.

- Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
- Орлова, Э. А. Идентичность человека как философская и научная проблема / Э. А. Орлова // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 87–110.
- Осипов, Д. В. Самоидентификация в коммуникативном поведении граждан США : дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Осипов. – Астрахань, 2011. – 196 с.
- Остапенко, И. А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук / И. А. Остапенко. – Ростов н/Д, 2004. – 196 с.
- Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
- Ощепкова, Е. С. Возможность идентификации пола автора письменного текста / Е. С. Ощепкова // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе : Материалы международной научной конференции, Иваново, 25-26 июня 2002 г. : В 2 ч. Ч. II. История, социология, язык, культура. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. – С. 256–258.
- Ощепкова, Е. С. Выявление идентификационных признаков мужской и женской письменной речи при искажении текстов / Е. С. Ощепкова // Теорія та практика експертизи і криміналістики. Випуск 2 : Збірник матеріалів міжнарод. наук.-практ. конф. – Харків : Право, 2002. – С. 221–226.
- Ощепкова, Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект) : дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Ощепкова. – М., 2003. – 154 с.
- Ощепкова, Е. С. Психологические особенности мужчин и женщин, проявляющиеся в письменной речи / Е. С. Ощепкова // Доклады Первой Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М. : МГЛУ, 2001. – С. 279–289.
- Ощепкова, Е. С. Языковые основы идентичности / Е. С. Ощепкова // Жизнь языка в культуре и социуме-3 / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – М. : Изд-во «Эйдос», 2012. – С. 420–422.
- Павиленис, Р. Смысл и идентичность, или Путь к себе / Р. Павиленис ; пер. с лит. Р. Чичинскайте. – Вильнюс : ЕГУ, 2013. – 242 с.
- Падучева, Е. В. Пресуппозиция / Е. В. Падучева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 396.
- Палагута, В. И. Субъективность как множественность самоидентификаций (онтологический аспект) / В. И. Палагута // Грані. – Киев, 2009. – № 4 (66). – С. 46–51.

Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики : 1985–1987. – М. : Наука, 1989. – С. 54–82.

Пиотровская, Л. А. Стратификация эмоций в речемыслительной деятельности / Л. А. Пиотровская // Функционально-лингвистические исследования : сб. науч. ст. в честь проф. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, «Сага», 2005. – С. 102–115.

Пиотровский, Р. Г. Инженерная лингвистика и теория языка / Р. Г. Пиотровский. – Л. : Наука, Ленинград. отделение, 1979. – 112 с.

Поспелова, А. Г. Косвенные высказывания / А. Г. Поспелова // Спорные вопросы английской грамматики / отв. ред. В. В. Бурлакова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 141–153.

Почепцов, Г. Г. Имиджология / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук : Ваклер, 2000. – 766 с.

Рассоха, М. Н. К проблеме функций языка : функция идентификации / М. Н. Рассоха // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. – 2012. – № 1–2 (9). – С. 40–47.

Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и А. О. Секериной. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – С. 370–389.

Резанова, З. И. Семиотическая репрезентация национально-культурной идентичности в тексте города / З. И. Резанова // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 3. – С. 19–26.

Резанова, З. И. Способы языкового выражения самоидентификации личности в виртуальном дискурсе (на материале чатов) / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина // Европейские исследования в Сибири : Материалы всероссийской научной конференции «Мир и общество в ситуации фронта : проблемы идентичности». Вып. 4. – Томск : Изд-во ТГУ, 2004. – С. 325–335.

Рикер, П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика : Моск. лекции и интервью. – М. : КАМІ, 1995. – С. 19–38.

Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Р. Роджерс ; пер. с англ. М. М. Исениной. – М. : Прогресс, 1994. – 480 с.

Рукавицына, Е. А. Самоидентификация старообрядчества в современном социуме (на примере Республики Тыва в XX – XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. культурологии / Е. А. Рукавицына. – М., 2011. – 22 с.

Русаков, В. М. Опасности иррациональной самоидентификации / В. М. Русаков // Альманах «Дискурс-ПИИ» (электронный журнал). – Вып. 5. – URL : <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/rusakovvm.php>

Русская грамматика : В 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 784 с. (РГ–80)

Савинова, М. С. Просодия как маркер профессиональной принадлежности говорящего : на материале британских интервью : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. С. Савинова. – М., 2010. – 16 с.

Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 547 с.

Сапожникова, Р. Б. Анализ понятия «идентичность» : теоретические и методологические основания / Р. Б. Сапожникова // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. Серия «Психология». – 2005. – Вып. 1 (45). – С. 13–17.

Седов, К. Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии / К. Ф. Седов // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 12–23.

Седов, К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1996. – Вып. 26. – С. 8–14.

Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина и др. ; Ин-т языкознания ; отв. ред. Ю. А. Шрейдер. – М. : Наука, 1991. – 168 с.

Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – 212 с.

Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 195–222.

Слободяник, Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе : к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) / Н. Б. Слободяник // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (22). – 2007. – С. 60–67.

Социологическая энциклопедия : В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. – М. : Мысль, 2003. – Т. 1 : А–М. – 694 с.

Стексова, Т. И. Семантическая категория «чуждости» как средство проявления социальных позиций / Т. И. Стексова // Интерпретатор и текст: проблема ограничений в интерпретационной деятельности: материалы Пятых филологических чтений / отв. ред. Т. А. Трипольская. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2004. – С. 29–35.

Степанов, Ю. С. «Свои» и «чужие» // Ю. С. Степанов. Константы русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 772–487.

Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства) / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335 с.

Сусов, И. П. Языковое общение и лингвистика / И. П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин : Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1985. – С. 3–12.

Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34–47.

Телия, В. Н. Предисловие / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 6–14.

Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Трипольская, Т. А. Речевые стратегии самооценки как средство описания языковой личности / Т. А. Трипольская // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе). – СПб. : Образование, 1995. – С. 38–40.

Трипольская, Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица) : автореф. дис... канд. филол. наук. / Т. А. Трипольская. – Томск, 1985. – 18 с.

Трипольская, Т. А. Эмоционально-оценочный дискурс : монография / Т. А. Трипольская. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 1999. – 166 с.

Трипольская, Т. А. Экспрессивные глаголы говорения (опыт семантико-прагматического анализа) / Т. А. Трипольская, С. М. Беляева // Функциональный анализ единиц русского языка. – Новокузнецк : Изд-во НГПИ, 1992. – С. 101–107.

Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

Уфимцева, Н. В. Русские : опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 139–162.

Уфимцева, Н. В. Русские глазами русских / Н. В. Уфимцева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М. : Ин-т русского языка, 1995. – С. 242–249.

Фадеичева, М. А. Национальная и этническая идентичность : гражданин между холизмом и робинзонадой / М. А. Фадеичева // Альманах «Дискурс-

ПИ» (электронный журнал). – Вып. 2. – URL : <http://discourse-pm.ur.ru/avtor/fadeicheva.php>

Федорова, Н. А. Личностные и ситуативные факторы выбора вербальных техник самопрезентации : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. А. Федорова. – М., 2007. – 27 с.

Фрумкина, Р. М. Психолингвистика : учебник / Р. М. Фрумкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство : Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина ; ред. В. Н. Телия; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1984. – 174 с.

Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; пер. с фр., сост., комм. и послесл. С. Табачниковой. – М. : ИД «Касталь», 1996. – 446 с.

Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. – СПб. : А-сэд : АОЗТ «Талисман», 1994. – 405 с.

Хомский, Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Н. Хомский ; пер. с англ. ; предисл. Б. П. Нарумова. – М. : Ком-Книга, 2005. – 232 с.

Храмцова, Л. Н. Экспрессивные глаголы с архисемой 'работать / не работать' в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока в семантическом, сопоставительном и лексикографическом аспектах (на материале региональных словарей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Храмцова. – Томск, 1996. – 20 с.

Цейтлин, С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика / С. Н. Цейтлин // Синтаксис и стилистика / отв. ред. Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1976. – С. 161–181.

Чалдини, Р. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя / Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг. – СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : Олма-Пресс, 2002. – 254 с.

Чекалина, А. А. Об особенностях самопрезентации женщин-учителей / А. А. Чекалина // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 85–88.

Шабес, В. Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. – М. : Высш. шк., 1989. – 179 с.

Шалина, И. В. Уральское городское просторечие как просторечный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Шалина. – Екатеринбург, 2010. – 43 с.

Шахбанова, М. М. Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) / М. М. Шахбанова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 2. – С. 289–284.

Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1987. – 192 с.

Шаховский, В. И. Лингвистика эмоций / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 3–13.

Шаховский, В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации / В. И. Шаховский // Человек в коммуникации: аспекты исследования. – Волгоград : Перемена, 2005. – С. 173–204.

Шелякин, М. А. Очерки по прагматике русского языка / М. А. Шелякин. – М. : Русский язык Медиа : Дрофа, 2010. – 285 с.

Ширяев, Е. Н. Простое предложение / Е. Н. Ширяев // Современный русский язык : учебник : Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб. : Изд-во «Лань», 1999. – С. 609–758.

Школовая, М. С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации : автореф. дис. ...канд. филол. наук / М. С. Школовая. – Тверь, 2005. – 18 с.

Шмелев, А. Д. Парадоксы идентификации / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Тожество и подобие. Сравнение и идентификация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1990. – С. 33–52.

Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис : Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – 2-е изд. – Красноярск : Красноярск. гос. ун-т, 1994. – 48 с.

Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М. : МОСУ, 2001. – 272 с.

Шпильман, М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких) : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Шпильман. – Новосибирск, 2006. – 229 с.

Щенников, В. П. Этническое самосознание / В. П. Щенников // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. А. Н. Голев. – Кемерово, Барнаул, 2008. – С. 418–421.

Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, ленингр. отд., 1974. – С. 24–39.

- Щербаков, М. А. 7 путешествий в структуру сознания : Теория и практика развития личности / М. А. Щербаков. – М. : Секачев, 1998. – 288 с.
- Эрикссон, Э. Идентичность : Юность и кризис / Э. Эрикссон ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1996. – 340 с.
- Этнонимы : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. В. А. Никонов. – М. : Наука, 1970. – 267 с.
- Юдина, Т. А. Социально-философский анализ роли языка в формировании идентичности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т. А. Юдина. – Новосибирск, 2013. – 34 с.
- Юнацкевич, П. И. Психология обмана : пособие для честных людей / П. И. Юнацкевич, В. А. Кулагин. – СПб. : Атон, 1999. – 319 с.
- Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации : коллектив. монография / под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж : Изд.-полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2009. – 319 с.
- Antonyan, Y. The armenian intelligentsia today : discourses of self-identification and self-perception / Y. Antonyan // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2012. – № 1. – С. 76–100.
- Assmann, J. Das Kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerung Und Politische Identität in Frühen Hochkulturen / J. Assmann. – München : Verlag Beck, 2000. – 344 s.
- Balint, E. Commentary on Philip Bromberg's "On Knowing One's Patient Inside Out" / E. Balint // Psychoanalytic Dialogues. – 1991. – 1 (4). – P. 423–430.
- Barker, Ch. Cultural Studies and Discourse Analysis. A Dialogue on Language and Identity / Ch. Barker, D. Galasinski. – London : Sage Publications Ltd, 2001. – 208 p.
- Benwell, B. Discourse and Identity / B. Benwell, E. Stokoe. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 314 p.
- Brown, P. Politeness : Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
- Burr, V. An Introduction to Social Constructionism / V. Burr. – London ; New York : Routledge, 1995. – 198 p.
- Edwards, J. Language and Identity. An Introduction / J. Edwards. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 322 p.
- Gee, J. P. Social Linguistics and Literacies : Ideologies in Discourses / J. P. Gee. – London : Taylor & Francis, 1996. – 218 p.
- Gergen, K. Technology and the Self : From the Essential to the Sublime / K. Gergen // Grodin D. & Lindlof T. (Eds.) Constructing the Self in a mediated World. – London : Sage, 1996. – P. 127–140.

- Goffman, E.* Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. – Edinburgh : University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre, 1956. – 163 p.
- Hahn, A.* Konstruktionen des Selbst, der Welt und der Geschichte / A. Hahn. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. – 514 s.
- LaBelle, S.* Language and Identity. Introduction / S. LaBelle // The Language, Society and Power Reader. Ed. by A. Mooney and others. – London and New York : Routledge, 2011. – P. 291–293.
- Laclau, E.* Hegemony and Socialist Strategy : Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – Second Edition. – London : Verso, 2001. – 240 p.
- Lincoln, B.* Discourse and the Construction of Society : Comparative Study of Myth, Ritual and Classification / B. Lincoln. – New York ; Oxford, 1989. – 238 p.
- Marcia, J. E.* The identity status approach to the study of ego identity development / J. E. Marcia // Self and identity : Perspectives across the lifespan / T. Honess & K. Yardley (Eds). – New York : Routledge, 1987. – P. 161–171.
- Omoniyi, T.* Hierarchy of Identities / T. Omoniyi // The Sociolinguistics of Identity / T. Omoniyi and G. White (eds). – London : Continuum, 2006. – P. 11–33.
- Pearce, W. B.* A sailing guide for social constructionists / W. B. Pearce // Social Approaches to Communication. – New York ; London, 1995. – P. 88–113.
- Tajfel, H.* An Intergrative Theory of Intergroup Conflict / H. Tajfel, J. Turner // The Social Psychology of Intergroup Relations / Ed. by W. G. Austin and S. Worchel. – Monterey : Books Publishing Company, 1979. – P. 33–49.
- Wodak, R.* The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1999. – 224 p.

СЛОВАРИ

Большой толковый словарь русских существительных : св. 15000 имен существительных, идеогр. описание, синонимы, антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко ; авт.-сост. Л. Г. Бабенко и др. – М. : АСТ-Пресс : АСТ-Пресс Кн., 2005. – 862 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с. (БТСРЯ)

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В Н. Теляя. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М. : [б. и.], 1998. – Т. 2 : И–О. – 800 с.

Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 736 с.

Новый объяснительный словарь синонимов / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. Первый выпуск ; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 511 с.

Русский ассоциативный словарь : В 2 т. Т. 1: От стимула к реакции : Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 782 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизирующий по классам слов и значений / РАН ; Институт русского языка; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : [б. и.], 2002. – 804 с. Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос).

Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2004. – 792 с.

Словарь иностранных слов / под ред. А. Г. Спиркина и др. – 11-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1984. – 608 с.

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Е. А. Левашов, Т. Н. Поповцева, С. И. Алаторцева, Т. Н. Буцева ; под ред. Н. З. Котеловой ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – 877 с.

Словарь русского языка : В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1985–1988. (МАС)

Список литературы

Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева и др. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : [б. и.], 1997. – 944 с. (ТСОШ)

Толковый словарь русского языка : В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. [Электрон. текстовые данные]. – М. : ИДДК, 2003. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM). (ТСУ)

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН ; под ред. Г. Н. Складневской. – М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2001. – 944 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка : В 2 т. : более 12 000 фразеол. единиц / РАН, Ин-т филологии; сост. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1995.

Научное издание

Лаппо Марина Александровна

**САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ: СЕМАНТИКА,
ПРАГМАТИКА, ЯЗЫКОВЫЕ РЕСУРСЫ**

Монография

В авторской редакции

Компьютерная верстка – *М. А. Кантурова*

Дизайн обложки – *М. И. Буркова*

Подписано в печать 15.12.2013. Формат бумаги 60x84/16
Печать RISO. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 500 экз.
Заказ №

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»
630126, Новосибирск, ул. Виллойская, 28
Отпечатано: ФГБОУ ВПО «НГПУ»